Б-8
И-44
116973
Иловайск

Дополнительная полемика

по вопросамъ

ВАРЯГО-РУССКОМУ

и

БОЛГАРО-ГУНСКОМУ.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, (бывш. М. Н. Лаврова и К).
Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1886.

8
44
973

Б-8
Ц.44

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 116973

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА

ПО ВОПРОСАМЪ

ВАРЯГО-РУССКОМУ

И

БОЛГАРО-ГУНСКОМУ.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академии
Инв. № 116973

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, (бывш. М. Н. Лаврова и К).
Леонтьевскій пер. д. Лаврова.
1886.

Дозволено цензурою. Москва, 10-го марта 1886 г.

I.

ПОБОРНИКИ НОРМАНИЗМА И ТУРАНИЗМА.*

В. Г. Васильевскаго: «О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1882, іюль). Н.И. Веселовскаго: «Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о происхожденіи Гунновъ» (ibid. сент.) В. О. Ключевскаго «Боярская Дума древней Руси». М. 1882 г. Е. А. Бѣловъ «Объ историческомъ значеніи Русскаго боярства до конца XVII вѣка (Жур. М. Н. Пр. 1886. январь).

Выше названная полемическая статья В. Г. Василевскаго представляетъ ничто иное, какъ полное отрицаніе моихъ „Разысканій о началѣ Руси, дополненныхъ вопросомъ о Гуннахъ". Уже не въ первый разъ авторъ статьи вступаетъ въ полемику со мною по поводу моихъ изслѣдованій: предшествующій образчикъ его полемики разобранъ мною въ тѣхъ же Разысканіяхъ. Въ настоящее время по вновь поднятому мною вопросу о Гуннахъ онъ является ревностнымъ поборникомъ туранской теоріи, и пытается устранить всѣ мои доказательства, чему посвящаетъ бо̀льшую часть своей статьи. Пересмотрѣвъ этотъ старый вопросъ, я старался привлечь къ его разностороннему, публичному обсужденію людей науки, и уже два раза подвергалъ ихъ критикѣ свои доводы и выводы. Въ первый разъ это было на Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ въ сентябрѣ 1881 года. Но такъ какъ возраженія и мнѣнія, тамъ высказанныя, могли быть только случайныя, несистематичныя, то потомъ, по моей просьбѣ, въ уче-

* Изъ Русской Старины 1882 года, Декабрь; за исключеніемъ г.Бѣлова, о которомъ прибавлено послѣ.

номъ Московскомъ обществѣ естествознанія, антропологіи и этнографіи былъ устроенъ публичный диспутъ 30-го декабря того же года. (Отчетъ о немъ см. во второмъ изданіи „Разысканій“). Первое печатное мнѣ возраженіе является со стороны профессора Васильевскаго. Я очень радъ преломить полемическое копье именно съ нимъ, въ виду его репутаціи, какъ солиднаго ученаго. Это обстоятельство можетъ потомъ уволить меня отъ обязанности отвѣчать возражателямъ менѣе солиднымъ.

Пропускаю вступительное и голословное охужденіе моихъ критическихъ пріемовъ и перехожу прямо къ фактической сторонѣ.

Мой противникъ, вслѣдъ за А. А. Куникомъ, держится теоріи раздѣленія народовъ на кочевыхъ и осѣдлыхъ, на конныхъ и пѣшихъ; арійцевъ эта теорія относитъ ко вторымъ народамъ, а туранцевъ—къ первымъ. Такимъ образомъ если народъ является на поприщѣ исторіи съ признаками кочеваго быта и богатъ конницей, то онъ стало быть народъ туранскій. На чемъ основалась такая странная теорія, на какихъ несомнѣнныхъ данныхъ, объ этомъ туранизмъ выражается какими-то туманными общими мѣстами, въ родѣ того, что Славяне «достигли извѣстной степени культурнаго развитія еще до выдѣленія своего изъ общей массы арійской“. Затѣмъ идетъ ссылка на Момсена. Сей послѣдній говоритъ о томъ, что въ языкахъ индоевропейскихъ народовъ остались слѣды ихъ общей пастушеской жизни отъ той эпохи, когда они не раздѣлялись и составляли еще одноязычное племя; что уже тогда оно „достигло извѣстной относительной прочности и постоянства жилищъ“; что уже тогда оно было знакомо „съ употребленіемъ огня для приготовленія пищи и соли для ея приправы. Нельзя говорить съ такою же увѣренностію объ индоевропейскомъ земледѣліи“ и проч. А выводъ В. Г. Василевскаго отсюда тотъ, что кочевой бытъ „никогда не былъ принадлежностію Славянскаго племени, и что Славяне никогда не были коннымъ народомъ, живущимъ въ кибиткахъ и на телѣгахъ“. «Исторія и наука совсѣмъ не знаютъ кочевыхъ Славянъ». Они знали давно рожь, коноплю, овесъ; они воздѣлывали просо, пшеницу и ячмень; они знали рало, плугъ, и мотыку, а также ниву и лѣху» (146—148).

Какъ видите, мой противникъ, еще ничего не доказавши, уже

объявляетъ, что исторія и наука на его сторонѣ, и потомъ повторяетъ это объявленіе не одинъ разъ. Очевидно, въ этомъ голословномъ притязаніи на научную монополію слышится уже нѣкоторая неувѣренность, нѣкоторое опасеніе въ томъ, что доказательства его не будутъ говорить сами за себя, и что ихъ нужно подкрѣпить, такъ сказать, рѣшительнымъ тономъ, чтобы подѣйствовать на массу читателей. Такое притязаніе поневолѣ заставляетъ меня обратить особое вниманіе на историко-критическіе пріемы моего противника и указать, насколько они могутъ назваться научными. Во первыхъ, рѣчь идетъ о вопросахъ въ наукѣ еще спорныхъ и доселѣ весьма мало разъясненныхъ; борьба разнообразныхъ мнѣній для нихъ не только не излишня, а напротивъ можетъ послужить главнымъ двигателемъ для ихъ разъясненія: слѣдовательно притязанія туранизма на научную монополію въ данномъ случаѣ не только ни на чемъ не основаны, но и совершенно неумѣстны.

Нужно вообще замѣтить, что мой достоуважаемый противникъ удивительно неточенъ въ отношеніи къ тѣмъ авторамъ и тѣмъ источникамъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, чему мы увидимъ многіе примѣры. Уже самая ссылка на Момсена о томъ свидѣтельствуетъ; ибо Момсенъ тутъ привлеченъ совершенно напрасно; онъ говоритъ только о пастушескомъ бытѣ общеарійскаго племени, о нѣкоторой степени осѣдлости, и очень осторожно относится къ вопросу о земледѣліи, допуская только нѣкоторыя данныя языка объ общихъ его основахъ. А то, что онъ приводитъ изъ разныхъ арійскихъ языковъ родственныя названія дома и двери въ доказательство постоянныхъ жилищъ въ „ту первобытную эпоху“, подлежитъ еще провѣркѣ. Ибо всякое подобное названіе имѣетъ свою исторію, и нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы слово домъ уже съ самаго своего появленія на свѣтъ означало не передвижное, легкое жилище или простой шалашъ, а непремѣнно прочное и неподвижное. Дѣло это усложняется еще тѣмъ, что, смотря по характеру природы, эпоху подвижныхъ жилищъ сопровождала или ей предшествовала эпоха пещерная, которая также имѣетъ свои разныя ступени въ отношеніи быта и языка. Вопросъ о языкѣ въ первобытную эпоху не такъ простъ, какъ это думаетъ мой возражатель, Богъ

вѣсть зачѣмъ прибѣгая къ Момсену, изъ котораго приведенная цитата въ нашемъ спорѣ не причемъ. Повторяю, онъ говоритъ не о земледѣльческихъ и кочевыхъ народахъ, а о какомъ-то довольно неопредѣленномъ пастушескомъ бытѣ, который во всякомъ случаѣ ближе къ кочевому или скотоводному, чѣмъ къ земледѣльческому. Картина общеарійскаго быта, построенная на однихъ сравнительно филологическихъ основаніяхъ, доселѣ представляла только разныя попытки, а не какіе либо окончательные и безповоротно рѣшенные выводы, и на этомъ основаніи строить исторію народовъ по меньшей мѣрѣ рисковано. Кое-что о такихъ попыткахъ есть въ моей книгѣ „Разысканія о началѣ Руси“ (стр. 445); но В. Г. Васильевскій, какъ я тоже надѣюсь доказать, весьма поверхностно ознакомился съ моею книгою, хотя и выступилъ противъ нея съ такою рѣшительностію.

И такъ, категорически заявляя, что Славяне никогда не были кочевымъ и коннымъ народомъ, онъ слѣдуетъ не за Момсеномъ собственно, а за А. А. Куникомъ. который теорію конныхъ и пѣшихъ народовъ доводитъ до вопіющихъ противорѣчій съ историческими фактами. Несогласіе этой теоріи съ фактами уже было указано въ моихъ Разысканіяхъ; между прочимъ тамъ (стр. 380) я привожу въ примѣръ скиѳовъ. Извѣстно, что это былъ народъ кочевой и конный; а между тѣмъ по всѣмъ признакамъ скиѳы принадлежали къ арійцамъ; съ чѣмъ теперь начинаетъ соглашаться едва-ли не большинство ученыхъ, занимавшихся скиѳами. Я говорю тутъ о скиѳахъ не въ собирательномъ смыслѣ, а о собственныхъ или Царскихъ скиѳахъ. Далѣе, восточные сосѣди этихъ скиѳовъ, сарматы, еще болѣе кочевой дикій народъ, были признаны арійцами уже во время Шафарика; въ ихъ арійствѣ теперь не можетъ быть сомнѣнія. В. Г. Васильевскій самъ соглашается съ арійствомъ и скиѳовъ, и сарматъ (стр. 160 и 184); такимъ образомъ онъ впадаетъ въ безвыходное противорѣчіе съ тѣмъ, что говоритъ объ арійцахъ на указанныхъ выше страницахъ 146—147. Персы выступили на историческую сцену коннымъ народомъ. Парѳяне, также извѣстный конный народъ, тоже по всѣмъ признакамъ были арійцы. Алане юговосточной Европы у Амміана Марцелина изображаются такимъ же точно коннымъ и кочевымъ народомъ какъ и Гунны; въ арійствѣ

Аланъ тоже не можетъ быть сомнѣнія; остатокъ ихъ подъ именемъ Осетинъ живетъ доселѣ. В. Г. Васильевскій также считаетъ Аланъ арійскимъ племенемъ (на стр. 184). Цыгане до нашихъ дней сохранили привычку къ кочевому состоянію и страсть къ коню; а по языку это племя несомнѣнно арійское. А. А. Куникъ въ качествѣ неотвѣтственнаго академика энциклопедиста можетъ игнорировать подобные историческіе факты; но для В. Г. Васильевскаго, какъ профессора спеціалиста, обязательно ихъ знаніе и согласованіе съ ними своихъ воззрѣній, и помимо обязательности внимательно ознакомиться съ моей книгой прежде, нежели вступать съ нею въ полемику. Слѣдовательно, на какую же исторію, на какую науку ссылается онъ, утверждая, что Славяне въ качествѣ арійцевъ никогда не проходили кочевыя ступени? Это относительно арійскихъ народовъ. Съ другой стороны возьмемъ туранскіе народы, напримѣръ, Киргизовъ и Туркменъ. Развѣ они совершенно не знакомы съ употребленіемъ огня для приготовленія пищи, съ болѣе постоянными жилищами въ видѣ зимовниковъ? и т. д. И все это развѣ мѣшаетъ имъ быть кочевыми, конными народами, по языку близкими родичами не только осѣдлыхъ Хивинцевъ, но и родичами европейскихъ Турокъ, давно забывшихъ о кочевомъ состояніи, и, чтобы о нихъ ни говорили, а все таки достигшихъ извѣстной степени цивилизаціи. Если обратимся къ монголо-татарской исторіи, то и здѣсь найдемъ факты земледѣлія у этихъ кочевыхъ народовъ. В. Г. Васильевскому, напримѣръ, осталось неизвѣстно то мѣсто въ русскихъ лѣтописяхъ, гдѣ говорится о сборахъ Мамая въ походъ на Россію. Ханъ разослалъ по своимъ улусамъ такой наказъ: „не пашите землю и не заботьтесь о хлѣбѣ; будьте готовы на русскіе хлѣбы“. Или пусть В. Г. Васильевскій потрудится заглянуть въ записки Іоасафата Барбаро, именно въ VIII главу, и тамъ онъ найдетъ разсказъ очевидца о томъ, какъ кочевые Татары сѣяли и собирали хлѣбъ. Наконецъ укажемъ на семитовъ. Развѣ древняя исторія не представляетъ намъ одновременно семитическихъ народовъ, однихъ еще кочующими и полудикими, а другихъ уже достигшими сравнительно высокой степени гражданственности?

В. Г. Васильевскій продолжаетъ смѣшивать всѣхъ Славянъ въ первые вѣка по Р. Х., сѣверныхъ и южныхъ, восточныхъ и запад-

ныхъ, въ одно осѣдлое земледѣльческое племя, съ однимъ общимъ бытомъ, съ одною, будто бы уже ясно въ наукѣ опредѣленною и строго очерченною ступенью культуры. Въ этомъ его исходномъ пунктѣ и заключается „основная ложь“, выражаясь его собственными словами (на 146 стр.). Очевидно, самъ онъ не производилъ наблюденій надъ тѣми разнообразными формами быта и культуры, которыя занимаютъ многочисленныя переходныя ступени отъ состоянія совершенно дикаго и первобытнаго до состоянія гражданственнаго. Онъ просто на слово повѣрилъ А. А. Кунику, т. е. его теоріи конныхъ и пѣшихъ народовъ, сочиненной спеціально для того, чтобы отрицать или умалять славянство. Я сказалъ о Готахъ, что и они въ эпоху, когда началось переселеніе народовъ, еще „не вполнѣ вышли изъ кочеваго быта“. А противникъ мой указываетъ на то, что въ IV вѣкѣ существовалъ переводъ св. Писанія на готскій языкъ, и судя по этому переводу Готы уже были знакомы съ земледѣліемъ (148). Неужели это возраженіе серьезное? Если бы оно, также какъ и предыдущее разсужденіе о кочевыхъ и осѣдлыхъ народахъ, не было подписано извѣстнымъ авторомъ, то я бы сего послѣдняго заподозрѣлъ въ томъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ ни исторіи, ни этнографіи. Въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ была уже довольно богатая переводная и оригинальная письменность и довольно развитая культура; а гдѣ нибудь на верхней Окѣ, слѣдовательно не особенно далеко, племя Вятичей, судя по лѣтописи, еще не вышло изъ полудикаго состоянія. Можно-ли отсюда заключить, что Вятичи и кіевскіе Поляне не были соплеменники? А если возьмемъ Вятичей за три вѣка назадъ, т. е. въ эпоху перевода св. Писанія на славянскій языкъ, то состояніе ихъ было еще болѣе дикое. Каково же оно было за восемь вѣковъ ранѣе, т. е. въ эпоху перевода св. Писанія на готскій языкъ? Вообще на переводъ св. Писанія уже потому нельзя ссылаться, что оно нерѣдко трудами миссіонеровъ переводится на языкъ дикихъ народовъ. А простой фактъ существованія письменности также не можетъ ничего рѣшать въ данныхъ вопросахъ. Монголо-татарскіе народы до позднихъ временъ сохранили свой кочевой бытъ и дикіе нравы: а извѣстно, что уйгурская письменность очень древняя. По поводу выше сдѣланной мной ссылки на скиѳовъ укажу еще на извѣстіе Арріана, который говоритъ,

что скиѳы (вѣроятно какая либо ихъ часть) прежде питались хлѣбомъ, обработывали поля, имѣли постоянныя жилища и города; а потомъ вслѣдствіе обидъ отъ ѳракійцевъ покинули земледѣліе и перешли къ жизни номадовъ. (Skythien. Von Ukert. 292). Какъ бы мы ни разсматривали это извѣстіе, все таки нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что народы, достигшіе нѣкоторой культуры, вслѣдствіе непріятельскихъ погромовъ обращаются иногда въ полудикое или кочевое состояніе; въ исторіи можно найти не мало примѣровъ одичанія, особенно въ исторіи Средней и Передней Азіи. Не только Готы, въ IV вѣкѣ обитавшіе въ степяхъ южной Россіи, но и западные Германцы являются въ началѣ своей исторіи еще съ признаками кочеваго быта; чему наглядным примѣромъ служитъ извѣстное нашествіе на Римскіе предѣлы Тевтоновъ (и Кимвровъ), двигавшихся со всѣми своими семействами и со всѣмъ имуществомъ. Полукочевое состояніе Германцевъ въ первые вѣка по Р. Х. признается западноевропейскими писателями за извѣстный фактъ. (Напримѣръ, у Герб. Спенсера въ его „Развитіи политическихъ учрежденій“, 73 стр. русскаго перевода). И такъ ненаучно поступаетъ мой противникъ, опредѣляя народности по кочевому или осѣдлому состоянію, и съ его стороны совершенно излишне было приплетать Момсена къ вопросу о Гуннахъ, а въ сущности повторять пристрастныя теоріи А. А. Куника. Спеціалисту историку не подобаетъ повторять ихъ безъ собственной провѣрки.

Теперь посмотримъ, какъ В. Г. Васильевскій разсуждаетъ о наружности Гунновъ. Опять оставимъ въ сторонѣ его голословныя выходки противъ моихъ критическихъ пріемовъ, а обратимся къ фактической сторонѣ дѣла.

„Мы видимъ, что старинные авторы, описывающіе наружность Гунновъ, говорятъ либо о полной ихъ безбородости, либо о рѣдкой только бородѣ. Очевидно, что фактъ скудной растительности волосъ на лицѣ поразилъ южанъ, видѣвшихъ Гунновъ.“ (стр. 143). Тутъ ссылка на какихъ-то старинныхъ авторовъ невѣрная; Амміанъ Марцелинъ и Іорданъ не говорятъ о природной безбородости Гунновъ или скудной растительности волосъ на ихъ лицѣ; а ясно и положительно говорятъ объ ихъ обычаѣ уничтожать эту растительность посредствомъ глубокихъ нарѣзовъ на лицѣ мла-

денцевъ. Мы выводимъ отсюда или стараніе предупредить растительность бороды, или просто обычай брить бороду, и въ этомъ случаѣ опираемся еще на Керченскія фрески, гдѣ именно изображенъ конный степной народъ съ бритою бородою, но типа отнюдь не Монгольскаго. Свидѣтельство Іордана о томъ, что у Гунновъ лицо „ужасающей черноты", мы объясняемъ, если не крайнимъ его преувеличеніемъ, то искуственнымъ черненіемъ лица для приданія себѣ страшнаго вида. В. Г. Васильевскій старается противупоставить моему объясненію извѣстіе Прокопія о Гуннахъ-Ефталитахъ, что „изъ всѣхъ Гунновъ они одни бѣлы тѣломъ и не безобразны лицемъ" (156). Гдѣ же тутъ противорѣчіе факта съ моимъ объясненіемъ? выходитъ только, что Ефталиты были бѣлѣе и красивѣе другихъ Гунновъ, но можетъ быть потому, что они не безобразили себя искусственно. Такъ какъ Ефталиты, по свидѣтельству того же Прокопія, не ведутъ кочевой жизни, то въ качествѣ Гунновъ они противорѣчатъ помянутой теоріи конныхъ и пѣшихъ народовъ; поэтому мой противникъ охотно соглашается, что вопросъ о нихъ остается неразъясненнымъ.

Но любопытны его пріемы, посредствомъ которыхъ онъ пытается устранить положительныя свидѣтельства источниковъ объ искусственномъ уродованіи Гуннами своихъ лицъ.

На исскуственное обезображиваніе младенцевъ посредствомъ нарѣзовъ на лицѣ указываютъ Амміанъ и Іорданъ. Аполинарій Сидоній сообщаетъ о томъ же предметѣ слѣдующія подробности: „Чтобы носъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри. Такимъ образомъ материнская любовь обезображиваетъ рожденныхъ для битвъ." Кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ рѣчь идетъ объ искусственномъ уродованіи младенцевъ посредствомъ повязокъ, стягивающихъ голову и носъ. Выше Сидоній подтверждаетъ уродованіе младенцевъ, говоря: „на самыхъ лицахъ дѣтей уже напечатлѣнъ какой-то ужасъ." А что не одинъ носъ, но и голова сдавливалась при этомъ, опять-таки подтверждается его указаніемъ на конусообразную форму этой головы, каковая форма, сколько извѣстно, чужда и арійскимъ и туранскимъ народамъ, и могла быть создаваема только искусственно. Далѣе, что такой обычай подлаживанія головы къ шлему у во-

инственныхъ народовъ не былъ явленіемъ одинокимъ или необычайнымъ, я указалъ тому примѣры, а также примѣры татуированія и разныхъ средствъ придать своей наружности внушительный, страшный видъ. Гунны, безъ сомнѣнія, въ этомъ отношеніи доходили до крайностей; хотя и дѣйствительно достигали своей цѣли, ибо, по словамъ Іорнанда, они однимъ своимъ страшнымъ видомъ обращали въ бѣгство непріятелей И вотъ это-то столь важное свидѣтельство источника (т. е. Сидонія), можно сказать, корень всего вопроса, В. Г. Васильевскій пытается устранить какими-то совершенно гадательными фразами о неудобствахъ вышеназванныхъ повязокъ для кормленія грудью младенцевъ и о томъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ фактомъ, а будто бы только съ о б ъ я с н е н і е м ъ, которое Синодій п р и д у м а л ъ въ виду сплюснутыхъ гуннскихъ лицъ (163). Этими фразами впрочемъ наполнена всего одна страничка; тогда какъ о другихъ менѣе важныхъ сторонахъ онъ распространяется гораздо охотнѣе. Вотъ какъ туранисты обращаются съ источниками! Въ примѣръ неточности приведу и слѣдующія фразы: „Аполинарій Сидоній нѣсколько иначе, чѣмъ д р у г і е писатели, выражается о ростѣ Гунновъ; прочіе называютъ ихъ малорослыми, а онъ даетъ имъ средній ростъ“ (162). Оказывается, что эти д р у г і е и п р о ч і е совмѣщаются только въ одномъ Іорнандѣ; никто изъ извѣстныхъ источниковъ, кромѣ его, не называетъ Гунновъ малорослыми. Мой противникъ усиливается доказать, что описаніе наружности Аттилы Іорнандъ в п о л н ѣ заимствовалъ у Приска (158—159). Что Іорнандъ пользовался Прискомъ, я на это указываю въ своей книгѣ; но увѣрять, что описаніе наружности Аттилы непремѣнно заключалось въ той части его сочиненія, которая до насъ не дошла, и что это описаніе тамъ буквально было сходно съ Іорнандовымъ,—такъ далеко я не пойду за моимъ противникомъ, и тѣмъ болѣе, что та часть, гдѣ Прискъ описываетъ Аттилу, сохранилась.

Далѣе В. Г. Васильевскій оспариваетъ мое толкованіе словъ Сидонія „succincta sub ilibus alvus“—низко подпоясанный или низко подтянутый животъ—и настаиваетъ на томъ, что это значитъ „подобранный подъ брюхомъ животъ,“ или въ переносномъ смыслѣ „сухопарый“ (165). Мало-ли что можетъ быть въ пере-

носномъ смыслѣ; а здѣсь я предлагалъ держаться буквальнаго смысла. По его же толкованію выходитъ, что у Гунновъ только одна часть живота была впалая, именно нижняя (находящаяся подъ брюхомъ), а верхняя часть у нихъ была обыкновенная; получается нѣчто неудобопонятное. Если бы французскіе переводчики Сидонія имѣли передъ глазами керченскія фрески, на которыя я ссылаюсь и которыя мой противникъ игнорируетъ, то они, можетъ быть, отнеслись бы къ этой фразѣ иначе. Но предположимъ спорность этой фразы или даже примемъ ее переносный смыслъ, что же выиграетъ отъ того туранская теорія? Я не желаю набрасывать никакой тѣни на основательное знакомство моего противника съ классическими языками, однако это знакомство не мѣшаетъ ему иногда жестоко ошибаться. Не бѣда, конечно, сдѣлать простую ошибку въ толкованіи темнаго мѣста; но на ошибочномъ переводѣ одной фразы источника основать цѣлую систему тождества Руси съ Варягами въ XI вѣкѣ въ Византіи—это уже означаетъ явное увлеченіе предвзятыми теоріями. (См. о томъ въ моихъ „Разысканіяхъ“. Стр. 358—359).

Я указалъ на обиліе у насъ, Великоруссовъ, такъ называемыхъ мордовскихъ физіономій. Мой противникъ находитъ такое замѣчаніе „курьезнымъ,“ и спрашиваетъ, не свидѣтельствуетъ-ли это о присутствіи финской крови? (155). Выходитъ, какъ будто онъ мнѣ возражаетъ; а между тѣмъ я именно, по аналогіи съ Великоруссами, допускаю доисторическую подмѣсь туранской крови въ Гунской народности, которая въ началѣ является крайнею восточною вѣтвію славянства и, конечно, долго жила въ сосѣдствѣ съ туранскими народами. Если бы не скрещиванія съ инородцами, то откуда же явилось бы такое разнообразіе въ типѣ различныхъ славянскихъ народовъ, т. е. въ ихъ физіономіи, цвѣтѣ волосъ, сложеніи, ростѣ, характерѣ и проч.? Я указывалъ на Болгаръ. Они несомнѣнно были племя гуннское. О нихъ мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства; потомки ихъ живы до сихъ поръ. Но никакихъ даже намековъ на ихъ гуннское безобразіе или на черноту ихъ лица не встрѣчаемъ. Что же отсюда слѣдуетъ? А то, что когда нравы Гунновъ на средне и южно-европейской почвѣ смягчились, когда они перестали искусственно себя уродовать, то и безобразія никакого не оказалось; возмож-

но также, что и самый обычай уродованія распространялся далеко не на всѣхъ Гунновъ, а только на какую нибудь вѣтвь или даже на одно военное, т. е. господствующее сословіе. Почти все это въ моей книгѣ объяснено; но, какъ я сказалъ, противникъ мой отнесся къ ней болѣе чѣмъ поверхностно. Признавая Болгаръ также Гуннами, онъ и не замѣчаетъ возникающаго отсюда своего противорѣчія съ фактами. Наконецъ, если, какъ онъ утверждаетъ, Гунны имѣли монгольскую или калмыцкую народность; то я просилъ указать мнѣ въ исторіи аналогію съ тѣмъ страшнымъ впечатлѣніемъ, которое они производили. Позднѣе мы имѣемъ много историческихъ извѣстій о вторженіи въ Европу дѣйствительно туранскихъ народовъ (когда о гуннахъ уже давно забыли), — и никакого намека на то, чтобы они испугали кого либо одною своею страшною наружностію. Никакихъ историческихъ аналогій мой противникъ не указалъ. Ясно, что и Гунны, если бы исскуственно не придавали себѣ такой безобразный, устрашающій видъ, то ихъ наружность не поразила бы въ такой степени и не вызвала бы такихъ толковъ.

Перейдемъ къ самой скользкой сторонѣ норманистовъ и туранистовъ, къ этимологическимъ разсужденіямъ В. Г. Васильевскаго.

Извѣстны три слова, приводимыя источниками по поводу Гунновъ: к а м о с ъ, м е д ъ и с т р а в а. Въ камосѣ нѣкоторые видѣли квасъ. Я слегка упоминаю объ этомъ словѣ, отнюдь не настаивая, чтобы это былъ непремѣнно квасъ, а настаиваю только, что это не былъ кумысъ. Мой противникъ пространно доказываетъ, что к а м ъ не былъ ни квасъ, ни кумысъ (150). Въ своихъ положеніяхъ, сгруппированныхъ для диспута, я поставилъ медъ и страву, а камосъ пропустилъ. Ясно, кажется, что этому слову я не придаю никакого значенія въ системѣ своихъ доказательствъ. Тѣмъ не менѣе по поводу этихъ положеній мой противникъ опять ставитъ мнѣ на видъ камосъ (171). За то о медѣ онъ отзывается очень кратко, въ родѣ того, что „его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ уступить Кельтамъ“, и что вмѣстѣ съ камомъ медъ „не имѣетъ никакого отношенія къ Гуннамъ“. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ отношенія В. Г. Васильевскаго къ источникамъ. Историческій свидѣтель говоритъ о существованіи у Гун-

новъ напитка, называвшагося медъ; а новѣйшій толкователь заявляетъ, что это вздоръ, потому что еще прежде Гунновъ въ Паннонiи жили Кельты; а въ кельтскомъ словарѣ Кормака встрѣчается молъ слово mid и med. (150—151). Не мѣшаетъ прибавить къ этому, что медъ, какъ напитокъ, былъ въ употребленiи еще у скиѳовъ (см. Укерта Skyt. 299); слѣдовательно отнимать его у Гунновъ нельзя никоимъ образомъ. Но всѣ эти quasi научныя пріемы моего противника сущіе пустяки сравнительно съ тѣмъ, что онъ говоритъ о стравѣ.

Іорданъ прямо и положительно сообщаетъ, что Гунны называютъ свое погребальное пиршество страва. Простому, здравому смыслу показалось бы, что тутъ никакіе споры невозможны. Но они оказываются возможными для такихъ ученыхъ толкователей, какъ мой противникъ. Для этого онъ только приводитъ мѣсто изъ комментаріевъ Лактанція Плацида, мѣсто, подтверждающее Іорнанда; но тутъ же не совсѣмъ точно его переводитъ. Лактанцій говоритъ, что для сожженiя трупа воздвигался костеръ изъ непріятельскаго и своего оружія, и что этотъ обрядъ погребенiя (ritum sepulturae) варвары на своемъ языкѣ называютъ strabas. Новѣйшій толкователь поясняетъ, что страба тутъ значитъ не обрядъ погребенiя вообще, а костеръ, обрядъ сожженiя. Для чего же нужно такое толкованіе? „Это—отвѣчаетъ толкователь—даетъ возможность нѣмецкимъ ученымъ производить stravam Іорнанда отъ готскаго глагола straujan“ (разстилать, распространять), т. е. слово страва считать заимствованнымъ у Готовъ (151). Какъ видите, натяжка и путаница въ объясненiи выходитъ ужасная. Такимъ образомъ слово, которое при суммѣ другихъ доказательствъ, можно сказать, имѣетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о народности Гунновъ, вычеркивается произвольно и безъ всякихъ разсужденій, вопреки ясному, положительному смыслу источника. При семъ мое указаніе на все невѣроятіе того, чтобы чужимъ, заимствованнымъ словомъ назывался такой важный обрядъ, какимъ у языческихъ народовъ было погребеніе, мой противникъ, по обычаю, обходитъ молчаніемъ. Въ своихъ „Разысканіяхъ“ я указалъ это (на стр. 550) по поводу того, что г. Гротъ, ученикъ В. Г. Васильевскаго, считаетъ слово страва заимствованнымъ Гуннами

у Славянъ. Но, какъ видите, учитель пошелъ дальше ученика (обыкновенно бываетъ на оборотъ) и признаетъ это слово уже не славянскимъ, а готскимъ. „Нужно-ли предполагать заимствованіе Славянами слова страва отъ Готовъ—мы не знаемъ“— кратко и скромно добавляетъ онъ. И такъ, не играющему никакой роли въ моихъ доказательствахъ камосу гораздо болѣе посчастливилось въ комментаріяхъ моего противника, нежели такому важному и основному факту, какъ свидѣтельство Іорнанда о гуннской стравѣ. Да, надобно имѣть положительную и предвзятую ненависть къ самой мысли о славянствѣ Гунновъ, чтобы прибѣгать къ такимъ произвольнымъ выводамъ и къ такимъ вопіющимъ натяжкамъ, какъ отрицаніе славянскаго слова страва и его производство прямо отъ готскаго straujan.

Приведемъ еще слѣдующій образчикъ этимологическихъ возраженій моего противника.

Отвѣчая г. Макушеву по поводу Болгаръ, я указалъ на то, что туранисты только голословно отрицаютъ славянство болгарскихъ именъ, а филологически, научно, ничего не доказываютъ, и, для примѣра, просилъ по всѣмъ правиламъ филологическаго искусства доказать, что имя болгарскаго князя Кормисошъ не славянское; что въ немъ не можетъ быть такого же корня, какой заключается въ словахъ кормчій, кормилецъ и т. п. А что касается до окончанія, то я имѣлъ въ виду аналогію съ именами Милошъ, Гнѣвошъ, Длугошъ и т. п., или съ словами пустошь, вѣтошь и пр. Г. Макушевъ промолчалъ. Но за него отвѣчаетъ В. Г. Васильевскій, замѣчая, что на подобные вопросы спеціалистамъ отвѣчать совѣстно, а задавать ихъ стыдно. Затѣмъ онъ совершенно произвольно разлагаетъ данное имя на двѣ части: корми и сошъ; а такъ какъ сошъ будетъ неслыханный славянскій суффиксъ, то стало быть имя не славянское (179). Да откуда онъ взялъ, что я именно такъ разлагаю это слово? Почему же онъ не обратилъ вниманія на то, что въ греческой передачѣ это имя является Кормезіосъ, которое окончательно не допускаетъ предложеннаго имъ дѣленія, т. е. на Корме и Зіосъ. Съ своей стороны я не бралъ и не беру на себя разъяснить этимологію этого имени, а только просилъ филологовъ-спеціалистовъ разъяс-

нить хотя бы только отрицательно, т. е доказать его неславянство. Если слѣдовать способу толкованія, предложенному В. Г. Васильевскимъ, то мы прійдемъ ко многимъ страннымъ выводамъ. Такъ, фамилія профессора Богишича тоже окажется неславянскою, хотя въ ней и присутствуетъ корень бог; ибо, раздѣливъ по указанному способу на богиши чъ, получимъ опять необычный славянскій суффиксъ. Въ приведенномъ примѣрѣ этимологическаго возраженія мнѣ особенно нравится простодушная увѣренность его автора въ томъ, что онъ будто бы научнымъ образомъ доказалъ неславянство имени Кормисошъ, а меня, при семъ удобномъ случаѣ, совсѣмъ пристыдилъ *. Нѣтъ, г. Макушевъ поступилъ умнѣе, промолчавъ на мой вопросъ.

На стр. 167 возражатель еще глумится надъ моимъ якобы производствомъ имени Аттиллы отъ слова атя, батя, тятя (отецъ). Между тѣмъ вотъ что у меня сказано буквально: „какой корень этого имени, одинаковъ онъ или нѣтъ съ словомъ атя, т. е. батя или тятя, разсуждать о томъ не берусь, и вообще почитаю филологію не настолько зрѣлою, чтобы она могла давать точныя, несомнѣнно научныя объясненія личныхъ именъ, въ особенности изъ эпохи Великаго переселенія народовъ“. Тутъ же я привожу въ примѣръ готскія имена, по корню своему похожія: Аталь Ата-ульфъ; а Татила похожъ и по корню, и по окончанію, такъ что можно сказать — тождественъ съ Атилою. (То же окончаніе представляетъ готскій Ульфила). Словообразованіе даннаго имени напоминаетъ наши воротила, верзила и т. п. И я опять обращаюсь къ туранистамъ съ покорнѣйшею просьбою доказать по всѣмъ правиламъ филологической науки и искусства, что всѣ эти мои соображенія и примѣры суть не болѣе какъ этимологія шуточная, по выраженію В. Г. Васильевскаго, и что Аттила ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть славянскимъ именемъ,

---

* До чего наши ученые мало знаютъ Славянскій міръ, а между тѣмъ выступаютъ съ пристыживаніями, показываютъ тотъ же примѣръ. Очевидно В. Г. Васильевскому осталась неизвѣстна аналогія съ болгарскимъ именемъ Кормисошъ, встрѣчающаяся въ нашей собственной исторіи. См. Псков. лѣтоп. подъ 1503 годомъ, гдѣ князь Иванъ Горбатый является съ прозваніемъ *Кормихна*.

доказать, повторяю, дѣльно и основательно, а не такъ, какъ онъ сдѣлалъ съ именемъ Кормисошъ. Замѣчу еще мимоходомъ, что на той же 179 страницѣ мой противникъ, съ обычною своею неточностію, приписываетъ Болгарамъ слово аулъ, тогда какъ въ источникахъ его нѣтъ, а есть слово авла (aula), что не одно и то же и о чемъ ясно говорится въ моихъ „Разысканіяхъ (стр. 218); при чемъ я и не думалъ „толковать" это слово вмѣстѣ съ тарханомъ и кавканомъ изъ славянскаго языка, какъ опять таки, съ обычною своею неточностью, утверждаетъ В. Г. Васильевскій. Наоборотъ, я считаю нѣкоторые титулы прямо заимствованными у другихъ народовъ; такое заимствованіе встрѣчается повсюду. Это вѣдь не названіе важнаго бытоваго обряда, въ родѣ стравы.

Въ другой своей статьѣ, посвященной новому, болѣе тщательному изданію Іорнанда, редактированному Момсеномъ, В. Г. Васильевскій сообщаетъ одну важную поправку противъ прежнихъ изданій, относящуюся къ Гуннамъ. („Ж. М. Нар. пр." 1882. Августъ). Оказывается, что не было никакого названія страны Гуниваръ; а это названіе явилось вслѣдствіе невѣрнаго чтенія. „Не область, а самая рѣка Днѣпръ называлась у Гунновъ варъ (quam lingua sua Hunni Var appellant). Поправка эта была мнѣ пока неизвѣстна, но можно сказать почти мною предусмотрѣна (стр. 535 моихъ Разыск.). Тамъ это названіе я уже сближалъ съ названіемъ Днѣпра Варухъ у Конст. Б. и съ именемъ порога Вару-форосъ. В. Г. Васильевскій, разумѣется, игнорируя на сей разъ мои сближенія, также сопоставляетъ это названіе Днѣпра съ Варухъ Константина Б., но, по обычаю, совершенно произвольно считаетъ Варухъ названіемъ мадьярскимъ; тогда какъ Константинъ этого не говоритъ, а говоритъ, что въ его время употреблялось это названіе. Въ своихъ „Разысканіяхъ" (стр. 137) мы ясно указали, что если такое названіе и употреблялось когда кочевыми народами южной Россіи, то оно заимствовано у болѣе раннихъ туземцевъ; чему доказательствомъ служатъ другія, тутъ же приводимыя, весьма древнія названія отнюдь не мадьярскія, напримѣръ, Брутосъ и Серетосъ, т. е. Прутъ и Серетъ. Но конечно для туранизма подобные факты ничего не значатъ, и употреблявшееся Гун-

нами чисто славянское слово Варъ онъ преспокойно считаетъ мадьярскимъ безъ всякихъ научныхъ основаній.

Въ своихъ „Разысканіяхъ“ я старался нѣсколько разъяснить путаницу народныхъ именъ въ разныхъ средневѣковыхъ источникахъ. В. Г. Васильевскій, наоборотъ, по мѣрѣ своихъ силъ, старается эту путаницу поддержать и пріумножить, конечно въ глазахъ людей некомпетентныхъ. Такъ онъ высчитываетъ разные случаи, гдѣ Гуннами названы племена очевидно неславянскія, Турки-Хазары, Авары, Угры (168 стр.) Между тѣмъ въ моихъ „Разысканіяхъ“ (въ статьѣ о Болгарахъ) довольно подробно разсказано, какъ Турки-Хазары покорили одну часть Гунновъ (Утригуровъ), а Авары другую часть (Кутригуровъ), и какъ отсюда возникло нерѣдкое перенесеніе названія Гунновъ на Хазаръ и Аваръ. В. Г. Васильевскій не укажетъ ни одного свидѣтельства, гдѣ бы это перенесеніе существовало ранѣе означеннаго покоренія. Западные писатели еще чаще называютъ Аваровъ Гуннами, чѣмъ византійскіе. Угры у византійскихъ писателей часто называются Турками, а иногда Гуннами. Но опять-таки пусть онъ укажетъ, гдѣ бы ихъ называли Гуннами ранѣе X вѣка, т. е. ранѣе завоеванія ими паннонскихъ Славянъ. Напомню ему еще, что въ то время, какъ Угровъ византійскіе писатели называютъ Турками (потому что они прежде зависѣли отъ Турокъ-Хазаръ или потому что у нихъ была примѣсь сихъ послѣднихъ), настоящихъ Турокъ, т. е. Турокъ Сельджуковъ, они почти постоянно называютъ Персами, и очень понятно почему: Сельджуки тогда владычествовали надъ Персами. То, что мой возражатель говоритъ далѣе о военныхъ пріемахъ Грековъ противъ разныхъ народовъ по Маврикію, и пытается на этомъ основаніи отождествить Гунновъ съ Аварами и Турками—эта ссылка относится къ той же эпохѣ смѣшенія народныхъ именъ и распространенія имени Гунновъ на другіе народы. Кромѣ того заключать о племенномъ родствѣ по сходству или различію военныхъ пріемовъ, не принимая въ расчетъ всѣхъ обстоятельствъ, въ высшей степени произвольно и ненаучно. Тогда Русскіе окажутся не родня Полякамъ, Чехи не родня Сербамъ и т. д. Одинаковые военные пріемы могутъ быть у разныхъ по племени народовъ. Напримѣръ, по Амміану, Гунны для битвы строились клинообразно; а по Та-

циту также стронлись Германцы. Далѣе, по Тациту Германцы притворно обращались въ бѣгство, съ тою цѣлью, что-бы внезапно обернуться. Но такимъ именно пріемомъ сдѣлались извѣстны потомъ Татары. Слѣдовательно ссылка на Маврикія не только не „въ состояніи ниспровергнуть цѣлую половину умствованій“ (моихъ конечно), какъ выражается мой противникъ; но просто свидѣтельствуетъ о недостаткѣ его историко-этнографической наблюдательности и его сравнительно-критическихъ пріемовъ. Точно также никакого племеннаго тождества Болгаръ съ Хазарами и Аварами не доказываетъ ссылка на писателей X в ѣ к а Генесія и Льва Діакона (176). Первый говоритъ, что „племя Болгаръ изъ Аваръ и Хазаръ“; тутъ смыслъ географическій, т.е. изъ Аваріи и Хазаріи. А второй только подтверждаетъ тождество Болгаръ и Котраговъ; остальная же половина текста по ея испорченности, какъ оказывается, подлежитъ разнымъ чтеніямъ и догадкамъ.

Слѣдующія за тѣмъ ссылки на тексты, различающіе Болгаръ и Славянъ, тоже ровно ничего не опровергаютъ изъ моихъ доводовъ. Ибо я постоянно твержу, что въ этихъ случаяхъ названіе С л а в я н е у византійскихъ писателей не означало всѣхъ славянскихъ народовъ, а означало Склавиновъ, т. е. извѣстную иллирійскую вѣтвь. Иначе и Анты тоже не Славяне, потому что упоминаются отдѣльно отъ Склавиновъ. Мой противникъ хотя бы сравнилъ эти случаи съ тѣми многочисленными примѣрами въ источникахъ, гдѣ Готы упоминаются рядомъ съ Германцами какъ бы особый отъ нихъ народъ, да и не одни Готы. (Любопытное противорѣчіе съ самимъ собою онъ обнаруживаетъ въ своей статьѣ о Кельтахъ, гдѣ говоритъ: „Очень обычное явленіе, что народныя имена имѣютъ два значенія, частное и общее“. Ж. М. Н. Пр. сентябрь. 124 стр.). Точно также совершенно не имѣетъ никакого значенія его ссылка на слова нашей начальной лѣтописи: „придоша отъ скуфъ, рекше отъ козаръ, рекоміи болгаре“ и пр. Взятыя изъ византійскихъ хронографовъ, съ придачею собственнаго искаженія, слова эти только свидѣтельствуютъ о наивныхъ пріемахъ лѣтописца и его маломъ вѣдѣніи. Я говорилъ, что болѣе распространеннымъ въ древнюю эпоху для славянскихъ народовъ было названіе В е н е д ы. И Бол-

БИБЛІОТЕКА
Духов... академіи
Инв. № 131670

гаре, дѣйствительно, подъ этимъ названіемъ иногда являются у писателей. Такъ Іорнандъ въ главѣ XXIII говоритъ, что „венеты, анты и склавы, которые свирѣпствуютъ теперь по грѣхамъ нашимъ“; а ранѣе въ главѣ V онъ обозначаетъ жилища Склавинъ, Антовъ и Болгаръ; при чемъ о послѣднихъ замѣчаетъ, что они сдѣлались слишкомъ извѣстны „по грѣхамъ нашимъ“. Въ третьемъ мѣстѣ, которое, цитуетъ мой противникъ, Іорнандъ говоритъ о „постоянномъ напорѣ на имперію болгаръ, антовъ и склавинъ“. Сопоставляя эти мѣста, надѣюсь, имѣемъ право заключить, что Болгаре тугъ соотвѣтствуютъ Венедамъ. Конечно, мой оппонентъ несогласенъ. Но онъ упустилъ изъ виду еще одно свидѣтельство, на которое я тоже ссылаюсь въ своихъ Разысканіяхъ (на стр. 429). Армянскій историкъ V вѣка Моисей Хоренскій повѣствуетъ о вторженіи Болгаръ въ Арменію съ высотъ Кавказа, и прибавляетъ, что мѣстность, гдѣ они поселились, получила названіе В а н а н д ъ. Разумѣется, мой противникъ будетъ отрицать и это прямое свидѣтельство, ибо для отрицанія источниковъ у него нѣтъ предѣловъ. Вотъ еще тому примѣры:

1) Птоломей уже во II вѣкѣ упоминаетъ о Гуннахъ, какъ сосѣдяхъ Роксоланъ и Бастарновъ. Но такъ какъ это извѣстіе противорѣчитъ мнимому пришествію Гунновъ изъ восточной Азіи въ IV вѣкѣ, то В. Г. Васильевскій не признаетъ птоломеевыхъ Гунновъ за дѣйствительныхъ Гунновъ; ибо у послѣдняго написано Х у н и, а у позднѣйшихъ греческихъ писателей обыкновенно пишется У н н и; хотя всѣ западные писатели, начиная съ Амміана, пишутъ Х у-н н и. Птоломей, не обозначая въ точности географическаго положенія Хуновъ, помѣщаетъ ихъ гдѣ-то за Днѣпромъ около Меотиды. В. Г. Васильевскій, самъ не отличающійся точностью, видитъ въ этой недостаточной опредѣленности якобы огромное противорѣчіе съ позднѣйшими писателями, которые, какъ Іорнандъ и Прокопій, выводятъ Гунновъ изъ-за Меотиды, т. е. съ Волжско-Кубанской низменности.

2) Отвергаетъ онъ ясное свидѣтельство Амміана, что Гуннскій народъ былъ уже „слегка извѣстенъ по старымъ памятникамъ“ (monumentis veteribus leviter nota), не совсѣмъ точно переводя его словами: „мало извѣстный древнимъ памятникамъ“. При чемъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, приводитъ два, взаимно противорѣча-

щія, показанія Зосимы, и совсѣмъ молчитъ о помянутыхъ выше показаніяхъ Іорнанда и Прокопія.

3) Отвергаетъ голословно свидѣтельства Беды Достопочтеннаго и Кедрена о тождествѣ Гунновъ съ Славянами, и совсѣмъ молчитъ о таковыхъ же свидѣтельствахъ Саксона Граматика, Эдды, Вилькинга-Саги и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Конечно, всякое изъ нихъ отдѣльно взятое, и одинокое, еще могло бы подвергнуться вопросу; но, взятыя вмѣстѣ, они составляютъ силу, и не ломаются, подобно той связкѣ палочекъ, о которой говоритъ извѣстная притча.

4) Отвергаетъ прямое и ясное свидѣтельство Гельмольда, который говоритъ, что „на языкѣ саксовъ славяне называются собаками". Эти слова иначе и объяснить нельзя какъ тѣмъ, что Саксы бранили такъ Славянъ, пользуясь созвучіемъ слова Хунъ съ нѣмецкимъ Hund. В. Г. Васильевскій по этому поводу, такъ сказать, ни къ селу, ни къ городу приводитъ рѣчь крымскаго хана изъ русской былины (весьма сомнительной редакціи): „отрекись отъ бѣлаго царя и поклонись мнѣ собакѣ крымскому хану". Надѣюсь, что ханъ и собака никакого созвучія не представляютъ, и это сравненіе можетъ представить только образчикъ nonsens'a, довольно нескладно придуманнаго.

Еще не такъ давно въ научной литературѣ можно было встрѣтить положеніе, что „гуннами въ средніе вѣка нѣмцы называли славянъ". (В. И. Ламанскій „о Слав. въ М. Азіи Афр. и Исп." стр. 74). Теперь же, въ виду поставленнаго мною ребромъ вопроса о Гуннахъ, туранизмъ спѣшитъ отказаться отъ этого положенія. Цитованныя слова В. И. Ламанскаго находятся въ связи съ однимъ мѣстомъ изъ норманской лѣтописи какого-то анонима, въ которой упоминаются Гунны, и онъ (т. е. В. И. Ламанскій) прямо толкуетъ ихъ Славянами.

Представленныхъ примѣровъ, надѣюсь, слишкомъ достаточно, чтобы видѣть, какъ петербургскій профессоръ трактуетъ новую постановку вопроса о Гуннахъ. Образчики его разсужденій о Болгарахъ мы уже приводили. То немногое, что онъ говоритъ о нихъ, написано все въ томъ же родѣ, т. е. съ тѣмъ же голословіемъ, съ тѣмъ же умолчаніемъ или отрицаніемъ фактовъ, и съ тою же невѣрностію въ передачѣ и моихъ словъ, и самыхъ источниковъ.

Такъ, напримѣръ, по его словамъ я будто бы говорю, что Болгаре нашли въ Мизіи семь славянскихъ, неболгарскихъ, племенъ, и выводитъ отсюда какое-то у меня „удвоеніе“ славянства, безъ котораго я могъ обойтись даже съ своей точки зрѣнія (176). Но вотъ что у меня сказано: „И тѣ семь славянскихъ родовъ, которые нашелъ тамъ Аспарухъ (точнѣе Есперихъ) кромѣ Сербовъ, были вѣроятнѣе всего Болгаре, переселеніе которыхъ за Дунай совершалось въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ столѣтій до Аспаруха“ (501 стр. Разыск.). Далѣе, самая орда Аспаруха является у В. Г. Васильевскаго не одною только пятою частью всего народа, какъ утверждалъ, напримѣръ, А. Ѳ Гильфердингъ, ссылаясь на пять сыновей Куврата, а уже одною седьмою частію (183). Разумѣется, такая малая часть еще легче превратилась въ Славянъ. Непонятнымъ только остается слѣдующее остоятельство: куда же дѣвались остальныя шесть седьмыхъ Болгарскаго народа? Неужели и они тоже пропали безслѣдно, и на всемъ пространствѣ отъ Кавказа до Аппенинъ не оставили никакихъ образчиковъ, по которымъ мы могли бы получить хотя какое нибудь понятіе объ ихъ монголо-татарской или угро-финской народности? Конечно, тутъ седьмая часть вмѣсто пятой является по недосмотру; однако и подобный недосмотръ подтверждаетъ мое обвиненіе въ той небрежности, съ какою противникъ составлялъ свою статью. Но, положимъ, не седьмая, а пятая часть Болгарскаго народа пропала безслѣдно въ Мизіи; все таки, куда же дѣвались остальныя четыре пятыхъ?

Въ заключеніе своей полемической статьи достоуважаемый В. Г. Васильевскій кое-что говоритъ о моей Роксоланской теоріи происхожденія Руси, и, разумѣется, говоритъ въ отрицательномъ смыслѣ. При чемъ уже въ самомъ началѣ возраженія стоитъ неправда: будто бы я „не затруднился всѣхъ сарматовъ причислить къ славянамъ“ (184). Нигдѣ я не говорю, что всѣ Сарматы были Славяне. Если бы онъ ближе былъ знакомъ съ моими трудами, то увидалъ бы, что я подъ именемъ Сарматъ въ извѣстную эпоху считаю „въ особенности народы Славяно-литовской семьи“. („Эллино-Скиѳскій міръ“ въ первомъ изд. „Разыск.“ стр. 22; а во второмъ изданіи на стр 162). Аланы также при-

надлежали къ сарматскимъ народамъ. Но въ томъ случаѣ, который онъ указываетъ, и который относится къ Іорнанду, слѣдовательно къ VI вѣку, подъ именемъ Сарматъ едва ли можно разумѣть кого другаго, кромѣ западныхъ Славянъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ западными Нѣмцами.

Затѣмъ, исходнымъ пунктомъ его возраженій снова служитъ пресловутая теорія А. А. Куника на счетъ конныхъ и пѣшихъ народовъ. Для этого онъ приводитъ извѣстное мѣсто изъ 46 главы Тацитовой Германіи. „Я не знаю, говоритъ Тацитъ, куда отнести певциновъ, венетовъ и фенновъ: къ сарматамъ или къ германцамъ?“ И затѣмъ полагаетъ, что хотя Венеты заимствовали многое изъ своихъ обычаевъ у Сарматъ и отличаются грабительскими привычками, но лучше отнести ихъ къ Германцамъ, такъ какъ они строятъ себѣ жилища, носятъ щиты, и хорошіе пѣхотинцы: Сарматы же проводятъ жизнь на коняхъ и въ повозкахъ. Въ другомъ своемъ сочиненіи Тацитъ причисляетъ Роксоланъ къ сарматамъ, и изображаетъ Роксоланъ хорошими конниками, но плохими пѣхотинцами, и притомъ не употребляющими щитовъ. Отсюда, по мнѣнію В. Г. Васильевскаго, возникаетъ огромное препятствіе считать Роксоланъ соплеменниками Венедовъ, т. е. Славянъ. Съ другой стороны Руссы Святослава, по свидѣтельству Льва Діакона, сражались пѣшіе и не умѣли ѣздить на конѣ; слѣдовательно они будто бы не могли быть потомками конниковъ Роксоланъ.

Стоитъ только произвести критическій анализъ данныхъ свидѣтельствъ, чтобы убѣдиться, сколько въ этихъ поспѣшныхъ выводахъ заключается вопіющихъ противорѣчій съ фактами и съ самимъ собою и какое въ нихъ отсутствіе серьезныхъ научныхъ пріемовъ.

1) Тацитъ самъ говоритъ, что онъ не знаетъ, куда отнести венедовъ, къ сарматамъ или германцамъ, стараясь рѣшить этотъ вопросъ по образу жизни, а не по языку, котораго очевидно онъ не зналъ и не могъ сравнивать; иначе онъ не затруднялся бы, куда какой народъ отнести.

2) Тацитъ прямо говоритъ о сходствѣ грабительскихъ обычаевъ у венедовъ и сарматъ, и только потому не относитъ ихъ къ послѣднимъ, что венеды осѣдлы и ходятъ пѣшкомъ, а сарматы кочевники и конники.

3) Тацитъ тутъ же говоритъ о певцинахъ или бастарнахъ, что они языкомъ и бытомъ напоминаютъ германцевъ, а нѣкоторыми нравами сарматъ.

4) Изъ Тацита явствуетъ, что сходство венедовъ съ германцами въ бытѣ не мѣшало различію ихъ языка, а сходство певкиновъ съ германцами въ языкѣ не мѣшало различію ихъ нравовъ. Слѣдовательно сарматы хотя были несходны съ венедами въ бытѣ, могли быть родственны съ ними по языку.

5) В. Г. Васильевскій слишкомъ рѣзко и слишкомъ тенденціозно выставляетъ въ данномъ вопросѣ различіе между пѣхотою и конницею въ военномъ отношеніи. Венеды могли быть „привычны и ловки въ пѣшеходствѣ“, но это не мѣшало имъ имѣть конницу. Тацитъ по осѣдлости и пѣшеходству уподобляетъ ихъ германцамъ, но выше, описывая германцевъ, онъ говоритъ объ ихъ конницѣ, и только прибавляетъ, что они болѣе сильны пѣхотою, чѣмъ конницею (гл. VI). Грабительскіе набѣги венедовъ (latrociniis pererrant) едва ли совершались только пѣшкомъ.

6) Хотя подъ словомъ венеды здѣсь у Тацита и надобно разумѣть славянъ; но слишкомъ неосновательно со стороны В. Г. Васильевскаго предполагать, что въ этихъ венедахъ, жившихъ на восточныхъ предѣлахъ Германіи, гдѣ-то между певкинами и финнами, заключался тогда весь славянскій міръ, и что тутъ подъ венедами разумѣлись всѣ славяне. Этого никогда и ничѣмъ онъ не докажетъ.

7) Судя по характеру лѣсной и горной страны, въ которой блуждали вендскіе грабители (quiquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur), рѣчь идетъ о Карпатской или Подкарпатской области. Понятно, что часть славянъ, попавъ въ эту область, перешла отъ кочеваго состоянія въ полуосѣдлое, и, покинувъ привольныя степи, уже не могла содержать многочисленныхъ конскихъ табуновъ и стадъ рогатаго скота. Межъ тѣмъ другая часть, несомнѣнно, оставалась еще въ южнорусскихъ степяхъ и продолжала вести кочевой образъ жизни. Иначе откуда бы взялась такая огромная масса Восточныхъ славянъ? Не въ Карпатахъ же родились славяне и не оттуда распространились они на востокъ, какъ нѣкоторые старые слависты себѣ представляли; а наоборотъ теперь почти всѣ согласны въ томъ, что они двига-

лись съ востока на западъ. Слѣдовательно то, что у Тацита въ данномъ случаѣ называется венедами и сарматами, мы имѣемъ полное право считать первыхъ Западными славянами, а во вторыхъ видѣть по преимуществу Восточныхъ славянъ.

8) Если въ первомъ вѣкѣ одна часть славянъ является осѣдлою или полуосѣдлою, а другая кочевою, то понятно, что къ VI и VII вѣкамъ еще бо̀льшая ихъ часть могла перейти къ осѣдлому быту. В. Г. Васильевскій, налегая на славянъ пѣхотинцевъ, ссылается на извѣстія писателей этихъ вѣковъ (Прокопія и Маврикія) объ антахъ и склавинахъ. Тутъ разумѣются собственно Дунайскіе и Подкарпатскіе славяне, и все-таки нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что у нихъ совсѣмъ не было конницы.

9) Роксолане у Тацита называются сарматами, у Страбона скиѳами. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. они еще кочевое племя; совершаютъ конные набѣги на римскіе предѣлы, и въ пѣшемъ бою не искусны. Но вѣдь надо же взять въ расчетъ, что они жили тогда въ чистыхъ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ. Кочевое состояніе отнюдь не могло служить имъ препятствіемъ быть по языку родичами Склавиновъ, т. е. Славянъ западныхъ. Неужели казанскіе татары или туркестанскіе узбеки перестали быть турскими народами, родственниками киргизовъ и туркменъ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлались осѣдлыми? При чемъ тутъ конница и пѣхота?

10) Тацитъ говоритъ, что венеды имѣли щиты, а роксолане обходились безъ щитовъ. Считать это обстоятельство существеннымъ признакомъ племеннаго различія можетъ только сильное пристрастіе, ищущее, во чтобы то ни стало, хотя бы только тѣни доказательствъ для своего отрицанія. Кто же не въ состояніи понять того, что конникъ менѣе нуждается въ щитѣ, чѣмъ пѣхотинецъ. Жаль, что мой противникъ игнорируетъ Керченскія фрески. Онъ увидалъ бы тамъ слѣдующее обстоятельство. Нападающій степной конный народъ (по типу арійскаго племени) не имѣетъ щитовъ; но этого мало: пантикапейское войско, выступившее ему на встрѣчу, состоитъ изъ пѣхоты и конницы; при чемъ у конницы тоже нѣтъ щитовъ; а у пѣхоты они есть. По теоріи моего противника выходитъ, что конница и пѣхота пантикапейцевъ принадлежали двумъ разнымъ народамъ. Въ параллель съ такими выводами предположимъ, у какого либо древняго писателя гово-

рилось, что венеды имѣютъ носовое произношеніе, а роксолане его не имѣютъ. Надѣюсь, это гораздо важнѣе щитовъ, и мой противникъ, конечно, сталъ бы всѣми силами упирать на такое различіе, какъ на нѣчто необыкновенно существенное. А между тѣмъ таково именно отношеніе русскихъ и поляковъ, что обоимъ народамъ не мѣшаетъ быть славянами. Нѣтъ, историкъ долженъ быть наблюдательнѣе и разностороннѣе въ своихъ свѣдѣніяхъ; съ подобными же произвольными выводами изъ текстовъ можно доказывать и отрицать все, что угодно.

11) Со времени Тацита и Страбона прошло девять вѣковъ. Въ теченіе этого періода Роксолане-Русь изъ южныхъ степей подвинулись на сѣверъ въ среднее Приднѣпровье, осѣлись, обложили данью сосѣднія племена, стали совершать по рѣкамъ военные и торговые походы и вообще заложили основы широкому государственному быту (обзавелись также и большими щитами). Въ высшей степени неисторично сравнивать ихъ бытъ въ X столѣтіи съ бытомъ въ I столѣтіи, и, нашедши, что они уже не кочуютъ и имѣютъ пѣхоту, отвергать ихъ племенное тождество.

12) В. Г. Васильевскій, столь склонный отрицать положительныя свидѣтельства, на сей разъ буквально вѣритъ словамъ Льва Діакона, будто въ X вѣкѣ Русскіе не умѣли сражаться на коняхъ. Въ своихъ „Разысканіяхъ“ я указывалъ, что, кромѣ явнаго преувеличенія въ словахъ византійскаго писателя, надо имѣть въ виду, что Святославъ приплылъ въ Болгарію моремъ и на своихъ ладьяхъ не могъ взять конницу, а взялъ только пѣхоту. Потому-то въ этихъ походахъ русскіе князья и нанимали обыкновенно конницу у печенѣговъ и другихъ степняковъ. Посылать же свою конницу сухимъ путемъ оказывалось и далеко, и не безопасно по причинѣ тѣхъ же степняковъ. Я указывалъ далѣе, что по всѣмъ историческимъ даннымъ всѣ дружины княжескія (до XV вѣка включительно) были конныя. Походъ Игоря на Половцевъ, воспѣтый въ словѣ о П. Иг., былъ, какъ извѣстно, конный съ примѣсью небольшой пѣхоты. Не только дружинники, но и простые кіевскіе граждане сражались на коняхъ („дай намъ оружіе и коней, хотимъ биться съ половцами“) и даже иногда собирались на вѣче на коняхъ (напр. въ 1146 г.). Какъ же можно повторять столь явную неправду, что Русь X вѣка не умѣ-

ла сражаться на коняхъ. В. Г. Васильевскій хотя бы удосужился взглянуть на изданіе извѣстной лицевой рукописи житія Бориса и Глѣба, чтобы увидать тамъ изображеніе древней русской конницы; да не только во времена удѣльной Руси, но даже въ эпоху Московскаго государства конница въ нашемъ войскѣ преобладала надъ пѣхотою. Въ моихъ „Разысканіяхъ“ я указалъ и еще на важный фактъ: всѣ богатыри русскихъ былинъ конные. Все это В. Г. Васильевскій, конечно, игнорируетъ при своемъ весьма поверхностномъ знакомствѣ съ моими „Разысканіями“.

Прибавлю, что мой противникъ, разсуждая о сарматахъ и славянахъ, до сихъ поръ нисколько не потрудился уяснить себѣ ихъ взаимное отношеніе, или вообще сколько нибудь сознательно отнестись къ сарматамъ. (Повторяется совершенно то же самое, что мы замѣтили объ его ученикѣ К. К. Гротѣ). Мы уже указывали на его противорѣчіе самому себѣ: онъ считаетъ сарматъ арійцами и въ то же время не допускаетъ, чтобы кочевой народъ принадлежалъ къ арійскому племени. Латинскіе историки начала среднихъ вѣковъ, напримѣръ Амміанъ и Іорданъ, упоминаютъ о сарматахъ Дунайскихъ и Паннонскихъ, подъ которыми, по моему мнѣнію, разумѣются преимущественно Сербо-хорваты и нѣкоторые другіе славяне; слѣдовательно мы видимъ, что названіе сарматъ не ограничивалось восточными, но въ эту эпоху примѣняется и къ Западнымъ славянамъ. Мой противникъ, конечно, ни съ чѣмъ несогласенъ. А между тѣмъ никакихъ научныхъ попытокъ къ разъясненію этого вопроса не дѣлаетъ. Вѣроятно, онъ ихъ и не сдѣлаетъ, чтобы окончательно и безвыходно не запутаться въ противорѣчіяхъ съ тѣми положеніями, которыя онъ высказалъ въ цитуемой мною статьѣ.

Кстати, по поводу Паннонскихъ сарматъ. В. Г. Васильевскій, между прочимъ, дѣлаетъ поправку къ моей ссылкѣ на одно мѣсто византійца Ѳеофана объ этихъ сарматахъ; но, вмѣсто поправки, на нѣсколькихъ строкахъ надѣлалъ нѣсколько неточностей. Во-первыхъ, язвительно упрекнулъ меня, что я смерть Валентиніана I описываю по Ѳеофану, а не по первоначальному источнику, т. е. Амміану. Я и не думалъ описывать смерть Валентиніана; а привелъ Ѳеофана потому, что рѣчь шла о малорослости гунновъ по Іорнанду, тутъ же говорится о малорослo-

сти сарматъ. Словъ, которыя Ѳеофанъ влагаетъ въ уста императору, нѣтъ у Амміана, и слѣдовательно Ѳеофанъ кромѣ него пользовался еще какимъ нибудь источникомъ. Во вторыхъ, возражатель приписываетъ мнѣ положительную вѣру разсказу Ѳеофана, хотя я прямо указываю на его легендарный характеръ. Въ-третьихъ, онъ говоритъ, что по Амміану Валентиніанъ воевалъ съ квадами и принималъ отъ нихъ пословъ, а квады принадлежали-де къ германцамъ. Почтенный профессоръ не потрудился заглянуть въ предыдущую, четвертую главу XXIX книги Амміана. Онъ увидалъ бы, что въ этой войнѣ противъ Римлянъ квады соединились съ сарматами; тамъ описываются и битвы съ послѣдними намѣстника Мизіи Ѳеодосія, будущаго императора. Слѣдовательно для Ѳеофана было историческое основаніе говорить о сарматахъ въ его разсказѣ. Наконецъ въ-четвертыхъ, есть дѣйствительно источникъ болѣе древній, чѣмъ Ѳеофанъ, именно Сократъ, который въ данномъ случаѣ говоритъ о послахъ не Квадовъ, а Сарматъ (см. Autores Historiae ecclesiasticae. Basileae. An. 1535. p. 425).

Уже судя по предыдущимъ полемическимъ статьямъ В. Г. Васильевскаго противъ меня, трудно было ожидать отъ него точнаго, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу и на сей разъ. Но, прочитавъ его статью, я просто былъ пораженъ ея поверхностнымъ небрежнымъ составленіемъ. Изъ пятидесяти ея страницъ я затрудняюсь отыскать хотя двѣ или три свободныхъ отъ недомолвокъ, обмолвокъ, всякихъ неточностей, натяжекъ, голословія и т. д.

Возвращаюсь къ Роксоланамъ. Вслѣдъ за приведеннымъ quasi доказательствомъ ихъ нетождества съ Русью идетъ рѣчь о Певтингеровыхъ таблицахъ. Ссылаясь на Дежардена, я указалъ на ихъ постепенное составленіе отъ Августа до Юстиніана (380 стр. „Разысканій“). Мой противникъ возражаетъ противъ этого (187); а на слѣдующей страницѣ самъ повторяетъ выводъ Дежардена. При этомъ онъ упрекаетъ меня въ томъ, будто я отношу обозначеніе на этомъ дорожникѣ Роксоланъ именно къ VI вѣку. Но нигдѣ я этого не говорю; а на страницѣ 274 своихъ „Разысканій“ указываю на III — IV вѣка. Въ то же время возражатель умалчиваетъ о слѣдующей подробности: на данныхъ таблицахъ

Роксолане обозначены болѣе крупными буквами сравнительно съ окружающими народами. Ясный намекъ на значительность этого народа и его преобладаніе надъ сосѣдями. Я видѣлъ два раза Певтингеровы таблицы: во-первыхъ, средневѣковые листы ихъ, хранящіеся въ Вѣнской публичной библіотекѣ, во-вторыхъ, точную съ нихъ копію, выставленную Дежарденомъ на географическомъ конгрессѣ 1875 года въ Парижѣ, и не могъ не обратить вниманія на указанную подробность, которая, надѣюсь, поважнѣе ссылки на извѣстіе Тацита о щитахъ.

Затѣмъ, чтобы уничтожить существованіе Роксоланъ въ IV—VI вв., мой возражатель продолжаетъ свою систему отважнаго отрицанія источниковъ. Амміанъ, изволите видѣть, по словамъ Момсена, заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ болѣе ранней компиляціи, слѣдовательно о Роксоланахъ онъ лжетъ (187). Іорнандъ одинъ разъ называетъ сложное имя Роксоланъ, другой разъ употребляетъ несложное имя Рокасъ (или Рогасъ, какъ утверждаетъ возражатель; что все равно при сокращеніи дастъ Роксъ или Росъ), а третій разъ—Росоманъ (или Росомонъ, какъ увѣряетъ онъ же на основаніи рукописныхъ варьянтовъ, и что также все равно). Нѣтъ никакого серьезнаго повода предполагать, что это все разные народы. Но возражатель конечно отрицаетъ, и ссылается на мнѣніе о томъ Мюлленгофа, отнюдь ни для кого необязательное. Чтобы устранить Роксоланъ съ Днѣпра, онъ ссылается на то именно мѣсто Іорнанда, гдѣ у послѣдняго выходитъ явная путаница и географическая безсмыслица, можетъ быть, просто по испорченности рукописей: Дакія, или Гепидія, или Готія „съ востока граничила съ Роксоланами, съ запада съ Языгами... ибо Языги отдѣляются отъ Роксоланъ только рѣкою Алютою“ (188). Полагаю, что даже у всякаго ученика возникнетъ при этомъ недоумѣніе: если Языги отдѣлялись отъ Роксоланъ только рѣкою Алютою, то какъ же между ними могла помѣщаться обширная Дакія? Точно также совершенно произвольно В. Г. Васильевскій отрицаетъ двукратное упоминаніе Роксоланъ у географа Равенскаго въ IX вѣкѣ (189). Если у него встрѣчаются при этомъ и нѣкоторыя традиціонныя имена древней географіи, то я, во-первыхъ, спрошу: много ли найдется писателей о Скиѳіи и Сарматіи, т. е. о Во-

сточной Европѣ конца древнихъ и первой половины среднихъ вѣковъ, у которыхъ бы такія имена не встрѣчались? Іорнандъ постоянно пересыпаетъ свои географическія и историческія описанія извѣстіями древнихъ писателей, и въ главѣ о Скиѳіи у него также есть примѣсь Геродотовыхъ разсказовъ. Во-вторыхъ, у географа Равенскаго рядомъ съ Роксоланами довольно именъ не древнихъ или традиціонныхъ, а средневѣковыхъ, каковы: склавины, готы, даны, гепиды и пр. Хотя онъ не даетъ намъ точныхъ предѣловъ страны Роксоланъ; но его слова, что за этою страною лежитъ „великій островъ Скиѳія, которую Іорнандъ называетъ Скандза“ (Скандинавія), ужъ никакъ не могли быть заимствованы изъ писателей временъ Геродота или Страбона; а намекаютъ на то время, когда владычество Роксоланъ или Руссовъ распространилось далеко на сѣверъ. Это едва ли могъ сказать самъ Іорнандъ, а тѣмъ менѣе Птоломей, котораго онъ упоминаетъ въ числѣ своихъ источниковъ. При томъ я, кажется, ясно указывалъ на то обстоятельство, что сложное названіе Роксолане было собственно литературное или книжное, въ родѣ Таврускиѳы, Англосаксы и т. п., и что оно держалось долѣе у латинскихъ писателей; тогда какъ Византійцы, ознакомясь ближе съ народомъ, стали называть его такъ, какъ онъ самъ себя называлъ, т. е. односложнымъ словомъ Русь; а въ литературѣ книжное названіе держалось долго и впослѣдствіи, чему примѣръ представляютъ польскіе писатели XVI вѣка. Такъ какъ они еще не были знакомы съ норманской теоріей и ея аргументами, то имъ, конечно, и въ голову не приходило отличать Русь отъ Роксоланъ.

Вотъ и всѣ возраженія В. Г. Васильевскаго противъ тождества Роксоланъ и Руси. Надѣюсь, изъ нихъ ни одного не оказалось такого, которое могло бы имѣть серьезное значеніе въ глазахъ безпристрастныхъ ученыхъ. Надѣюсь также, что и самъ онъ убѣдится въ слѣдующемъ: легко отрицать мои изслѣдованія въ какой-либо аудиторіи, съ профессорской каѳедры; еще легче написать заглавіе „о мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ“; но очень трудно эту мнимость доказать на дѣлѣ. Настоящимъ своимъ отвѣтомъ я, конечно, не расчитываю убѣдить собственно норманистовъ и туранистовъ, въ томъ числѣ

В. Г. Васильевскаго; въ этомъ отношеніи онъ уже безнадеженъ, и по всей вѣроятности и впредь постарается запутывать данные вопросы по мѣрѣ своего усердія и своей относительной эрудиціи. При своемъ отвѣтѣ я имѣю въ виду просто возможно большее выясненіе научной истины для людей безпристрастныхъ, и пользуюсь для того даннымъ возраженіемъ. Достоуважаемый В. Г. Васильевскій, о чемъ я уже замѣтилъ выше, какъ бы не надѣется на силу своихъ аргументовъ и старается подкрѣпить ихъ голословными увѣреніями, что исторія и наука на его сторонѣ, и что—мои критическіе пріемы никуда не годятся. Онъ постоянно пересыпаетъ свою статью направленными противъ меня ядовитыми фразами или язвительными словами въ родѣ: „самонадѣянный“, „курьезный“, „ложный“, „фальшивый“, „умствованія“, „диллетантизмъ“ и т. п. Если повѣрить ему на слово, то выходитъ, что я, послѣ почти двадцатипятилѣтнихъ постоянныхъ историческихъ работъ и послѣ десятилѣтнихъ занятій данными вопросами, оказываюсь не спеціалистомъ въ исторіи, а не болѣе, какъ диллетантомъ. Съ своей стороны вижу тутъ явные признаки того ожесточенія, которое я возбудилъ въ лагерѣ норманистовъ и туранистовъ, ставя данные вопросы, какъ говорится, ребромъ и приводя своихъ противниковъ къ необходимости искажать факты и отрицать источники ради спасенія ихъ теорій. Никто не упрекнетъ меня въ томъ, чтобы я въ своихъ изслѣдованіяхъ нападалъ собственно на лица; тамъ я нападаю на самыя теоріи, т. е. на ихъ основные аргументы. Но долженъ сознаться, что возраженія, пересыпанныя личностями, и съ моей стороны получаютъ не мягкіе отвѣты. Во всякомъ случаѣ я отнюдь не желаю набрасывать какой либо тѣни на ученую добросовѣстность В. Г. Васильевскаго вообще. Я только утверждаю и, надѣюсь, не голословно, что къ даннымъ, вновь поднятымъ мною вопросамъ, онъ отнесся пристрастно и поверхностно. Вопросовъ этихъ основательно онъ не изучилъ и въ нихъ совсѣмъ не вдумался. Ссылки его на источники и на мои изслѣдованія отличаются неточностію и вообще небрежностію; а выводы натяжками и произволомъ. Очевидно подъ вліяніемъ А. А. Куника онъ заранѣе проникся ненавистью уже къ самой мысли о славянствѣ Руси, Болгаръ и Гунновъ; потому вѣроятно и не счелъ нужнымъ спеціально ими заняться

прежде, чѣмъ вступать въ полемику. Вступая въ эту полемику, онъ предпочелъ спеціально заняться вопросомъ о начальной исторіи не Славянъ, а Кельтовъ, т. е. носить воду въ колодезь (по отношенію къ западной ученой литературѣ). Вообще мнѣ очень жаль, что именно В. Г. Васильевскій такимъ образомъ отнесся къ дѣлу; при болѣе добросовѣстномъ отношеніи, онъ могъ бы помочь его разъясненію, а не запутыванію.

Мой противникъ указываетъ на значительное число ученыхъ, со мною несогласныхъ. Разъ, основанное на разностороннемъ изученіи предмета, убѣжденіе достигло извѣстной степени, число несогласныхъ для меня безразлично, и тѣмъ болѣе, что мотивы для этихъ несогласій не всегда имѣютъ чисто научную подкладку. Рано или поздно научная истина возьметъ верхъ. Послѣдующее, болѣе безпристрастное, поколѣніе разработаетъ подробности; причемъ устранитъ возможные въ моихъ изслѣдованіяхъ недосмотры и промахи второстепеннаго значенія; но главныхъ моихъ основаній и выводовъ не отвергнетъ; это я говорю смѣло и рѣшительно. Что же касается до настоящей поры, когда борьба въ разгарѣ, то расчетъ моего противника, хотя временно, подѣйствовать на читателей помянутыми выходками и поощрить другихъ къ такой же полемикѣ, можетъ быть и несовсѣмъ невѣренъ. Доказательствомъ тому служитъ слѣдующій возражатель, къ которому мы и переходимъ.

*

Въ своихъ „Разысканіяхъ о началѣ Руси“ я привелъ до двадцати именъ, съ которыми мнѣ пришлось полемизовать болѣе или менѣе. Въ сентябрьской книжкѣ „Журнала Мин. Нар. Пр.“ выступилъ Н. И. Веселовскій въ качествѣ возражателя № 21. Считаю нужнымъ не оставить безъ вниманія и небольшую статейку г. Веселовскаго, такъ какъ онъ, будучи оріенталистомъ, подходитъ къ вопросу о Гуннахъ съ другой стороны: изъ Азіи. „Безъ Азіи—говоритъ онъ—мы тутъ никакъ не обойдемся“. Если брать вопросъ въ самомъ обширномъ его объемѣ, то, разумѣется, никто не будетъ возражать противъ такого мнѣнія.

Г. Веселовскій идетъ отъ Дегиня и утверждаетъ, что „онъ

связалъ неразрывною цѣпью Хунъ-ну китайскихъ писателей съ Гуннами европейскихъ". Положеніе не совсѣмъ справедливое. Припомнимъ сущность этой связи у Дегиня. Въ своей Histoire générale des Huns онъ ведетъ исторію Гунновъ отъ потопа и распредѣленія племенъ по сыновьямъ Ноя. Затѣмъ онъ переплетаетъ Гунновъ съ Монголами и Татарами, считая ихъ тождество внѣ вопроса. Доведя, по китайскимъ источникамъ, ихъ исторію до IV вѣка, онъ предполагаетъ, что въ это время они перешли въ восточную Европу, а затѣмъ ведетъ разсказъ по Амміану и Іорнанду. Критики источниковъ у него нѣтъ никакой, а, главное, азіатскихъ Гунновъ онъ связалъ съ европейскими совершенно гадательно, ибо переходъ ихъ въ Европу въ IV вѣкѣ у него не основанъ ни на какихъ источникахъ. Г. Веселовскій также не считаетъ возможнымъ поддерживать переходъ, а, на основаніи одной китайской лѣтописи, отодвигаетъ движеніе Гунновъ изъ восточной Азіи къ предѣламъ Джунгаріи въ I вѣкъ до Р. Х. Вотъ и все, что могъ онъ сообщить намъ относительно перехода Гунновъ съ востока на западъ. Затѣмъ идутъ разсужденія о томъ, какъ передвигаются кочевые народы, какъ они мѣняютъ свои имена, какъ Славяне не могли двигаться въ хвостѣ другихъ народовъ. Съ этимъ мы не будемъ спорить, и тутъ никакого серьезнаго противорѣчія съ моимъ изслѣдованіемъ о европейскихъ Гуннахъ мы не видимъ. Н. И. Веселовскій очевидно не понялъ, что я ограничилъ пока свое изслѣдованіе о Гуннахъ извѣстными предѣлами времени и пространства. Я доказывалъ, что Гунны не пришли въ восточную Европу только въ IV вѣкѣ, какъ это говорятъ туранисты вслѣдъ за Дегинемъ, и что мы имѣемъ положительныя извѣстія объ ихъ туземствѣ со II вѣка по Р. Х.; слѣдовательно и не въ этомъ вѣкѣ они пришли сюда, а ранѣе. Что они когда-то пришли изъ Азіи, какъ и другіе Славяне, это разумѣется само собою; что въ средней Азіи могла остаться нѣкоторая часть гуннскихъ племенъ, впослѣдствіи затертая татарскими народами— это я считаю весьма вѣроятнымъ. А что имя Гунновъ имѣетъ, конечно, свою особую исторію и могло быть или собственное, или чужое, заимствованное, этого вопроса я даже не касался, и пока не считаю его необходимымъ для рѣшенія спора о народности тѣхъ Гунновъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Возражатель очевидно полагаетъ, что Азію я упустилъ изъ виду. Между тѣмъ, если я печатно не вдавался еще въ эту сторону, то просто потому, что еще не достаточно ее изслѣдовалъ, а не потому что бы не имѣлъ никакого запаса данныхъ и соображеній на этотъ счетъ. Г. Веселовскій въ своей статьѣ выступилъ какъ будто съ Азіей; но между тѣмъ, кромѣ приведенной выше одной ссылки на китайскую лѣтопись, ничего фактическаго изъ исторіи Азіи болѣе не указалъ для даннаго вопроса; а далѣе говоритъ все о тѣхъ же европейскихъ Гуннахъ и о тѣхъ же европейскихъ писателяхъ, т. е. Амміанѣ, Прискѣ, Іорнандѣ, и, разумѣется, ровно ничего не прибавляетъ къ тому, что было сказано прежде. (Что же касается до неправильнаго чтенія Хіонгну вмѣсто Хунну, то эта поправка сдѣлана гораздо ранѣе его о. Іакинѳомъ и принята другими русскими оріенталистами, напр. В. В. Григорьевымъ). Вообще нельзя сказать, чтобы опроверженія и поправки моего возражателя служили образцомъ серьезности и точности.

Напримѣръ, онъ возстаетъ противъ термина „Туранцы“, который „означаетъ чистѣйшихъ Арійцевъ, какъ это доказано, а не Урало-Алтайцевъ, какъ думаетъ г. Иловайскій. Нечего, стало быть сочинять и туранскую расу — иначе это будетъ безсмыслица“. Какъ видите, поправка не совсѣмъ умѣстная. Г. Веселовскій предполагаетъ, будто мнѣ неизвѣстно, что древній Туранъ (нынѣ Туркестанъ) былъ населенъ арійскими народами. Если бы онъ былъ ближе знакомъ съ моими трудами, то узналъ бы, что Скиѳовъ, со включеніемъ ихъ закаспійскихъ родичей, извѣстныхъ у древнихъ писателей подъ именами Масагетъ, Саковъ и пр., я считаю Арійцами. Ему неизвѣстно въ то же время, что терминъ „Туранцы“ чисто условный, взятый отъ позднѣйшаго Турана или Туркестана, изобрѣтенный совсѣмъ не мною, и что я пользуюсь имъ за неимѣніемъ другаго; точно также какъ имъ пользуются всѣ, въ томъ числѣ и В. Г. Васильевскій (на котораго однако упрекъ не распространяется). Даже терминъ Урало-Алтайцы оказывается неудобенъ, потому что, обнимая чудскіе и татарскіе народы, онъ не обнимаетъ монгольскихъ; тогда какъ условный терминъ „Туранцы“ ихъ обнимаетъ. Замѣчательно при этомъ то, что отрицая данный терминъ, нашъ оріенталистъ никакого

другаго болѣе удовлетворительнаго въ замѣнъ его не предлагаетъ. Точно такой же несправедливый упрекъ дѣлаетъ мнѣ г. Веселовскій по поводу смѣшенія Татаръ съ Турками; хотя на этотъ счетъ у меня приведена оговорка въ 47 примѣчаніи ко второй части моей „Исторіи Россіи“ (съ которою конечно онъ незнакомъ). По поводу его ссылки на Прокопія: „Массагетовъ нынѣ называютъ Уннами“, замѣчу, что я не только туранскихъ Массагетовъ считаю Арійцами, но и полагаю, что коренная часть ихъ названія сохранилась въ одномъ изъ славянскихъ племенъ, именно въ Мазовіи, Мазурахъ (кстати вотъ вамъ и окончаніе на уры, которое такъ затрудняетъ туранистовъ въ Утригурахъ, Кутригурахъ и т. п.).

Затѣмъ слѣдуетъ такое мнѣ возраженіе: „не прочь онъ (т. е. Иловайскій), повидимому, производить имя Гунновъ отъ нѣмецкаго Hund“. Тутъ ужъ явная неправда. Изъ Гельмольда, какъ извѣстно, я вывожу, что Саксы, пользуясь созвучіемъ словъ Хунъ и Hund, бранили Гунновъ собаками. Гдѣ же тутъ у меня производство Гунъ отъ Hund, какъ это сдѣлалъ извѣстный ученый (Н. И. Костомаровъ), на котораго намекаетъ мой возражатель? Далѣе, еще подобный образчикъ поправокъ. Г. Веселовскій смѣло приписываетъ мнѣ такое мнѣніе, будто царапаніе лица составляло „обычай только арійскихъ народовъ“, и затѣмъ опровергаетъ ссылкою на мою же книгу, которая приводитъ примѣръ царапанія у Турокъ. Нужно ли мнѣ объяснить, что рѣчь шла о варварскихъ обычаяхъ, Гунновъ, которые туранисты выставляли признакомъ ихъ неарійской народности; а я указывалъ, что подобные обычаи, въ томъ числѣ и царапаніе лица, существовали не у однихъ Туранцевъ, но также и у Арійцевъ. Поправка его, что Царскихъ Скиѳовъ слѣдуетъ называть не Царскими, а Барзилійскими, если и была бы справедлива, никакого отношенія къ вопросу не имѣетъ, т. е. отъ нея ровно ничего не измѣняется изъ моихъ выводовъ. Н. И. Веселовскій упрекаетъ меня также въ „филологическихъ увлеченіяхъ“, не представляя для того никакихъ вѣскихъ доказательствъ. Напримѣръ, полагаю, что названіе благороднаго класса въ Золотой ордѣ уланами могло перейти туда отъ Аланъ, которыхъ часть, покоренная Татарами, вошла въ составъ Золотой орды и отатарилась. Мы нерѣдко ви-

димъ примѣры того, что имя народа дѣлается именемъ какого либо сословія. А г. Веселовскій ссылается на татарскихъ о г л а новъ, необъясняя въ какомъ отношеніи это названіе находится къ уланамъ, и еще на монгольскія четырехъ-угольныя шапки, которыя тутъ ровно ни причемъ.

И такъ въ сущности Н. И. Веселовскій въ своей статьѣ полемизуетъ болѣе съ В. Г. Васильевскимъ и его единомышленниками, чѣмъ со мною. Онъ противорѣчитъ имъ относительно времени появленія Гунновъ въ Европѣ и относительно появленія Славянъ въ ихъ хвостѣ. Онъ не признаетъ ихъ систему опредѣлять народность по осѣдлому или кочевому состоянію. Онъ согласенъ со мною, что Бѣлые Гунны могли быть названы „бѣлыми“ совсѣмъ не по цвѣту кожи, и что Саксы, Беда и Эдда дѣйствительно называли Славянъ Гуннами. Онъ только полагаетъ, что Гуннами Славяне назывались „временно“. При этомъ очевидно онъ не взялъ въ толкъ самую суть поднятаго мною вопроса. А суть моего изслѣдованія состоитъ въ томъ, что народъ произведшій великое движеніе въ Европѣ въ IV и V вв., т. е. народъ Валаміра и Аттилы, извѣстный тогда подъ именемъ Гунновъ, принадлежалъ къ славянскому племени. Моихъ доказательствъ, надѣюсь, пока никто не опровергъ; хотя г. Веселовскій и заявляетъ о выше приведенной статьѣ В. Г. Васильевскаго, что, по его мнѣнію, „разборъ этотъ совершенно разрушаетъ теорію г. Иловайскаго“. Любопытно, повторяю, то обстоятельство, что это говоритъ человѣкъ, несогласный съ самыми исходными положеніями В. Г. Васильевскаго, который даже не признаетъ тождества Хуновъ съ Уннами, который весь славянскій міръ ограничиваетъ карпатскими Венедами Тацита, и не объясняетъ, откуда взялась огромная масса восточныхъ Славянъ. Несогласіе съ его основными положеніями и согласіе относительно ихъ со мною не помѣшало, однако г. Веселовскому провозгласить первому побѣду, а второму „совершенное разрушеніе“. Онъ служитъ наглядным отвѣтомъ на замѣчаніе моего предыдущаго противника о количествѣ ученыхъ, несогласныхъ со мною: вотъ тоже молодой ученый; онъ смѣло выступаетъ противъ меня, не предъявляя ровно ничего фактическаго, что могъ бы представить въ опроверженіе моихъ изслѣдованій. А изъ подобныхъ возражателей онъ, конечно, не первый и не послѣдній.

Въ концѣ концовъ Н. И. Веселовскій, также какъ и вся туранская школа, не опредѣляетъ народности Гунновъ, и „не берется рѣшить этотъ вопросъ“. Отсюда непосредственно вытекаетъ другой вопросъ: какая же была цѣль его статейки? Впрочемъ, ради вящаго запутыванія дѣла, авторъ ея не прочь предложить и собственный домыселъ на счетъ гуннской народности. Статейка оканчивается слѣдующимъ выводомъ: „намъ с д а е т с я, что наши Башкиры являются представителями и потомками нѣкогда страшныхъ Гунновъ“. (Тутъ выходитъ нѣсколько непочтительное разногласіе съ А. А. Куникомъ, который въ Чувашахъ открылъ ни болѣе ни менѣе какъ потомство Гунно-Болгаръ). А немного выше говорится: „наконецъ извѣстно, что послѣ смерти Аттилы гуннская орда отхлынула обратно за Волгу“. Это „извѣстно“ бросаетъ тѣнь на знакомство г. Веселовскаго съ источниками; ибо они ясно говорятъ, что одна часть Гунновъ осталась въ придунайскихъ земляхъ, а другая отошла къ черноморскимъ степямъ, откуда она потомъ, соединясь съ своими единоплеменниками, подъ именемъ Болгаръ, завоевала Мизію. Надобно еще имѣть въ виду, что не всѣ Гунны поселились съ Аттилою въ Панноніи; значительная часть Гунно-Болгаръ оставалась въ степяхъ между Дономъ и Волгою. Одно изъ этихъ племенъ потомъ основало Болгарское царство на Волгѣ и Камѣ. Высшій слой этого царства по всѣмъ даннымъ былъ отнюдь не башкирскій. Кромѣ того, въ Средней Азіи могли еще существовать остатки Славянъ-Болгаръ или Гунновъ. Вѣроятно къ нимъ надобно отнести племя Хоалитовъ=Хвалитовъ=Хвалисовъ. Извѣстно, что Каспійское море называлось у насъ прежде, Х в а л и с с к о е, или Х в а л ы н с к о е, или В а л ы н с к о е. По этому поводу замѣчу, что г. Веселовскій возражаетъ и противъ того, чего нѣтъ въ моихъ Разысканіяхъ или что въ нихъ выброшено, напр. сближеніе названій В а л ы н я н е и А л а н е, на которомъ я не остановился. Но сближать названіе В а л ы н я н ъ съ Х в а л и с а м и или Х в а л ы н а м и продолжаю. Точно также мое сближеніе названія Х у с а р ъ съ народнымъ именемъ Х а з а р ъ онъ хотя отрицаетъ какою-то полуфразой (на равнѣ съ словомъ б о г а т ы р ь, которое вѣроятно считаетъ татарскимъ), но фактически не опровергъ. Предположимъ, ему

удалось бы фактически опровергнуть это сближеніе; что выиграетъ отъ того туранская теорія относительно Гунновъ?

Уже самое стараніе моихъ возражателей ловить всякое неудачное или мимоходное этимологическое сближеніе, хотя бы для сути вопроса никакого значенія не представляющее и даже давно выпущенное авторомъ (въ родѣ упомянутаго Алане и Валыняне), показываетъ, что ихъ не одушевляютъ стремленіе выяснить темные историческіе вопросы и жажда научной истины въ данномъ случаѣ. Положимъ, кто либо изъ филоговъ-спеціалистовъ совершенно невѣрно объяснилъ какое нибудь собственное имя, что бываетъ сплошь и рядомъ; но если онъ туранистъ или норманистъ, то, понятно, ошибка ему въ счетъ не ставится. (Изъ множества тому примѣровъ укажу на послѣдній мнѣ извѣстный. См. въ помянутой выше статьѣ В. Г. Васильевскаго о новомъ изданіи Іорнанда на стр. 380 о Пловдивѣ, т. е. славянскомъ названіи Филиппополя). Между тѣмъ, не выдавая себя за филолога-спеціалиста, я указалъ въ 1871 году на существованіе закона осмысленія собственныхъ именъ. Пусть мнѣ докажутъ, что кѣмъ либо было обнаружено ранѣе меня существованіе этого закона и его примѣненіе къ славянскимъ собственнымъ именамъ.

А что касается до имени Гунновъ или Хуновъ, то вотъ фактъ, повидимому неизвѣстный Н. И. Весловскому. На персепольскихъ клинообразныхъ надписяхъ въ числѣ народовъ, подвластныхъ Гистаспу, уже встрѣчается имя Хуна, народа обитавшаго повидимому въ Закавказьѣ. За подробностями отсылаемъ его къ книгѣ покойнаго Услара „Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ“ (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Вып. X. Тифл. 1881 г.). Тамъ же онъ найдетъ болѣе подробныя, чѣмъ въ его статейкѣ, разсужденія объ Усуняхъ, Юэтахъ-Гетахъ и другихъ арійскихъ кочевникахъ древняго Турана. Большая эрудиція Услара конечно не подлежитъ сомнѣнію. Это обстоятельство, однако, не мѣшало покойному барону и въ наукѣ до нѣкоторой степени отдавать дань своему не русскому происхожденію, т. е., по примѣру нашихъ академиковъ-Нѣмцевъ, и на Кавказѣ, и въ Средней Азіи преимущественно разыскивать слѣды Нѣмцевъ и спеціально игнорировать Славянъ; каковую цѣль сіи академики не мало преслѣдовали и

во время своихъ экспедицій на казенныя средства. Отъ таковаго игнорированія Славянъ и получались часто неудовлетворительные результаты ихъ изслѣдованій и экспедицій. Къ числу такихъ результатовъ можно отнести слѣдующій фактъ, разсказанный самимъ Усларомъ въ письмѣ къ Ад. П. Берже. „Разъ спросилъ я одного довольно образованнаго Осетина: „есть-ли у васъ преданія о вашемъ происхожденіи?“ „Какъ же есть. У насъ толкуютъ въ народѣ, что мы одного происхожденія съ Нѣмцами“. Это сильно подстрекнуло мое любопытство. „Разскажите, пожалуйста, какъ у васъ толкуютъ объ этомъ“.—„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ намъ пріѣзжалъ какой-то ученый Нѣмецъ, и сказывалъ намъ это; съ тѣхъ поръ и толкуютъ объ этомъ въ народѣ“. Вотъ вамъ и преданія“ (ibid. XX).

Въ заключеніе настоящаго отвѣта замѣчу:

Когда мой возражатель № 21 поболѣе поработаетъ надъ наукою, поболѣе будетъ изучать и вдумываться въ историческіе вопросы и тщательнѣе относиться къ авторамъ, то убѣдится, что легко написать подобную полемическую статейку, но не такъ-то легко опровергнуть аргументы и выводы, представленные въ „Пересмотрѣ вопроса о Гуннахъ“. Онъ убѣдится тогда, до какой степени неисторично было предположеніе о томъ, что Башкиры въ IV—V вв. потрясли почти весь европейскій континентъ, произвели столько переворотовъ въ международныхъ отношеніяхъ и устрашали непріятелей одною своею наружностію.

Къ старымъ возражателямъ, вѣроятно, присоединятся новые, и за № 21-мъ послѣдуютъ другіе номера. Я всегда къ ихъ услугамъ. Когда, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Венелинъ поднялъ вопросы о Гуннахъ и Болгарахъ, то норманисты и туранисты, петербургскіе и заграничные, воспользовавшись тѣмъ, что было незрѣлаго и лишняго въ его изслѣдованіяхъ, отвергли и то, что было въ нихъ дѣльнаго и справедливаго. Вмѣсто спокойнаго, научнаго отношенія къ вопросу, Нѣмцы и славянскіе ихъ пособники общими силами постарались его замять. Смѣю увѣрить ихъ послѣдователей, что теперь замять невозможно: постановка вопроса и условія для борьбы теперь иныя.

*

Съ нѣкотораго времени я началъ вести нѣчто въ родѣ хроники для тѣхъ трудовъ по Русской исторіи (также по Болгарской и общеславянской), которые касаются ея начала, и выставлять на видъ, какъ это начало у туранистовъ и норманистовъ всегда находится въ противорѣчіи съ фактами, благодаря ихъ исходному пункту, отказывающему Русской націи въ самостоятельномъ происхожденіи.

Въ настоящее время приходится занести въ ту же хронику и докторскую диссертацію московскаго профессора В. О. Ключевскаго „Боярская Дума Древней Руси“ — трудъ вообще весьма почтенный и добросовѣстный. Съ XV и XVI вѣковъ онъ представляетъ прекрасную фактическую разработку предмета. Тутъ могутъ быть споры только относительно комментарій и того освѣщенія, которое онъ даетъ тѣмъ или другимъ фактамъ. Можетъ быть, при случаѣ мы еще вернемся къ этой главной части его труда. Въ данный моментъ обратимъ вниманіе только на его начало, на первыя главы. Авторъ могъ бы вести исторію боярской думы собственно съ XIV вѣка, т. е. съ московскаго періода. Но онъ не удовольствовался этимъ періодомъ; а повелъ исторію съ призванія Варяговъ, т. е. съ фиктивнаго начала Руси, и не ограничился собственно думою или княжескими совѣтниками; а предпринялъ вмѣстѣ съ тѣмъ исторію всего боярскаго и почти всего служилаго сословія. Такимъ образомъ ему пришлось коснуться происхожденія самаго Русскаго государства и характеризовать его начальные періоды. Вотъ тутъ-то его диссертація представляетъ нѣкоторыя слабыя стороны, на нашъ взглядъ не выдерживающія исторической критики, т. е. недостаточно продуманныя и провѣренныя.

Во-первыхъ, въ основу всего зданія Русскаго государства онъ положилъ торговлю, и преимущественно внѣшнюю; выходитъ, будто наше государство возникло на торговыхъ основаніяхъ — оригинальный выводъ, для котораго въ исторіи нѣтъ аналогіи. Вездѣ государства возникали изъ борьбы племенъ и народовъ, т. е. силою оружія. „И древнее кіевское преданіе, и скандинавская сага представляютъ варяга на Руси прежде всего вооруженнымъ купцомъ, попавшимъ туда, чтобы пробраться въ гре-

ки"—говоритъ авторъ (28 стр.). Положеніе не совсѣмъ вѣрное. Выраженіе лѣтописи „бѣ путь изъ варягъ въ греки" сказано въ XII вѣкѣ, когда варяжскіе купцы торговали въ Новгородѣ, новгородскіе же ѣздили и за море къ варягамъ, и на югъ въ Кіевъ; а кіевскіе ѣздили въ Византію. Этотъ водный торговый путь находился подъ покровительствомъ русскихъ князей; слѣдовательно онъ сдѣлался проторенною дорогою для торговли не прежде основанія русскаго государства, а послѣ. Никакая скандинавская сага не представляетъ варяга на Руси прежде всего вооруженнымъ купцомъ, но изображаетъ его или простымъ наемникомъ, или знатнымъ выходцемъ на службѣ у кіевскаго князя. Не только въ первой половинѣ IX вѣка, даже въ первой половинѣ X-го, еще не былъ извѣстенъ торговый путь прямо изъ Скандинавіи въ Византію; былъ извѣстный путь только отъ Новгорода, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ Константинъ Б. Все это мною уже не одинъ разъ указано въ „Разысканіяхъ".

„Такъ до половины IX вѣка русскій городъ пережилъ рядъ экономическихъ и политическихъ переворотовъ. Возникнувъ среди разрушавшихся старыхъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, изъ погоста, изъ незначительнаго, но счастливо помѣщеннаго сельскаго рынка, онъ превращался въ средоточіе нѣсколькихъ такихъ рынковъ, становился сборнымъ пунктомъ обширнаго промышленнаго округа. Успѣхи торговли создавали въ немъ кругъ торговыхъ домовъ, которые ворочали оборотами округа, служа посредниками между туземными производителями и иноземными рынками, а внѣшнія опасности заставили его потомъ вооружиться и укрѣпиться. Тогда его торговый округъ превратился въ подвластную ему область; изъ его главныхъ торговыхъ домовъ, подкрѣпленныхъ вождями заморскихъ варяжскихъ компаній, составилась военно-торговая аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и его областью" (31—32).

Построеніе, какъ видите, слишкомъ искусственное и не имѣющее строгаго, фактическаго основанія. Ранѣе (на стр. 19 и 20) авторъ говоритъ о какомъ-то военномъ союзѣ восточныхъ Славянъ въ VI вѣкѣ, съ племенемъ Дулѣбовъ-Волынянъ во главѣ, о какомъ-то воинственномъ движеніи этихъ Славянъ, о передвиженіи ихъ съ Карпатъ къ Днѣпру въ VI и VII вв. Но все

это основано болѣе на соображеніяхъ и догадкахъ, чѣмъ на положительныхъ свидѣтельствахъ. А, главное, на слѣдующихъ страницахъ тѣ же воинственные Славяне какимъ-то образомъ превращаются въ мирныхъ купцовъ, до того пассивныхъ, что они только и могутъ смиренно поддаваться чужому господству, ища покровительства своимъ „торговымъ оборотамъ“, сначала у Хазаръ, потомъ у призванныхъ Варяговъ. Въ VI и VII вѣкахъ, авторъ признаетъ существованіе собственныхъ и многочисленныхъ князей у Славянъ; но потомъ они куда-то пропадаютъ; а затѣмъ являются „соціальными, если не генеалогическими предками нашихъ градскихъ старцевъ X вѣка“ (17). Правда, и въ X вѣкѣ у Славянъ упоминаются свои князья, напримѣръ, Малъ Древлянскій; но они повидимому были не болѣе какъ вождями мѣстной старшины, которая руководила мѣстной промышленностію (33). Этому необыкновенному влеченію Славянъ къ торговымъ оборотамъ скоро подчинились и призванные князья, безпрепятственно овладѣвшіе всѣмъ торговымъ путемъ изъ Варягъ въ Греки. „Конунгъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, держалъ въ своихъ рукахъ нити русской промышленности“. „Бродячіе искатели торговыхъ барышей, хорошихъ кормовъ за военныя услуги или военной добычи, они (варяжскіе конунги) перебивали другъ у друга ратныхъ людей, доходные города, выгодные торговые пути“. „Такъ, первый опытъ политическаго объединенія Русской земли былъ дѣломъ того же интереса, которымъ прежде созданы были независимыя одна отъ другой городовыя области, дѣломъ внѣшней русской торговли“ (35—36).

Вотъ къ какимъ необычайнымъ выводамъ приводитъ иногда даже наиболѣе достойныхъ изслѣдователей русской древности одна какая нибудь невѣрно истолкованная фраза лѣтописи, въ родѣ „бѣ путь изъ Варягъ въ Греки“. Совершенно аналогическій случай я указалъ (въ „Разысканіяхъ“) по поводу другаго почтеннаго труда, „Исторіи Русской церкви“—Голубинскаго, который на основаніи очевидно позднѣйшей глоссы („мнози бо бѣша варязи христіане“) введеніе и распространеніе у насъ греческаго православія приписалъ никому иному, какъ Скандинавамъ Варягамъ, оказавшимся, какъ извѣстно, латинскаго вѣроисповѣданія.

Далѣе авторъ изображаетъ русскихъ князей, заключавшихъ

договоры съ Греками, не болѣе какъ купцами, а русскихъ пословъ ихъ торговыми агентами (39); хотя въ договорѣ Игоря ясно отличаются имена княжескихъ бояръ-пословъ отъ именъ купеческихъ. Это увлеченіе торговыми оборотами достоуважаемый авторъ распространяетъ на весь Кіевскій періодъ нашей исторіи. У него выходитъ, что Кіевская Русь, включая и князей и бояръ, въ особенности занималась торговлею, и тѣмъ будто бы отличается отъ нея позднѣйшій періодъ, т. е. Русь Суздальско-московская, которая занималась преимущественно земледѣліемъ и потому имѣла уже аристократію землевладѣльческую. Въ дѣйствительности такого рѣзкаго различія между этими періодами не было: наоборотъ, населеніе Кіевской Руси занималось преимущественно земледѣліемъ, хотя отнюдь не чуждо было промышленнаго духа и имѣло значительные торговые города. Бояре уже тогда были классомъ по преимуществу землевладѣльческимъ (прибавлю: и рабовладѣльческимъ), а совсѣмъ не торговымъ. Въ Суздальско-московской Руси, наряду съ земледѣліемъ, населеніе отличается замѣчательнымъ торгово-промышленнымъ духомъ.

Точно также не совсѣмъ вѣрно опредѣленъ характеръ новгородскаго боярства, которое въ книгѣ является не болѣе какъ собраніемъ „нѣсколькихъ крупныхъ торговыхъ домовъ“, созданныхъ внѣшнею торговлею. Боярство тутъ будто бы „превратилось въ капиталистовъ-дисконтеровъ, которые не столько сами вели торговые обороты, сколько направляли ихъ, ссужая торговцевъ своими капиталами“ (10). Если новгородскіе бояре давали деньги въ займы, то это обстоятельство нисколько не означаетъ, что они занимались торговыми оборотами. На такомъ основаніи и патриціевъ древняго Рима можно назвать купеческимъ классомъ, тогда какъ онъ былъ землевладѣльческій. Авторъ при этомъ не обратилъ вниманія на цѣлую группу источниковъ, по которымъ можно судить объ имущественной сторонѣ новгородскаго боярства—духовныя грамоты. Тамъ постоянно говорится о землѣ, селахъ, разныхъ угодьяхъ, деньгахъ, челяди и другихъ предметахъ; но только однажды встрѣтили мы „лавку на Хопыльскомъ ряду“, и то безъ всякаго болѣе яснаго указанія на торговлю (м. б. помѣщеніе, отдаваемое въ наймы подъ лавку). По всѣмъ даннымъ, даже

новгородское боярство было классомъ по преимуществу землевладѣльческимъ.

Кромѣ яснаго увлеченія предполагаемою первенствующею ролью внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ въ процессѣ зарожденія Русскаго государства, другимъ болѣе важнымъ недостаткомъ первыхъ главъ книги является отсутствіе самаго племени, которое создало это государство. Любопытно, что русскій историкъ, пытаясь объяснить происхожденіе господствующаго, правительственнаго сословія, упустилъ изъ виду то племя, тотъ народъ, изъ котораго это сословія выдѣлилось; однимъ словомъ, въ началѣ Русской исторіи мы здѣсь почти не находимъ Русскаго народа. Изъ книги очень трудно понять, откуда взялся этотъ русскій народъ, откуда взялось русское боярство. О Варягахъ онъ говоритъ, а о Руссахъ какъ бы молчитъ, такъ что ихъ взаимное отношеніе остается вопросомъ. Если даже возьмемъ ея норманскую исходную точку зрѣнія, то все-таки не получаемъ яснаго отвѣта на то: была-ли Русь туземное племя или Русь не существовала въ Россіи до призванія Рюрика? Гдѣ кончаются пришлые Варяги и гдѣ начинается туземная Русь? Могучее Русское племя, жившее на среднемъ Днѣпрѣ и его притокахъ, и многочисленныя русскія дружины, основавшія обширное государство, заставившія говорить о себѣ многихъ иноземныхъ писателей и выдѣлившія изъ себя русское боярство, эти дружины и это племя почти игнорируются въ данномъ изслѣдованіи. Княжеско-дружиннаго быта, столь ярко характеризующаго Кіевскій періодъ, также здѣсь не находимъ. Вмѣсто него мы видимъ гадательное сочетаніе восточнославянскихъ торговыхъ оборотовъ съ предполагаемыми „варяжскими компаніями“. Очевидно, авторъ недостаточно вдумался въ процессъ образованія какъ боярскаго сословія, такъ и русскаго государства вообще; поэтому и его изложеніе въ первыхъ главахъ страдаетъ запутанностію и нѣкоторою темнотою. Отношенія боярства къ князю, отношенія племенныя и дружественно-служебныя, не только не выяснены, а скорѣе искажены разсужденіями о боярахъ, какъ о „наемныхъ сотрудникахъ“ князя, съ которыми онъ совѣтовался не ради ихъ политическаго права, а ради практическаго удобства (74).

Если бы В. О. Ключевскій прямо заявилъ, что онъ прини-

маетъ на вѣру всю систему начала Руси, сочиненную норманской школой, и ничего не желаетъ знать о моихъ изслѣдованіяхъ по данному предмету, это было бы просто и откровенно. Но авторъ пытается какъ бы подкрѣпить свою школу нѣсколькими новыми аргументами, и тутъ косвенно полемизуетъ со мною (т. е. не называя меня). Такъ онъ ссылается на недавно обнародованные отрывки изъ еврея Ибрагима, X вѣка (34 стр.), и повторяетъ толкованія А. А. Куника, хотя у меня указано, до какой степени эти толкованія произвольны и какъ мало зналъ Ибрагимъ о Руси и восточныхъ Славянахъ („Разысканія“, 453 стр.). Затѣмъ авторъ „Боярской думы“ самъ отыскалъ еще доказательство тождества Русскаго боярина съ Варягомъ, именно въ „Словѣ о смиреніи“, гдѣ говорится: „отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мнѣ“ (38). Здѣсь нѣтъ даже имени ни Руси, ни Варяговъ. Но авторъ усматриваетъ тутъ намекъ на двухъ лѣтописныхъ Варяговъ-мучениковъ 983 года, разумѣется, отвергая критику самаго лѣтописнаго текста или позднѣйшей лѣтописной редакціи и гадательно относя „Слово о смиреніи“ къ „первымъ временамъ христіанства на Руси“. Точно также, не представляя никакихъ данныхъ, онъ считаетъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ написанною „не позже смерти Ярослава I“ (28). Слѣдовательно разногласитъ съ своею школою, которая сочинителемъ ея называетъ Нестора.

В. О. Ключевскій коснулся даже и этимологіи для подкрѣпленія Варяговъ. По его мнѣнію, слово витязь есть ничто иное, какъ „русская форма скандинавскаго викинга“ (35); хотя корень вит весьма распространенъ въ славянскихъ языкахъ и хотя слово „витязь“ принадлежитъ не однимъ Русскимъ, но также и другимъ славянамъ, напримѣръ, Полякамъ и Сербамъ. Онъ, конечно, основывается на придуманномъ норманистами законѣ, что германское окончаніе на ing непремѣнно переходитъ въ русскомъ въ ягъ или язь, и что русскія слова съ такимъ окончаніемъ суть не свои, а заимствованныя. Законъ этотъ сомнительный, на что я указалъ въ своихъ „Разысканіяхъ“ (387). Прибавлю еще слѣдующій примѣръ: наше слово рынокъ соотвѣтствуетъ нѣмецкому Ring или староскандинавскому Hring; но не соотвѣтствуетъ теоріи норманистовъ, по которой, выходило бы рягъ или рязь.

(Мы вспомнили тутъ о рынкѣ потому, что почтенный авторъ кладетъ его краеугольнымъ камнемъ своего зданія). *

Рядомъ съ увлеченіемъ торговыми оборотами и варяжствомъ, въ первыхъ главахъ у В. О. Ключевскаго встрѣчаются и нѣкоторыя фактическія погрѣшности. Напримѣръ, на основаніи Никоновскаго, т. е. позднѣйшаго, свода, миѳическіе Аскольдъ и Диръ у него въ 867 года обороняютъ Кіевъ отъ Печенѣговъ (23); хотя, по извѣстію болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, первый приходъ Печенѣговъ на Русь отнесенъ ко времени Игоря, именно къ 915 году, и это извѣстіе согласно съ византійскими свидѣтельствами о времени появленія Печенѣговъ въ южно-русскихъ степяхъ. Далѣе, у него въ Кіевѣ вмѣсто собранія „лучшихъ людей“ города на княжемъ дворѣ для какого либо общаго совѣта съ боярами (на что имѣются неоднократныя и ясныя свидѣтельства), наоборотъ самъ князь, съ дружиной и боярами, „иногда являлся на городской площади среди вѣча, чтобы сообща обсудить дѣло“ (45 и 73). И при этомъ ссылка на одинъ только, и то необычайный, случай, на мятежное вѣче Кіевлянъ противъ Игоря II въ 1146 году; при чемъ отнюдь не самъ великій князь явился среди этого вѣча, а послалъ туда для переговоровъ своего брата. Это не одинъ примѣръ того, что авторъ беретъ форму совѣщанія изъ временъ какой либо смуты или междоусобія и возводитъ ее въ общее правило. Замѣтно также нѣкоторое смѣшеніе болѣе древняго военнаго дѣленія Русскаго племени на тысячи и сотни, съ позднѣйшимъ понятіемъ о тысяцкихъ, какъ городовыхъ сановникахъ; при чемъ указано на отсутствіе тысяцкаго въ администраціи Пскова (30); но тутъ не принято въ разсчетъ, что во Псковѣ было два степенныхъ посадника, изъ которыхъ одинъ, конечно, исполнялъ обязанности тысяцкаго. Вообще довольно темно говорится объ отношеніяхъ земства къ князю и боярамъ, и между прочимъ земская рать изображается какъ бы исключительно „городовой“ (40). При чемъ упущенъ изъ ви-

---

* Слово р ы н о к ъ перешло къ намъ, какъ извѣстно, изъ польскаго языка. Что касается до слова у с е р я з ь соотвѣтствующаго нѣмецкому Ohrring, то оно не русское, а церковнославянское, т. е. древнеболгарское; русская же его форма есть с е р ь г а. Въ подобныхъ древнихъ словахъ я вижу соотвѣтствіе и общность корней, а не прямое заимствованіе.

ду извѣстный отвѣтъ Владиміра Мономаха дружинникамъ, которые говорили, что не время отнимать смердовъ и коней ихъ отъ пахоты. „Удивительно мнѣ—сказалъ Мономахъ—вы жалѣете ихъ лошадей; но не подумаете о томъ, что начнетъ смердъ пахать, а Половчинъ пріѣдетъ, убьетъ смерда, кобылу его возьметъ, потомъ въѣдетъ въ село, возьметъ жену его, дѣтей и все имѣніе". Эти слова, наряду съ другими свидѣтельствами, ясно указываютъ, что земская рать состояла изъ горожанъ и сельчанъ, и что Кіевская Русь была не менѣе земледѣльческою, чѣмъ Суздальско-Московская.

Оставимъ дальнѣйшія подробности и замѣчанія, чтобы не слишкомъ разширять размѣръ своей статьи. Сказаннаго, надѣюсь, достаточно, чтобы видѣть, какъ норманская теорія и преувеличенное значеніе внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ повліяли въ данной книгѣ на очеркъ Русской начальной исторіи. Повторяю, книга достоуважаемаго В. О. Ключевскаго составляетъ очень цѣнный вкладъ въ науку по отношенію къ XV—XVII вѣкамъ нашей исторіи. Къ сожалѣнію, предыдущіе вѣка, т. е. ея первыя главы, портятъ общее впечатлѣніе.

*

Чтобы показать, къ какой непроходимой путаницѣ приводитъ норманизмъ въ изложеніи и объясненіи историческихъ фактовъ, какъ скоро дѣло касается происхожденія Русскаго государства, приведемъ еще въ примѣръ вышеназванную статью Е. А. Бѣлова о Русскомъ боярствѣ, помѣщенную серьезнымъ журналомъ, и представляющую начало любопытнаго и дѣльнаго изслѣдованія.

„Труды Кавелина и Соловьева въ основѣ поколебали зданіе построенное Карамзинымъ". „Изъ трудовъ Кавелина, Соловьева, Костомарова стало ясно до очевидности, что невозможнаго чуда или, лучше сказать, исторической уродливости въ видѣ внезапнаго возникновенія государственнаго строя съ призваніемъ Рюрика у насъ не было; выяснилась необходимость изслѣдовать, подъ какими условіями развился нашъ государственный строй. Соловьевъ главнымъ двигателемъ въ государственномъ нашемъ развитіи выставлялъ родовыя отношенія князей Рюрикова дома, Кавелинъ—развитіе личности и ея юридическое опре-

дѣленіе, Костомаровъ и В. И. Сергѣевичъ—вѣче и его отношенія къ князю» (69 стр). Вотъ что говоритъ г. Бѣловъ въ началѣ своей статьи. Читаете, и недоумѣваете: о какомъ тутъ зданіи Карамзина, разрушенномъ Кавелинымъ и Соловьевымъ,идетъ рѣчь? Ни Кавелинъ, ни Соловьевъ, не отвергали призванія Варяговъ съ Рюрикомъ, отъ нихъ вели начало нашего государства, и если одинъ разсуждалъ о родовыхъ отношеніяхъ князей, а другой о развитіи личности, то это относится уже ко времени послѣдующему за основаніемъ государства или государственнаго строя. И Костомаровъ, и Сергѣевичъ не отвергали иноземнаго происхожденія основателей Русскаго государства (по крайней мѣрѣ я этого не замѣтилъ до моей борьбы съ норманизмомъ). Еще любопытнѣе, что послѣ фразы о „внезапномъ возникновеніи у насъ историческаго строя съ призваніемъ Рюрика“ какъ объ „исторической уродливости“ на слѣдующихъ страницахъ Е. А. Бѣловъ является такимъ же норманистомъ, какъ другіе, и только полемизуетъ съ В. И. Сергѣевичемъ, поставляя главную силу князя не въ народѣ, а въ дружинѣ. Но при этомъ русская дружина у него является не выдѣлившеюся изъ Русскаго народа, а пришлою заморскою. При чемъ роль Новгорода, „вѣроятно призвавшаго къ себѣ на службу одну изъ такихъ дружинъ“, опредѣляется у него совершенно несогласно съ положительными историческими свидѣтельствами. Выходитъ, будто Новгородъ сначала призвалъ Варяговъ-Русь (невѣдомо для чего), а потомъ, сохраняя „свой старо-славянскій бытъ“, ихъ *вытѣснилъ*, и они *утвердились на югѣ въ Кіевѣ*; а жители Приднѣпровья, энергія которыхъ была обезсилена аварскимъ и хазарскимъ игомъ, должны были подчиниться перевѣсу дружинниковъ“. (75).

Тутъ все произвольно и гадательно. И эти гаданія восполняются еще мнимыми договорными отношеніями Новогородцовъ къ варяжской дружинѣ. „И устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ“. Вотъ первый договоръ Новогородцевъ съ князьями, установленный по лѣтописи въ 882 году“. (72). Спрашивается: о какомъ тутъ договорѣ говоритъ авторъ статьи? Если Владиміръ поставилъ въ Новгородѣ военный варяжскій гарнизонъ и опредѣлилъ взимать для него 300 гривенъ съ Новаго-

родцевъ, то этимъ выражалась только полная зависимость Новгорода отъ великаго князя Кіеворусскаго, и болѣе ровно ничего; „мира дѣля“ значитъ просто ради тишины, спокойствія. Приводя лѣтописной разговоръ Новогородцевъ съ Святославомъ по поводу ихъ просьбы дать имъ князя, г. Бѣловъ придаетъ этому позднѣйшему домыслу характеръ историческаго факта, на которомъ строитъ свободныя отношенія Новгорода къ Кіеву —Хотя историческая критика уже достаточно выяснила, что угроза Новогородцевъ найти себѣ другого князя указываетъ на другую эпоху, именно на ту, когда писалъ лѣтописецъ (первая четверть XII вѣка) и когда Новогородцы дѣйствительно стали сами выбирать себѣ князей, но не иначе какъ изъ дома Владиміра В. Не разъ я уже приводилъ извѣстіе Константина Б. о томъ, что самъ Святославъ въ молодости княжилъ въ Новгородѣ; но всѣмъ даннымъ въ X вѣкѣ Кіевскіе князья крѣпко держали за собою этотъ городъ и сажали тамъ наслѣдникомъ кого либо изъ своихъ сыновей. Болѣе свободныя отношенія къ Кіеву начинаются со времени Ярослава, который, перейдя съ Новгородскаго стола на великое княженіе, наградилъ Новогородцевъ разными льготами за ихъ преданность и усердную помощь во время трудной его борьбы съ Святополкомъ. Непричемъ тутъ и ссылки на нѣкоторые факты XII вѣка, когда Новгородцы сдѣлали успѣхи въ развитіи своей самостоятельности, именно пользуясь княжескими раздорами. Поэтому совершенно невѣрнымъ является и слѣдующій выводъ: „Итакъ всѣ эти факты свидѣтельствуютъ, что Новгородъ, *съ самаго начала русской исторіи*, сталъ въ договорныя отношенія къ князьямъ“ и могъ по своей волѣ выбирать себѣ князя. (74). Ни о IX, ни о X вв. ничего этого нельзя сказать; тому противорѣчатъ достовѣрныя историческія свидѣтельства.

Прибѣгая къ подобнымъ гаданіямъ и произвольнымъ выводамъ, чтобы доказать господство народнаго вѣча въ Новгородѣ съ самаго начала Русской исторіи, г. Бѣловъ точно также дѣлаетъ сильныя натяжки, чтобы показать полное господство варяжской дружины въ Кіевѣ и почти отсутствіе тамъ народнаго вѣча. Напримѣръ, извѣстныя слова Кіевлянъ князю послѣ пораженія отъ Половцевъ въ 1066 году: „дай намъ коней и оружіе; хотимъ еще биться съ ними“, г. Бѣловъ толкуетъ такимъ образомъ: „Уже

отсутствіе оружія у народа XI вѣка не свидѣтельствуетъ о его свободѣ; этотъ безоружный народъ“ и пр. (76). Кіевляне, разбитые и потерявшіе или изломавшіе свое оружіе въ сраженіи, естественно обращаются къ князю: у него всегда должны были находиться большіе запасы оружія и табуны коней, которыми онъ снабжалъ свои дружины. Дѣлать отсюда выводъ о какой-то безоружности и пассивности Кіевскаго или Полянскаго народа—въ высшей степени несправедливо. Напротивъ, этотъ фактъ свидѣтельствуетъ объ его энергіи, воинственности и свободолюбіи. А главная ошибка автора заключается въ противуположеніи Русскаго народа съ княжею дружиною. Кажется, ужъ достаточно доказано, что Поляне-то и были Русь по преимуществу. Но Е. А. Бѣловъ, въ началѣ своей статьи рѣзко заявившій свое несогласіе съ Карамзинымъ, потомъ преспокойно повторяетъ баснословные лѣтописные домыслы о призваніи Варяговъ, миѳическихъ походахъ Олега, владычествѣ Хазаръ до Радимичей включительно (т. е. почти до верхняго Днѣпра), какъ бы достовѣрные историческіе факты. У него дружина княжеская это все тѣже небывалые Варяги-Русь. Все среднее Приднѣпровье у него является сначала подъ аварскимъ, потомъ подъ хазарскимъ игомъ, а потому „безпрекословно подчиняется Олегу“; хотя несомнѣнными историческими свидѣтельствами доказано, что владычество Аваръ не простиралось такъ далеко на сѣверъ, а тѣмъ менѣе простиралось туда хазарское иго, которое на западъ не шло далѣе Славянъ Приазовскихъ и Таврическихъ „Итакъ, на сѣверѣ—призывъ, договоръ, на югѣ—завоеваніе, безусловная покорность“—разсуждаетъ авторъ статьи. Но такъ можно разсуждать только ради проведенія какой либо предвзятой идеи (въ родѣ договорнаго и туземно-вѣчеваго начала въ Новгородѣ IX вѣка и завоевательнаго, иноземно-дружиннаго въ Кіевѣ). Въ результатѣ получаются окончательная путаница и темнота. Взявъ на себя говорить о Русскомъ боярствѣ, авторъ такимъ образомъ не объясняетъ, откуда оно произошло. Изъ его словъ только, можно заключать, что оно произошло изъ иноплеменной варягорусской дружины; но какимъ же образомъ и когда оно успѣло сдѣлаться славянорусскимъ, остается совершенно темнымъ. Эта иноземная дружина, которую неизвѣстно зачѣмъ Новгородцы приз-

вали, ибо тотчасъ же потомъ *вытъснили* ее на югъ,—тамъ на югѣ однако является такою многочисленною, что, по словамъ автора, она заселила цѣлые города и образовала не только военный классъ, но и торговый. „Въ ту пору — говоритъ онъ — трудно отличить дружинника отъ купца, который велъ заграничную торговлю, и наши *гречники*, купцы, торговавшіе съ Греками, безъ сомнѣнія были купцы и дружинники въ одно и то же время. Мнѣніе Погодина, что наши города, особенно южно-русскіе, населены были дружинниками, стоитъ обстоятельнаго изслѣдованія". (79).

Что наше государство основалось на югѣ, что оно постепенно распространилось изъ своего средоточія, Кіева, въ разныя стороны и между прочимъ на сѣверъ, до Новгорода включительно; что основало его Полянское или Русское племя, изъ котораго главнымъ образомъ и выдѣлились княжія дружины Игорева дома; что Новгородскіе и Кіевскіе князья этого дома вступали въ родственныя связи съ Скандинавскими конунгами и кромѣ собственныхъ русскихъ дружинъ имѣли еще наемные отряды изъ заморскихъ Варяговъ, отряды впрочемъ довольно немногочисленные; что между тѣмъ Русь кромѣ княжеской дружины выставляла и земскую рать, простиравшуюся до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, какъ это показываютъ извѣстные походы на юго-востокъ и на Византію—все это, кажется, было разъяснено въ достаточной степени. А потому изслѣдователи, игнорирующіе эту разработку начальной Русской исторіи, продолжающіе повторять лѣтописные домыслы и пріумножать ихъ собственными догадками о мнимыхъ договорахъ и мнимыхъ иноплеменныхъ завоеваніяхъ, обезоруженомъ, пассивномъ Русскомъ племени и т.п.—такіе изслѣдователи къ сожалѣнію немало поддерживаютъ ту путаницу и темноту, которыми страдали до сихъ поръ представленія о нашей начальной исторіи. *

---

* Считаю не лишнимъ поставить при семъ на видъ, что Е. А. Бѣловъ, кромѣ своихъ историко-литературныхъ трудовъ, извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ петербургскихъ преподавателей исторіи.

II.

ЕЩЕ О ТУРАНИЗМѢ ВЪ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРІИ. *)

Отвѣтъ В. Г. Васильевскаго.—Одно справедливое его замѣчаніе.—Новыя разсужденія о стравѣ, камѣ, медѣ и другія текстуальныя пренія.—Болгаре-Венды въ Географіи Хоренскаго и отсутствіе аналогій у туранизма.—Его отношеніе къ Шафарику.—Теорія конныхъ и пѣшихъ народовъ въ приложеніи къ Арійцамъ вообще, къ Славянамъ въ частности.—Выводы туранизма, основанные на этимологическихъ увлеченіяхъ.—Смѣшеніе эпохъ относительно названій Склавины и Славяне.—Сводъ главнымъ пріемамъ туранизма.—Ѳ. И. Успенскій о болгарскомъ другѣ.—Отношеніе норманизма и туранизма къ національному самопознанію.

Напомню читателямъ, откуда пошелъ споръ о Руси, Болгарахъ и Гуннахъ. Предпринимая свой главный трудъ, то-есть, „Исторію Россіи“, я не счелъ себя въ правѣ обойдти первостепенной важности вопросъ о происхожденіи Русской національности и государственности и повторять ходячую басню о призваніи Варяговъ-Руси изъ Скандинавіи. Разъ я усумнился въ ея исторической достовѣрности, надѣюсь, всякій согласится, что было бы съ моей стороны недобросовѣстно уклониться отъ вопроса или пройдтись только по его поверхности. Прежде чѣмъ приступить къ обработкѣ Кіевскаго періода, нѣсколько лѣтъ употреблено было мною на историко-критическую провѣрку норманнской теоріи, и въ результатѣ получилось убѣжденіе въ ея полной несостоятельности. Этого мало: изслѣдованіе о происхожденіи Руси привело меня къ начальной исторіи нѣкоторыхъ восточно-европейскихъ народовъ, имѣвшихъ съ Русью тѣсное отношеніе; тутъ на первомъ планѣ

*) Изъ Журн. Министер. Народ. Просв. 1883, Августъ.

выступили Болгаре; а Болгаръ, оказалось, нельзя отдѣлять отъ Гунновъ, и вотъ пришлось пересмотрѣть теорію ихъ туранскаго происхожденія. Результатъ опять получился для нея совершенно неблагопріятный. И тутъ-то я убѣдился, до какой степени искажалась и пренебрегалась начальная исторія Славянства вообще, благодаря именно двумъ такимъ искусственнымъ теоріямъ, какъ норманнская и туранская [1]). Вынесенныя изъ своихъ разысканій убѣжденія я высказывалъ прямо, рѣшительно, и вопросы поставилъ, какъ говорится, ребромъ. Извѣстно, что отсюда завязалась сильная борьба со сторонниками этихъ двухъ теорій; полемика съ ихъ стороны, въ большинствѣ случаевъ, немедленно приняла острый и даже личный характеръ, согласно съ господствующими у насъ литературными нравами. Образчикомъ такой полемики служитъ и послѣдній мнѣ отвѣтъ со стороны профессора В. Г. Васильевскаго, напечатанный въ апрѣльскомъ нумерѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ, подъ заглавіемъ „Еще разъ о мнимомъ славянствѣ Гунновъ“. Во вступленіи своемъ авторъ этого отвѣта мнитъ главнымъ двигателемъ въ данной борьбѣ полагаетъ ни болѣе ни менѣе какъ мою амбицію; слѣдовательно, научный вопросъ откровенно ставитъ на личную почву. Но перейдемъ лучше къ фактической сторонѣ его новыхъ возраженій, написанныхъ по поводу моей вышепомѣщенной статьи „Поборники норманизма и туранизма“.

„Говоря о томъ, что старинные авторы представляютъ Гунновъ либо совсѣмъ безбородыми, либо имѣющими только рѣдкую бороду, я имѣлъ въ виду ни болѣе, ни менѣе, какъ знаме-

---

1) Кто слѣдилъ за постепеннымъ ходомъ моихъ „Разысканій“, тотъ могъ видѣть, что, считая вопросъ о Болгарахъ важнымъ для начальной русской исторіи и поднимая его въ 1874 году, я думалъ тогда уклониться отъ Гуннскаго вопроса вообще. Но потомъ, чѣмъ болѣе вникалъ въ дѣло, тѣмъ болѣе убѣждался, что правильное рѣшеніе сего послѣдняго необходимо для правильной постановки самой русской исторіи: нѣкоторыя славяно-гуннскія племена вошли въ составъ нашей народности; между прочимъ тутъ-то надобно искать ключа и къ разъясненію темнаго доселѣ вопроса о происхожденіи Малорусской вѣтви этой народности. Изъ своихъ изысканій и наблюденій, я почти невольно прихожу къ тому заключенію, что Малорусская вѣтвь принадлежитъ къ отдѣлу Гуннскому, а Великорусская къ Анто-Роксоланскому.

нитое и классическое описаніе наружности Аттилы у Іордана“ (стр. 349). Вопервыхъ, пока не извѣстно, откуда Іорданъ взялъ это описаніе, называть его классическимъ можетъ только предвзятая идея. Если даже предположить, что оно заимствовано у Приска, и тогда остается сомнѣніе въ его точности; для этого стоитъ только сравнить взятое у Приска Іорнандово описаніе дворца Аттилы съ текстомъ самого Приска. Вовторыхъ, съ одной стороны полная безбородость Гунновъ, съ другой—рѣдкая борода Аттилы. Спрашиваю: сіи два понятія тожественны или нѣтъ? Въ своихъ „Разысканіяхъ“ я уже указывалъ на это противорѣчіе (стр. 515). Говоря о Гуннахъ вообще, Іорданъ замѣчаетъ, что „они старѣются безбородые, похожіе на евнуховъ“; слѣдовательно, откуда же взялась у Аттилы борода, хотя бы и не густая? Но и не въ этомъ опять-таки былъ главный вопросъ, а въ томъ, что по яснымъ извѣстіямъ Амміана и Іордана Гунны имѣли обычай искусственно уничтожать растительность волосъ, слѣдовательно, о природной безбородости у нихъ нѣтъ и рѣчи. Какъ скоро мы разсуждаемъ о расовыхъ качествахъ, то естественно брать въ разчетъ прежде всего качества природныя, а не искусственныя. За тѣмъ противникъ разбираетъ мою ссылку на Прокопія по поводу усвоенной партіями цирка болгарской прически; съ прической у меня было связано и бритье бороды. Сопоставляя тексты, В. Г. Васильевскій доказываетъ, что послѣднее, то-есть, бритье бороды и усовъ является у меня недоразумѣніемъ, неточною передачею подлинника (стр. 351). И доказываетъ совершенно основательно. Тутъ я только могу его поблагодарить за поправку (замѣчу однако, что у меня говорилось о бритьѣ бороды, но не усовъ). Я далекъ отъ мысли, чтобы на 557 страницахъ моей книги нельзя было найдти нѣсколькихъ недосмотровъ относительно подробностей, о чемъ предупреждалъ постоянно. Я только не допускаю такихъ недосмотровъ, на которыхъ была бы построена самая суть дѣла. И въ данномъ случаѣ поправка нисколько не измѣняетъ этой сути: никакіе источники не говорятъ ни о безбородости, ни о безобразіи Болгаръ, а Болгаре суть коренное Гуннское племя. Мои доказательства, что та устрашающая безобразная наружность, о которой повѣствуютъ извѣстные писатели, достигалась искусственными сред-

ствами,—эти доказательства остались не опровергнутыми со стороны моего противника. Что же касается до помянутой поправки, то я просто радъ случаю въ двухъ довольно большихъ полемическихъ статьяхъ почтеннаго профессора о Гуннскомъ вопросѣ указать хотя на одно справедливое и точное возраженіе. По этому поводу напомню пресловутыя „русыя хеландіи“. Когда мой досточтимый противникъ по всѣмъ даннымъ вопросамъ А. А. Куникъ представилъ дѣльные и вѣскіе аргументы въ пользу красныхъ хеландій, я поспѣшилъ отказаться отъ хеландій русскихъ; но такъ какъ эти хеландіи не играли никакой видной роли въ моихъ доказательствахъ Роксоланскаго происхожденія Руси, то и постановку вопроса онѣ нисколько не измѣнили.

Далѣе В. Г. Васильевскій возвращается къ своимъ разсужденіямъ о трехъ извѣстныхъ словахъ приводимыхъ Прискомъ при описаніи путешествія къ Гуннамъ, то-есть, камосѣ, медѣ и стравѣ. Прежде обратимъ вниманіе на его попытку устранить страву, которая, что бы онъ ни говорилъ, имѣетъ рѣшающее значеніе при суммѣ другихъ данныхъ по вопросу о народности Гунновъ. Онъ вновь ссылается на извѣстіе Лактанція Плацида о томъ, что варвары свой обрядъ погребенія называютъ strabas, и что этотъ обрядъ сопровождался сожженіемъ трупа. Онъ вновь усиливается доказывать, что это слово не гуннское, а готское, при чемъ опять прибѣгаетъ къ вопіющимъ натяжкамъ и искаженію прямаго смысла источниковъ. А именно: хотя „у Іордана слову страва какъ будто приданъ такой смыслъ, что оно соотвѣтствуетъ латинскому commessatio и слѣдовательно совпадаетъ съ обще-славянскою стравою“, но съ иной стороны въ извѣстіи Лактанція выходитъ, что „пиръ только сопровождалъ какое-то другое дѣйствіе или другую часть похороннаго обряда, называемую именно стравою.“ Тутъ яко-бы не кого разумѣть, кромѣ Готовъ, ибо, по мнѣнію Мюлленгофа, „о славянской стравѣ и потому нельзя думать, что Славяне являются въ тѣхъ странахъ гораздо позднѣе: а между тѣмъ извѣстно, что при дворѣ Аттилы и вообще въ его державѣ кромѣ латинскаго употреблялся готскій языкъ; имена его приближенныхъ, даже самого Аттилы, звучатъ по готски“ (ст. 361—362).

Вопервыхъ, у Іордана стравѣ приданъ смыслъ погребальнаго

пира не какъ будто, а положительно; ибо ясно говорится, что этотъ пиръ Гунны совершили на погребальномъ холмѣ. Во-вторыхъ, если по Лактанцію Плациду весь обрядъ погребенія варвары называли „на своемъ языкѣ“ стравою, то здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія съ Іорданомъ: здѣсь мы видимъ только распространеніе этого слова на весь погребальный обрядъ,—фактъ самый обыкновенный и общеизвѣстный въ исторіи языка. Примѣръ подобнаго перехода понятій представляетъ наше слово тризна. Мой противникъ можетъ отвергать мои изслѣдованія о Руси, но это не помѣшало имъ кое-что объяснить даже изъ исторіи русскаго языка. А именно, я указалъ на извѣстіе Фадлана о томъ, что передъ сожженіемъ умершаго Русса имѣніе его раздѣлили на три части, и одну треть назначили на погребальное пиршество (см. стр. 31 „Разысканій“). Такимъ образомъ слово треть, третина или тризна получило значеніе поминальнаго пиршества, а пожалуй и вообще поминальнаго обряда. Извѣстіе нашей лѣтописи о тризнѣ, справленной Ольгою по Игорю на могильномъ курганѣ, предварительно ею воздвигнутомъ, совершенно соотвѣтствуетъ извѣстію Іордана о стравѣ на могильномъ курганѣ Аттилы. Извѣстіе Плацида, конечно, дополняетъ Іордана въ томъ отношеніи, что, можетъ быть, самый обрядъ погребенія Аттилы сопровождался сожженіемъ. И мой противникъ могъ бы даже найдти нѣкоторую поддержку для такого предположенія у самого же Іордана, именно въ его описаніи Каталаунской битвы, когда Аттила, принужденный запереться въ своемъ таборѣ, велѣлъ сложить костеръ изъ конскихъ сѣделъ, предпочитая за-живо сгорѣть на немъ, а не отдаться въ руки враговъ. Но въ свою очередь это сближеніе извѣстій ужъ никакъ не подкрѣпитъ попытку въ варварахъ Плацида найдти Готовъ, а страву перенести изъ славянскаго языка въ готскій. Въ этомъ случаѣ особенно любопытна ссылка на аргументъ Мюлленгофа: о Славянахъ тутъ-де не можетъ быть, рѣчи, потому что они являются въ тѣхъ странахъ гораздо позднѣе. Напомню своему противнику, что послѣдняго положенія никто доселѣ не доказалъ, и что, кромѣ того, мы ведемъ съ нимъ споръ о славянствѣ самихъ Гунновъ. Только одинъ туранизмъ и способенъ дѣлать исходнымъ пунктомъ для своей аргументаціи то именно

положеніе, которое онъ долженъ доказать. Любопытно также, какъ, въ погонѣ за готскими словами у Гунновъ, туранизмъ забываетъ свое мнѣніе о татарствѣ или монгольствѣ сихъ послѣднихъ,—такъ что имена самого Аттилы и его приближенныхъ уже звучатъ по готски.

Кстати о словѣ сами у Іорнанда (quam appellant ipsi). Мой противникъ замѣчаетъ: „Іорнандово ipsi вовсе не имѣетъ той важности и даже того смысла, которые придаетъ ему Д. И. Иловайскій. Если-бы даже его слѣдовало переводить не мѣстоименіемъ они, а сами, то и тогда мы имѣли бы право дополнять: сами варвары и т. п.“ Какъ будто въ этомъ случаѣ у Іордана можно разумѣть какихъ-либо другихъ варваровъ, кромѣ Гунновъ? Нѣсколько выше на той-же 362 страницѣ, по поводу невѣроятнаго заимствованія чужаго слова для обозначенія важнаго погребальнаго обряда, мой антагонистъ разсуждаетъ. „Я конечно думаю, что собственные Гунны даже и произносить не могли такого слова, какъ страва, и что они имѣли для своего обряда свое особое названіе, въ родѣ тоже неяснаго Менандрова дохія, но только оно не дошло до насъ, потому что Іорданъ или вѣрнѣе Прискъ, которому онъ слѣдуетъ, сообщили намъ вмѣсто турецкаго готское названіе обряда.“

Если противникъ становится на почву такихъ произвольныхъ предположеній и такого ничѣмъ нестѣсняющаго отрицанія ясныхъ и положительныхъ свидѣтельствъ источника; то ученый споръ собственно невозможенъ: онъ обращается въ толченіе воды. Славянское слово страва, очевидно, припираетъ туранистовъ къ стѣнѣ; единственнымъ средствомъ избавиться отъ него—уничтожить его, вычеркнуть изъ источника. Туранская теорія такъ и поступаетъ, увѣряя, что Гунны этого слова не говорили и даже не могли его произнести (оказывается, что туранизмъ съ помощію воображенія до тонкости постигъ даже гунскую фонетику), и что Іорданъ тутъ просто на просто солгалъ [1]). Итакъ портретъ Аттилы, котораго Іорданъ не видалъ, вышелъ у него точный и классическій, а слово страва, которое по ясному смыслу извѣстія Гунны употребляли и во время Іордана, выходитъ у него подлогомъ. На этомъ пунктѣ я могъ-бы остановиться и не представлять разбора дальнѣйшихъ возраженій. Но, разъ я взялся доказать не-

состоятельность туранизма, надобно ужь вести дѣло до конца и отвѣчать даже на безплодныя словопренія.

Прежде чѣмъ покинуть страву и погребеніе Аттилы, укажу на приводимое тутъ же моимъ противникомъ свидѣтельство Амміана Марцеллина о Хіонитахъ, въ которыхъ можно видѣть азіатскихъ родичей Аттилы, самимъ именемъ своимъ напоминающихъ Гунновъ (стр. 363). Амміанъ разсказываетъ объ участіи князя Хіонитовъ Грумбата въ войнахъ Сапора Персидскаго противъ Римлянъ (въ IV вѣкѣ по Р. Х.), о смерти его сына и погребальномъ обрядѣ, совершенномъ надъ послѣднимъ при помощи сожженія, по народному обычаю Хіонитовъ. Семь дней провели они въ пиршествахъ, пляскахъ и въ плачевныхъ пѣсняхъ въ честь погибшаго „царственнаго юноши“. Женщины при этомъ вопили и ударяли себя въ грудь. Когда огонь пожралъ трупъ, пепелъ собрали въ серебряную урну, которую отецъ рѣшилъ предать землѣ не на мѣстѣ событія, а на родинѣ. Дѣйствительно, аналогія съ погребеніемъ Аттилы есть. Особенно обращу вниманіе на извѣстіе Іордана о томъ, что останки Гуннскаго царя заключены были въ три металла—золото, серебро и желѣзо; можетъ быть, тутъ именно надобно разумѣть три одна въ другую вложенныя урны. Я вообще ничего не имѣю противъ родства среднеазійскихъ Хіонитовъ съ европейскими Гуннами. Скажу болѣе: эти Хіониты, повидимому, совпадаютъ съ Бѣлыми Гуннами или Эфталитами Прокопія, а пожалуй находились въ родствѣ и съ Хоніатами Менандра (которыхъ я сближаю съ Хвалисами нашей лѣтописи, и о которыхъ упоминалъ въ предыдущей своей статьѣ). Хіониты по смерти своего княжича не царапаютъ себѣ лица, какъ это дѣлаютъ подданные Аттилы; но по всѣмъ признакамъ Бѣлые Гунны, то-есть, Гунны, оставшіеся въ Азіи, успѣли развить у себя

---

[1]) Можно подумать, что отвергая это фактическое свидѣтельство Іордана и навязывая Гуннамъ какую-то убогую фонетику, противникъ мой какъ бы принимаетъ за нѣчто серьезное сказанную Іорданомъ въ другомъ мѣстѣ реторическую фразу о Гуннахъ: „ихъ едва можно считать за людей, а ихъ языкъ есть только подобіе человѣческаго говора“ (quasi hominum genus, nec alia voce notum, nisi quae humanae sermonis imaginem assignabat. Cap. XXIV). Отсюда недалеко пожалуй до принятія за фактъ и приведенной въ той же главѣ Іорданомъ басни о происхожденіи Гунновъ отъ соединенія вѣдьмъ съ нечистыми духами.

нѣкоторую гражданственность и значительно смягчить свои нравы сравнительно съ Гуннами восточной Европы, которые въ степяхъ Волжско-Кубанскихъ долѣе сохраняли и дикія привычки, и кочевое состояніе, пребывая тамъ, конечно, не съ IV вѣка, а съ эпохи гораздо болѣе древней. Я только не понимаю, что̀ выигрываетъ туранская теорія отъ сближенія Гунновъ съ Хіонитами и отъ обряда сожженія труповъ, столь обычнаго у восточныхъ Славянъ. (Не знаю, почему авторъ Отвѣта игнорируетъ этотъ восточно-славянскій обрядъ, а вспоминаетъ о ѳракійскихъ похоронахъ по Геродоту, хотя первый къ данному случаю стоптъ ближе). Имя хіонитскаго князя Грумбата, имѣющее чистый иранскій оттѣнокъ, тоже ничего не даетъ для ихъ теоріи, какъ и имя знатнаго Ефталита Катульфа у Менандра. Приводимая еще Амміаномъ черта—брошенное Грумбатомъ передъ битвою копье, обмокнутое въ крови, по родному его обычаю *нашему* (то-есть, напоминающему римскихъ феціаловъ), если хотите, также сближаетъ этихъ Хіонитовъ съ Арійцами, а не Туранцами. Напомню и обычай Русскихъ князей бросаніемъ копья подавать знакъ къ битвѣ, какъ это видно изъ лѣтописнаго разсказа о Святославѣ.

Обратимся теперь къ тому, что̀ нашъ противникъ повѣствуетъ о *камѣ* и *медѣ*. Повторимъ прежде всего извѣстіе о нихъ Приска: „Въ селеніяхъ доставляли намъ въ пищу вмѣсто пшеницы просо, вмѣсто вина такъ называемый *по туземному* медосъ. Слѣдующіе за нами служители получали просо и добываемое изъ ячменя питье *камъ*—какъ называютъ его *варвары*“. По мнѣнію, высказанному В. Г. Васильевскимъ въ предыдущей его статьѣ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1882 г. іюль), „туземное исконное населеніе Панноніи состояло изъ двухъ элементовъ—староиллирійскаго, родственнаго съ нынѣшнимъ албанскимъ, и кельтскаго, утвердившагося здѣсь въ IV вѣкѣ до Р. Х. Которому изъ нихъ принадлежало собственно слово *камъ*, рѣшить трудно. То обстоятельство, что Африканъ говоритъ о кельтской церевизіи отдѣльно, заставляетъ думать о принадлежности его къ старо-иллирійскому нарѣчію“. („Египтяне пьютъ пиво, Пеоняне камъ, а Кельты церевизію“—слова Африкана, въ началѣ III в. по Р. Х.

Напитокъ камъ встрѣчается еще у современника его Ульпіана). Чтоже касается меда, то его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ уступить Кельтамъ". „Впрочемъ очень возможно, что слово медъ было общею принадлежностію не только славянскаго и кельтскаго языковъ, но еще и другихъ индоевропейскихъ нарѣчій, иллирійскаго и ѳракійскаго" (стр. 150—151). Въ новой своей статьѣ онъ говоритъ: „Apriori довольно естественно предполагать, что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о селахъ, о воздѣлываніи проса и ячменя, разумѣются уже не собственно Гунны, признаваемые кочевниками, а какіе-нибудь другіе элементы населенія". Затѣмъ онъ отвергаетъ мнѣніе Шафарика и другихъ о томъ, что въ Паннонiи и вообще Придунайскихъ областяхъ издавна обитали Славяне, и утверждаетъ, что тамъ населеніе состояло изъ двухъ элементовъ, старо-иллирскаго и кельтскаго: послѣднее, то-есть, кельтское „господствовало и преобладало" (стр. 356—357). А выводъ его заключается въ томъ, что въ помянутомъ извѣстіи Приска варвары, называвшіе напитокъ камомъ, были не Гунны (кто именно эти варвары, онъ не рѣшаетъ; только вообще изъ его соображеній выходитъ, что то были Старо-Иллирійцы); а туземное названіе медъ принадлежало Кельтамъ. „Вѣдь въ населеніи Паннонiи преобладали Кельты. Развѣ это отвергаетъ Д. И. Иловайскій?" (стр. 359).

По отношенію къ данной эпохѣ, отвергаю.

Что Кельты жили на Дунаѣ въ IV вѣкѣ до Р. Хр., противъ этого едва ли кто будетъ спорить, и я всего менѣе. Къ нимъ я отношу и еще одинъ значительный народъ. Извѣстно, что по вопросу о происхожденіи Румынской народности до сихъ поръ идутъ въ наукѣ споры: какое племя легло въ основаніе этой народности, и кто такое были Даки? Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, въ изданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества я напечаталъ свои соображенія о томъ, что, вѣроятнѣе всего, Даки были племя Кельтское. Но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, вопервыхъ, это племя было уже романизовано; вовторыхъ, Дакія временъ Аттилы была занята и другими народами, каковы: Сарматы, Гунны, Гепиды, Остъ-Готы и отчасти Аланы; втретьихъ, В. Г. Васильевскій говоритъ даже не о Дакіи, а собственно о Паннонiи, и забывая протекшіе послѣ IV вѣка до Р. Хр. восемь

столѣтій, безъ всякихъ основаній, безъ всякихъ доказательствъ, голословно увѣряетъ, что въ эпоху Аттилы господствующее и преобладающее населеніе тамъ было Кельтійское. Разъ онъ не представилъ никакихъ основаній, никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, то собственно и вопросъ о томъ является совершенно праздный, искусственно возбуждаемый. Главный же промахъ заключается въ игнорированіи имъ вопроса о Дако-Паннонскихъ Сарматахъ, вопроса, на который я ему уже указывалъ, и отъ котораго онъ упорно отмалчивается; хотя они играли видную роль въ борьбѣ Римлянъ съ варварами на Дунаѣ и хотя о нихъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писателей со II вѣка до VI включительно; назову только важнѣйшихъ: Птоломей, Діонъ Кассій, Евсевій, Амміанъ Марцеллинъ, Прискъ и Іорданъ. Въ особенности обращу вниманіе на Сарматъ-Языговъ, сосѣдившихъ на западѣ съ Квадами, на востокѣ съ Даками, то-есть, несомнѣнно занимавшихъ часть Паннонiи и западную часть Дакіи уже во II вѣкѣ по Р. Хр. Я не отрицаю, что въ IV и V вв. по Р. Хр. здѣсь могли еще существовать кое-какіе остатки Кельтовъ; но не нахожу никакой возможности разсуждать объ ихъ тамъ господствѣ и преобладаніи. По всѣмъ даннымъ часть восточныхъ Славянъ, именуемая въ источникахъ Сарматами, вторглась около той эпохи въ Среднедунайскую равнину, которою завладѣла, и здѣсь основалась, сохраняя еще нѣкоторое время свое кочевое состояніе при помощи богатыхъ пастбищъ и степной природы. В. Г. Васильевскій можетъ, сколько ему угодно, не соглашаться съ тѣмъ, что подъ большею частію Сарматскихъ народовъ являются въ исторіи именно Славяне; но вѣдь положенія этого онъ пока не опровергъ никакими серьезными доказательствами. Ибо щиты, съ которыми онъ выступилъ въ прошлой своей статьѣ, оказываются совершенно не при чемъ при опредѣленіи народностей. Притомъ и самый фактъ указанъ не совсѣмъ вѣрно: если въ I вѣкѣ, по Тациту, Сарматы не имѣли щитовъ, то въ IV вѣкѣ, по Амміану Марцелину, щиты у нихъ были.

Послѣ Аттилы Дако-Паннонія испытала разные перевороты, будучи поприщемъ борьбы за господство въ ней Гепидовъ, Готовъ, Лангобардовъ и Аваръ. Но никто изъ этихъ народовъ не основался здѣсь окончательно. Надѣюсь, мой противникъ не опро-

вергнетъ того факта, что послѣ уничтоженія аварскаго владычества и въ эпоху вторженія Угровъ, то-етсь, въ IX вѣкѣ, Панноній является вполнѣ славянскою землею. Такъ какъ ни о какомъ завоеваніи ея послѣ Аттилы народомъ, называвшимся Славянами, источники не говорятъ, а ясно говорятъ о занятіи ея Сарматами со II вѣка по Р. Хр. и повѣствуютъ о нихъ до VI вѣка включительно, при чемъ ни о какомъ изгнаніи или удаленіи изъ нея этихъ Сарматовъ до Аттилы и послѣ него тоже не говорятъ, то имѣемъ полное право заключить, что поселеніе Сарматовъ въ Дако-Панноніи и было не что иное, какъ поселеніе Славянъ. Не говорятъ также источники и о борьбѣ Гунновъ съ этими Сарматами; мы можемъ съ полною вѣроятностію предположить, что Гунны потому такъ легко и заняли Среднедунайскую равнину, что нашли тамъ своихъ соплеменниковъ. Какъ во II вѣкѣ по Р. Хр. по Птоломею и Діону Кассію, такъ и въ VI вѣкѣ по Іорнанду на западныхъ, точнѣе сѣверо-западныхъ, предѣлахъ Дакіи жили Сарматы-Языги. Отсюда, то-есть, изъ Дако-Панноніи, разселялась Сербо-Хорватская вѣтвь Славянъ въ сосѣднія Иллирію и Верхнюю Мизію, и не въ какія-либо миѳическія времена, а на глазахъ исторіи. А Нижнюю Мизію и Ѳракію немного позже заняла другая вѣтвь Славянъ, Болгаре, передвинувнувшіеся сюда изъ сосѣдняго Черноморья. Кромѣ того, хотя послѣ Аттилы его Гунны были вытѣснены изъ Дако-Панноніи, но не всѣ; часть ихъ осталась тамъ и усилила туземный славянскій элементъ населенія.

Итакъ, что касается к а м а, то въ результатѣ мой противникъ все-таки не опредѣлилъ, какой это былъ напитокъ, и какому языку принадлежитъ слово, а показалъ только, что въ источникахъ оно встрѣчается съ III вѣка по Р. Хр. и пріурочивается также къ Панноніи. Но въ то время тамъ уже обитали Славяне. Въ виду остающейся филологической неразъясненности слова к а м ъ, я его и не выдвигалъ въ доказательство славянства Гунновъ, а приводилъ м е д ъ, который, какъ и самъ противникъ мой соглашается, есть слово общеславянское. Приплетать же въ данномъ случаѣ Кельтовъ, я не вижу не только никакой надобности, но и ни малѣйшаго повода. Въ этомъ случаѣ сказывается только пристрастное отношеніе къ дѣлу тамъ, гдѣ рѣчь ка-

сается ненавистнаго туранистамъ вопроса о славянствѣ Сарматовъ, Гунновъ, Болгаръ и Руси. Разсужденія о томъ, что у Приска тутъ подъ именемъ варваровъ разумѣется какой-то другой (неизвѣстный) народъ, а не Гунны, совершенно произвольны и безъосновательны. Кто прочтетъ Приска безъ предвзятыхъ мыслей, тотъ ясно увидитъ, что въ разказѣ о путешествіи посольства онъ вмѣсто „Гунны“ иногда говоритъ „варвары“, и начинаетъ такъ ихъ называть еще не выѣзжая изъ предѣловъ Византійской имперіи. Притомъ говоритъ онъ собственно о Гуннахъ, провожавшихъ посольство, съ которыми оно и находилось въ постоянномъ общеніи. И не только вмѣсто Гунновъ, но и для обозначенія самого Аттилы онъ иногда употребляетъ слово „варваръ“. Слѣдовательно, не кого другаго, а именно Гунновъ надобно у него разумѣть подъ варварами по преимуществу; слово камъ произносили не другіе какіе-либо варвары, а тѣ же Гунны. Названіе Гунновъ Прискъ часто разнообразитъ также названіемъ „Скиѳы“. Попытка моего оппонента истолковать неясное мѣсто этого писателя („Скиѳы будучи сборомъ разныхъ народовъ сверхъ собственнаго варварскаго языка охотно употребляютъ языкъ Гунновъ или Готовъ или же Авзоніевъ“) въ томъ смыслѣ, что тутъ „языкъ варварскій противуполагается языку Гунновъ“ (стр. 358)—эта попытка свидѣтельствуетъ только о постоянномъ стараніи норманнистовъ и туранистовъ ловить всякое неточное или сбивчивое выраженіе въ источникахъ для своихъ лжетолкованій. Я представилъ свое объясненіе этого мѣста („Разысканія“ 518), и пока никакого болѣе удовлетворительнаго объясненія не встрѣчаю. Это мѣсто у Приска пополняется указаннымъ мною другимъ, гдѣ онъ сообщаетъ о придворномъ шутѣ, который въ разговорѣ мѣшалъ языки латинскій, готскій и унскій. Если и есть у Приска какое-либо смѣшеніе Скиѳовъ-Гунновъ съ дако-паннонскими Скиѳами-туземцами, то его не возможно иначе и объяснить, какъ ихъ родствомъ по племени и языку. Это относительно темнаго слова камъ и общеславянскаго медъ. А относительно гунской стравы, повторяю, и вопроса быть не можетъ. Она даже не у всѣхъ Славянъ встрѣчается въ такой формѣ и въ такомъ значеніи; напримѣръ, въ западно-русскихъ говорахъ она распространена, а въ сѣверо-во-

сточныхъ мнѣ неизвѣстна; въ польскомъ и чешскомъ языкахъ она есть, а въ сербо-хорватскомъ я ее не знаю. Такимъ образомъ это слово впослѣдствіи, при лучшихъ сравнительно-филологическихъ пріемахъ (чѣмъ пріемы норманнистовъ и туранистовъ), можетъ содѣйствовать болѣе точному опредѣленію той славянской вѣтви, которой принадлежали Гунны Аттилы.

Что касается до гуннскихъ и болгарскихъ собственныхъ именъ, на сколько мой противникъ компетентно рѣшаетъ вопросъ о нихъ, это онъ наглядно показалъ въ своемъ разсужденіи объ имени Кормисошъ, которое взялъ да и раздѣлилъ на К о р м и и С о ш ъ для доказательства ихъ неславянства. Когда же я замѣтилъ, что такъ раздѣлять нельзя, и что я раздѣляю иначе, то онъ въ своемъ Отвѣтѣ прибѣгаетъ къ увертке, несовсѣмъ согласной съ достоинствомъ ученаго. Онъ де полагалъ, что я самъ такъ раздѣляю, потому что въ моихъ „Разысканіяхъ“ говорится объ окончаніяхъ или суффиксахъ г у р ы и р и к ъ. Но когда хотятъ увернуться отъ чего-нибудь слишкомъ очевиднаго, то обыкновенно только запутываются еще болѣе. Такъ произошло и въ этомъ случаѣ. Вопервыхъ, авторъ Отвѣта то, что у меня говорится вообще объ о к о н ч а н і я х ъ, невѣрно отожествилъ съ с у ф ф и к с а м и, о которыхъ я не говорилъ, и съ которыми о к о н ч а н і е не всегда совпадаетъ по точному смыслу. Для примѣра сошлюсь на наши личныя имена по отчеству, оканчивающіяся на в и ч ъ; это есть окончаніе, но полагаю, еще не есть с у ф ф и к с ъ. Можно сказать, что И г о р е в и ч ъ, В с е в о л о д о в и ч ъ и пр. оканчиваются на в и ч ъ, но если потребуется этимологически отдѣлить суффиксъ, то нельзя написать И г о р е в и ч ъ. Вовторыхъ, припомню читавшимъ мои „Разысканія“, что тамъ нѣтъ рѣчи о моемъ собственномъ анализѣ имени Кормисошъ; я только просилъ филологовъ-туранистовъ доказать его неславянство по всѣмъ правиламъ ихъ искусства и доказать, что тутъ, напримѣръ, не можетъ быть того же корня, который заключается въ словахъ к о р м ч і й, к о р м и л е ц ъ и т. п. В. Г. Васильевскій торжественно взялся доказать, при чемъ собственное дѣленіе этого слова произвольно приписалъ мнѣ, и въ концѣ концовъ неславянство его не доказалъ. А втретьихъ, еслибъ его увертку я принялъ въ буквальномъ смыслѣ, то имѣлъ бы

право упрекнуть своего противника въ томъ, что въ данной полемикѣ его не одушевляютъ научныя задачи, и что онъ хлопочетъ не о разъясненіи темныхъ историческихъ вопросовъ, а единственно объ уязвленіи моей личности. (Историкъ, который рѣшеніе подобныхъ вопросовъ ставитъ въ зависимость не отъ сути дѣла, а отъ условной этимологической терминологіи, создаетъ себѣ довольно странное къ нимъ отношеніе).

Кто читалъ мою статью въ Русской Старинѣ (декабрь 1882 г.), тотъ припомнитъ, что я выписалъ цѣлый рядъ неточностей и явныхъ промаховъ моего противника. Въ своемъ послѣднемъ Отвѣтѣ онъ сумѣлъ не опровергнуть ни одного обвиненія и въ то же время ни въ одномъ не сознаться. Вотъ еще примѣръ. Я указалъ, что оппонентъ совершенно невѣрно приписываетъ мнѣ толкованіе изъ славянскаго языка такихъ словъ, какъ тарханъ, кавканъ, аулъ. Вмѣсто поправки онъ отвѣчаетъ, что приписывалъ мнѣ только намѣреніе въ такомъ смыслѣ, и внушеніе съ моей стороны, „что если постараться, то тѣ же слова съ равнымъ успѣхомъ можно будетъ протолковать и по-славянски“ (стр. 364). Что это, какъ не увертка? Опять таки не совсѣмъ согласная съ достоинствомъ ученаго, ибо никакого подобнаго намѣренія и внушенія въ моей книгѣ нѣтъ. Относительно слова аулъ, котораго въ источникѣ тоже нѣтъ, а есть слово авла, я положительно толковалъ и толкую его словомъ греческимъ. При семъ я указалъ, что у Θеофана, можетъ быть, здѣсь вкралась какая-либо неточность или есть какой-нибудь пропускъ. В. Г. Васильевскій не обратилъ вниманія на подтвержденіе этого моего первоначальнаго предположенія: въ одномъ хронографѣ греческій текстъ Θеофана τὴν λεγομένην αὐλὴν по-славянски переданъ такъ: „яко и глаголемаго двора князя ихъ, иже есть кремль“ („Разысканія“, 219). Ясно, кажется, что греческой авлѣ здѣсь соотвѣтствуютъ славянскіе дворъ и кремль, и что у Θеофана пропущено какое-либо изъ этихъ славянскихъ названій. Мой противникъ въ Отвѣтѣ своемъ настаиваетъ, что aula тутъ „не греческое или латинское слово, а рѣченіе, заимствованное изъ какого-то другого языка“. „Передъ греческимъ словомъ, означающимъ дворъ или жилище, Греку не было бы никакой нужды, было бы даже

безсмысленно ставить оговорку т а к ъ н а з ы в а е м ы й" (стр. 364). Тому, кто выказываетъ большія претензіи на этимологическія и текстуальныя свѣдѣнія, въ данномъ случаѣ не мѣшало бы вспомнить пресловутое и аналогичное выраженіе Константина Багрянороднаго: τὰ πολύδια ἃ λεγεταί γύρα. Извѣстно, сколькимъ лжетолкованіямъ подверглось это выраженіе прежде его разъясненія, при чемъ нѣкоторые толкователи слово г и р а также считали не греческимъ (мой противникъ, принимая а в л у за а у л ъ, ссылается на авторитетъ Шафарика, который де хорошо зналъ греческій языкъ; но Шлецеръ, болѣе всѣхъ напутавшій въ объясненіи г и р ы, тоже зналъ погречески). Разница, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что у Константина соотвѣтствующее г и р ѣ славянское п о л ю д ь е сохранилось, а у Θеофана сотвѣтствующее а в л ѣ славянское слово (д в о р ъ или к р е м л ь) пропущено въ его текстѣ случайно или по недоразумѣнію. Кедренъ, какъ позднѣйшій компиляторъ и пользовавшійся тѣмъ же неточнымъ текстомъ Θеофана, не имѣетъ тутъ большаго значенія.

По поводу тархана и кавкана напомню то, что я замѣчалъ вообще о филологическихъ пріемахъ туранизма (и норманизма). Онъ не обращаетъ никакого вниманія на болгарскій языкъ въ полномъ его объемѣ и на то, что исторія не знаетъ у Болгаръ другаго языка, кромѣ славянскаго; а отыскиваетъ въ источникахъ какія-либо два, три названія или титула, заимствованныхъ у другихъ народовъ, или просто неизвѣстнаго происхожденія,— и на такомъ-то основаніи отрицаетъ славянство Болгаръ! Но точно такимъ же способомъ можно отрицать славянство Русскихъ, Поляковъ, Сербовъ и т. д. Не обращая вниманія на довольное количество очевидно—или обще-славянскихъ личныхъ именъ въ древней болгарской исторіи (то-есть, эпохи языческой), онъ останавливается только на тѣхъ именахъ, которыхъ этимологіи никто пока не объяснилъ, и вотъ опять основаніе для ихъ неславянства! Но, чуждый историческихъ аналогій, туранизмъ забываетъ, что это общее явленіе. Я уже указывалъ на примѣры языческихъ именъ готскихъ, западнославянскихъ, русскихъ, литовскихъ, аланскихъ, половецкихъ и т. д., именъ, этимологія которыхъ также недоступна для моихъ противниковъ, не смотря на всѣ ихъ филологическія претензіи. На такомъ же основаніи можно на оборотъ доказывать славянство Готовъ, Аваръ, Мадьяръ и т. д.

Въ отвѣтѣ своемъ В. Г. Васильевскій настаиваетъ на томъ, будто нѣтъ связи между Хуни Птоломея и Гуннами Марцеллина, потому что тамъ II вѣкъ по Р. Хр., а здѣсь IV. Но при этомъ онъ обходитъ молчаніемъ то обстоятельство, что писатели IV—VI вв., каковы Амміанъ Марцеллинъ, Клавдіанъ, Прискъ, Сидоній Аполинарій, Прокопій, Іорданъ, согласно находятъ Гунновъ прежде всего около Танаиса и Меотійскаго озера, и никто не говоритъ объ ихъ пришествіи изъ Азіи во второй половинѣ IV вѣка, что какъ извѣстно, проповѣдывалъ до сихъ поръ туранизмъ, Богъ вѣсть на какомъ основаніи. Относительно Амміанова выраженія leviter nota, которое я перевожу „слегка извѣстный“, онъ предлагаетъ свое „малоизвѣстный“; это пожалуй, мелочь,— но любопытно, что въ подтвержденіе свое онъ приводитъ соотвѣтствующее у Зосимы οὐχ ἐγνωσμένον, у Созомена ἄγνωστον, то-есть, „неизвѣстный“. Такимъ образомъ выходитъ, что малоизвѣстный и неизвѣстный суть понятія тожественныя, подобно тому, какъ выше являлось тожество „полнаго отсутствія бороды“ и „рѣдкой бороды“. Противникъ мой ссылается еще на новое, исправленное изданіе Витерсгеймовой „Исторіи переселенія народовъ“, гдѣ Хуни Птоломея пріурочиваются къ Подоліи и Бессарабіи (стр. 369—370). Вопервыхъ, точность подобныхъ пріурочиваній подлежитъ великому сомнѣнію, а вовторыхъ, все же онъ недалеко ушелъ отъ Танаиса и Меотійскаго озера. При семъ мой оппонентъ указываетъ еще на Гунновъ клинообразной надписи (о которыхъ я самъ упоминалъ въ отвѣтѣ г. Веселовскому), и на Гунновъ Зендавесты, „туранскихъ конниковъ“ (а извѣстно, что древній Туранъ былъ арійскій); все это выходитъ уже за предѣлы нашего спора и ничего не даетъ для туранской, то-есть, монголо-татарской теоріи. Это все равно, что къ вопросу о Руси и Роксоланахъ приплетать Росъ Библіи и Ротену египетско-ассирійской исторіи. Кстати, обращу вниманіе читателей на слѣдующую черту моего противника: если онъ приводитъ изъ источниковъ какое-нибудь извѣстіе, у меня не указанное, то обыкновенно прибавляетъ, что вотъ молъ „пропустилъ“. А между тѣмъ всякому должно быть ясно, что я не бралъ на себя задачи представить сводъ всѣхъ возможныхъ извѣстій о Гуннахъ или Болгарахъ, что я только разобралъ главныя основы, на кото-

рыхъ была построена теорія ихъ угро-финскаго или монголо-татарскаго происхожденія. До сихъ поръ В. Г. Васильевскій не прибавилъ ни одного такого свидѣтельства, которое могло бы играть важную роль въ вопросѣ вообще, и ни одного такого, которое представляло бы какую-либо существенную поддержку для его туранской теоріи. Мало того, нерѣдко его прибавленія приводятъ прямо къ противному результату. Напримѣръ, онъ обращаетъ мое вниманіе на то, что Прискъ иногда Гунновъ Аттилы называетъ „Царскими Скиѳами“, а слѣдовательно, какъ бы выдѣляетъ ихъ изъ всей массы Скиѳовъ (стр. 358). Но если это обстоятельство привести въ связь съ тѣмъ, что Прискъ считаетъ родиною Гунновъ прибрежье Меотиды (по ясному указанію Іордана въ XXIV главѣ), то оно еще болѣе оттѣнитъ указаніе на эту родину. Прискъ, почти современникъ мнимаго пришествія Гунновъ изъ Азіи во второй половинѣ IV вѣка, не только ничего не знаетъ объ этомъ пришествіи, но повидимому, отожествляетъ Гунновъ съ Геродотовыми Царскими Скиѳами (хотя такое тожество для насъ сомнительно).

Мы также видѣли выше, на сколько помогли туранизму Хіониты Амміана или strabas Плацида. Теперь посмотримъ, какую пользу приноситъ „Новый списокъ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому“, по поводу извѣстія о поселеніи Болгаръ за Кавказомъ въ одной армянской области, которая съ того времени стала называться Ванандъ, то-есть, область Вендская (см. статью К. П. Патканова въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1883, мартъ).

Вопервыхъ, по объясненію К. П. Патканова извѣстіе о поселеніи болгарской колоніи въ Арменіи должно относиться къ III в. по Р. Х. Вовторыхъ, эта колонія названа Ванандъ по имени Вгндуръ-Булкара-Вида; „села и до сихъ поръ называются по именамъ братьевъ и дѣтей его“. К. П. Паткановъ заключаетъ отсюда, „что въ извѣстіи Хоренскаго подъ Вундъ или Видъ слѣдуетъ понимать предводителя Болгаръ, а подъ Вгндуръ-Болкаръ названіе Болгарскаго племени или его отдѣла“ (стр. 25 его статьи). Сіе заключеніе приводитъ В. Г. Васильевскаго въ восторгъ: однимъ доказательствомъ тожества Болгаръ съ Вендами теперь менѣе, ибо область, занятая Бол-

гарами, была названа Ванандъ не по имени самого племени, а по имени его предводителя. „При этомъ улетучивается, какъ дымъ, всякое тожество Болгаръ и Вендовъ“, замѣчаетъ онъ (стр. 368). Но вѣрно ли такое замѣчаніе? Мой противникъ любитъ упрекать меня за то, что я пропускаю будто бы важныя свидѣтельства источниковъ, и еще за то, что я будто бы приводимыя мною свидѣтельства беру безъ отношенія къ предыдущему и послѣдующему. Мнѣ же приходится сдѣлать ему весьма серьезный упрекъ въ томъ, что онъ, повидимому, не вѣдаетъ о существованіи историческихъ аналогій. Онъ думаетъ построить рѣшеніе сложныхъ историческихъ вопросовъ главнымъ образомъ на легендахъ, на выжиманіи изъ текстовъ угоднаго ему смысла, на системѣ суффиксовъ, тоже не всегда точной, и т. п. Еслибъ онъ пожелалъ узнать, почему его борьба съ данною постановкою вопросовъ о Руси, Болгарахъ и Гуннахъ до сихъ поръ была безуспѣшна, и почему эта постановка оказывается довольно прочною, то я ему сообщилъ бы очень простой секретъ: въ своихъ изысканіяхъ я ни шагу не дѣлаю безъ историческихъ аналогій; мнѣ прежде всего дайте аналогію; безъ нея нѣтъ исторической науки. То же самое и въ указанномъ случаѣ. А что намъ представляетъ аналогія? Цѣлый рядъ свидѣтельствъ (достовѣрныхъ или легендарныхъ — все равно), гдѣ предводитель называется именемъ его племени, или даетъ сему послѣднему свое имя, гдѣ названіе народа дѣлается названіемъ династіи или на оборотъ,— такъ что отдѣлять ихъ нѣтъ никакой возможности. Приведу только нѣкоторые, пришедшіе на память, примѣры. Прокопій говоритъ, что у Гуннскаго царя было два сына, Утургуръ и Кутургуръ, которые раздѣлили между собою народъ, и по ихъ именамъ назвались двѣ части этого народа. Іорданъ сообщаетъ, что у Остроготовъ былъ царь Острогота; „неизвѣстно“—прибавляетъ онъ добросовѣстно—„названъ ли народъ по его имени, или по своему восточному положенію“ (сар. XIV). На Боспорѣ Киммерійскомъ находимъ цѣлую династію, большинство членовъ которой носило имя Савромата; а извѣстно, что эта династія вышла изъ сарматскаго народа Аспурговъ. Византіецъ Ѳеофанъ называетъ царя Гунновъ Евталитовъ Евталана, „отъ котораго и все племя получило свое имя“. По Константину Багрянород-

ному одинъ изъ пяти братьевъ, княжившихъ надъ Хорватами, назывался Хорватъ. Укажу еще на фактъ, приводимый самимъ В. Г. Васильевскимъ въ томъ же его отвѣтѣ изъ Саксона Грамматика: „царь Гунновъ, по имени Гуннъ", „а братъ Гунна, по имени тоже Гуннъ" (стр. 373). Благодаря своимъ пріемамъ, страдающимъ отсутствіемъ аналогіи, онъ и не замѣчаетъ того, какъ часто впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Ясно кажется, что если источникъ предводителя Болгаръ называетъ извѣстнымъ народнымъ именемъ Вендъ, то стало быть, это и было названіе его племени. Да и названія областей чаще всего происходятъ отъ имени племеннаго, а не личнаго (какъ были названы болгарскія села въ Ванандѣ мы не знаемъ и разсуждать о нихъ, конечно, не можемъ). И такъ тожество Болгаръ и Вендовъ не только не улетучивается какъ дымъ, а получаетъ теперь еще большее подкрѣпленіе, ибо извѣстіе о поселеніи Болгаръ въ Арменіи и названіе ихъ области Вендскою какъ историческій фактъ утверждается еще болѣе.

Этого мало. Къ указаннымъ мною свидѣтельствамъ въ пользу того, что источники иногда отожествляютъ Болгаръ и Вендовъ, прибавляется еще одно, на которое я прежде не обратилъ вниманія и которое мимоходомъ приводитъ мой противникъ. Викторъ Ланглуа въ своихъ комментаріяхъ къ тому же извѣстію Географіи Хоренскаго о болгарской колоніи сближаетъ этихъ Вегентуръ-Булгаръ Вунта съ Унно-Вундо-Болгары византійской хроники Θеофана и объясняетъ среднюю часть этого сложнаго имени, то-есть вунд, тоже Вендами. По его толкованію выходитъ, что это сложное имя означаетъ народъ, смѣшанный изъ Вендовъ и Болгаръ, и что помянутая колонія названа по имени одной части народа, то-есть, не Болгаръ, а Вендовъ. Разумѣется, такое объясненіе придумано въ виду теоріи о неславянскомъ происхожденіи Болгаръ. А между тѣмъ возьмемъ въ самомъ дѣлѣ Θеофановыхъ Унно-Вундо-Болгаръ. Тутъ есть Гунны и Болгары; это понятно; а что такое вунд? Вѣдь, имѣетъ же оно какое-либо значеніе? Да едва ли его можно объяснить помимо Вендовъ. Въ такомъ случаѣ Венды эти являются тожественными съ Болгарами; толковать ихъ особымъ отъ Болгаръ народомъ нельзя: тогда и Гунны являются особымъ отъ

Болгаръ народомъ; а мы знаемъ, что Болгаре были одно изъ племенъ Гуннскихъ. Слѣдовательно, Ѳеофанова хроника прямо называетъ намъ народъ Гунно-вендо-болгарскій.

По поводу того же новаго списка географіи Хоренскаго, мой противникъ указываетъ далѣе на извѣстія о мѣстѣ жительства Аспаруха (Аспаръ-Хрука), его бѣгствѣ изъ горъ Болгарскихъ, утвержденіи на устьяхъ Дуная и еще объ именахъ четырехъ племенъ Болгарскихъ. И этотъ источникъ будто бы опровергаетъ всѣ мои толки „о баснословности византійскихъ извѣстій относительно первоначальнаго раздѣленія Болгаръ на пять племенъ и о выселеніи Аспаруха“ (стр. 369). Не смотря на рѣзко поставленную мною на видъ привычку моего оппонента ко всякаго рода неточностямъ и невѣрностямъ, онъ все-таки продолжаетъ держаться этой привычки, забывая о томъ, что другая сторона имѣетъ полную возможность уличенія. Такъ и здѣсь. Нигдѣ у меня не отвергается ни историческое распаденіе Болгаръ на разныя племена, ни пришествіе Аспаруха на Балканскій полуостровъ. Напротивъ, я указалъ на широкое распространеніе Болгарскаго племени отъ Кавказа и Кубани до средняго Дуная. Я указалъ, что въ IX и X вв. часть Болгаръ еще жила на нижней Кубани и въ восточной Тавридѣ: это Черные Болгаре; другая часть жила на сѣверномъ Черноморьѣ (подъ именемъ Угличей), третья—во Ѳракіи и Мизіи: это собственно Болгаре, четвертая—на Тиссѣ или въ Дако-Панноніи. Но и эти области еще не исчерпываютъ всѣхъ исторически извѣстныхъ частей Болгарскаго народа (напомню еще Камско-Волжскихъ Болгаръ). Именно развѣтвленіемъ Болгаръ и ихъ широкимъ разселеніемъ я объяснялъ легенду Ѳеофана о пяти сыновьяхъ Куврата и раздѣленіи между ними народа, послѣ чего будто бы сей послѣдній и разошелся въ разныя стороны,—тогда какъ это разселеніе и нашествія его на Балканскій полуостровъ начались гораздо ранѣе. Точно также и племенное или родовое подраздѣленіе Болгаръ существовало еще прежде перехода ихъ за Дунай, на что также у меня указывалось. Всѣ мои главныя положенія не только не находятся въ противорѣчіи съ представленными отрывками изъ такъ-называемой географіи Хоренскаго, а напротивъ подтверждаются ими. Между прочимъ, въ своихъ „Разысканіяхъ“ (стр. 210) я говорилъ, что имя Аспа-

рухъ есть въ сущности то же, что и собственное имя Аспаръ встрѣчающееся въ V вѣкѣ у Приска. И дѣйствительно, въ географіи Хоренскаго оно читается Аспаръ-Хрукъ. Напомню, какъ изслѣдованіями о Болгарахъ въ 1874—1875 гг. мною были установлены историческія связи Кубанско-Таврическихъ Гунновъ или Черныхъ Болгаръ съ Дунайскими Болгарами и разселеніе Болгаръ ранѣе VII вѣка, что теперь уже признается за несомнѣнный фактъ, въ томъ числѣ и моимъ противникомъ (см. 182 стр. его іюльской статьи, хотя при семъ онъ меня не называетъ). Поэтому проническое замѣчаніе В. Г. Васильевскаго „относительно будущаго торжества (моихъ) „теорій“ въ особенности не вяжется съ помянутыми отрывками изъ географіи Хоренскаго. Мало того; еслибъ у какого-либо армянскаго писателя повторилась помянутая легенда Ѳеофана о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ, то это указывало бы только на его знакомство съ византійскою литературой: а что армянскіе писатели могли быть знакомы и дѣйствительно были знакомы съ этою литературой, надѣюсь, мой противникъ отрицать не будетъ. Не можетъ онъ также отвергнуть свидѣтельство Землеписца Баварскаго (IX вѣка) объ огромности страны и многочисленности Болгаръ (Vulgarii, regio est immensa et populus multus, habens civitates v, eo quod multitudo magna ex eis sit et non sit eis opus civitates habere). Свидѣтельство это относится, конечно, къ Болгарамъ Дунайскимъ по преимуществу, и находится въ полномъ противорѣчіи съ усиліями туранистовъ: всѣми мѣрами умалить число этихъ Болгаръ, чтобы облегчить превращеніе ихъ мнимой татарской или финской народности въ славянскую.

Старые представители теоріи туранскаго происхожденія Гунновъ и Болгаръ были добросовѣстнѣе настоящихъ. Они не отвергали историческихъ свидѣтельствъ и фактовъ, а видя противорѣчія послѣднихъ съ теоріей, подыскивали имъ разныя, иногда впрочемъ довольно наивныя, объясненія. Такъ Шафарикъ, приведя означенное мѣсто Землеписца Баварскаго, замѣчаетъ: „Очевидно, что это писано со словъ хитраго Булгара“ (Слав. Др. Приложенія, 73). Тотъ же Шафарикъ, конечно знакомый съ источниками никакъ не хуже новыхъ туранистовъ, подмѣтилъ черты тяготѣнія Славянъ и Антовъ къ Гуннамъ, въ противополож-

ность ихъ антипатіи къ Нѣмцамъ. „Прочитавъ внимательно разсказъ Іордана о походѣ готскаго короля Винитара противъ Антовъ и мести гуннскаго вождя Баламира за такую дерзость, можно навѣрное сказать, что эти Славяне-Анты вовсе не были такъ чужды и равнодушны къ Гуннамъ, какъ обыкновенно представляютъ ихъ себѣ. Безъ сомнѣнія, Анты и прочіе Славяне, волею, неволею, но все же охотнѣе льнули къ осторожнымъ Гуннамъ, нежели къ безчеловѣчнымъ Готамъ, безжалостно повѣсившимъ плѣненнаго ими царя Антовъ, Божа, вмѣстѣ съ его невинными сыновьями и семидесятью вельможами; такой звѣрской, но совершенно не нужной жестокости, мы, сколько извѣстно, нигдѣ не встрѣчаемъ у Гунновъ“ (I. 2, 94). Напомню при семъ случаѣ, что свирѣпость Гунновъ и доселѣ считается нѣкоторыми за явный признакъ ихъ туранства, въ томъ числѣ и моимъ противникомъ (стр. 157 его статьи въ іюльск. кн. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1882 г.). Далѣе по поводу гунской стравы у Іордана и указаній Прокопія на грубыя явства Славянъ, подобныя массагетскимъ (то-есть, гунскимъ) и на ихъ гунскіе нравы, Шафарикъ говоритъ „Разсмотрѣвъ надлежащимъ образомъ оба свидѣтельства, нельзя не замѣтить какихъ-то дружескихъ отношеній между Гуннами и Славянами“. Но такъ какъ господство туранской теоріи мѣшало тогда объяснять эти дружескія отношенія племеннымъ родствомъ, то Шафарикъ толкуетъ ихъ „слѣдствіемъ стариннаго товарищества и продолжительныхъ взаимныхъ связей“, и затѣмъ дѣлаетъ невозможное предположеніе, будто Гунны заимствовали у Славянъ, „языкъ, нравы и обычаи“. Тѣми же обстоятельствами онъ объясняетъ, почему въ нѣкоторыхъ источникахъ Славяне иногда называются Гуннами, напримѣръ, у Беды Достопочтеннаго, Гельмольда, въ Эддѣ и пр. Въ числѣ своихъ второстепенныхъ доказательствъ славянства Гунновъ я сослался и на эти случаи, указанные Шафарикомъ. В. Г. Васильевскій на сей разъ, очевидно, считаетъ неудобнымъ для туранизма признать авторитетъ Шафарика и несогласенъ ни съ однимъ его указаніемъ. По его мнѣнію, Гунны Беды Достопочтеннаго скорѣе означаютъ Аваръ а не Славянъ (Тунманъ тоже признавалъ здѣсь Славянъ), Гунны Саксона Грамматика неизвѣстно кто такое, гунскіе богатыри Эдды скорѣе Лангобарды чѣмъ Славяне; „собаки“ Гель-

мольда не имѣютъ никакого отношенія къ созвучію нѣмецкаго Хундъ съ названіемъ народа Хунъ и пр. (стр. 371 — 377). Такъ какъ помянутыя указанія сдѣланы не мною, а Шафарикомъ, и такъ какъ не на нихъ собственно построена моя постановка вопроса, то я въ настоящей статьѣ не буду останавливаться надъ системой аргументаціи моего противника по даннымъ случаямъ. Замѣчу только, что два указанія все-таки остались безъ опроверженія: вопервыхъ, приведенное Шафарикомъ свидѣтельство о томъ, что въ швейцарскомъ кантонѣ Валлисѣ еще въ нашемъ столѣтіи потомковъ Славянъ Нѣмцы называли Гуннами; во-вторыхъ, собственная моя ссылка на диссертацію В. И. Ламанскаго, по поводу Гунновъ одной анонимной средневѣковой хроники. Противникъ мой по всякому удобному и неудобному поводу старается намекнуть, что я, такъ-сказать, пользуюсь только готовыми трудами или цитатами, а самъ молъ ничего новаго не открылъ. Предоставляю послѣдующей безпристрастной критикѣ опредѣлить то, что̀ принадлежитъ лично мнѣ въ данной постановкѣ вопросовъ, въ разъясненіи ихъ связи, въ освѣщеніи фактовъ и въ системѣ доказательствъ, и что было сдѣлано для нихъ прежде. Во всякомъ случаѣ, скорѣе заслуживалъ бы упрека тотъ, кто въ вопросахъ о Скиѳо-Сарматахъ, Гуннахъ, Славянахъ и Варяго-Руссахъ игнорировалъ бы матеріалъ, накопленный такими трудами, каковы Стриттера, Шафарика, Цейса, Уккерта и т. п., тѣ доводы, которые были приводимы еще Венелинымъ, Эверсомъ, Гедеоновымъ и другими выдающимися антитуранистами и антинорманнистами.

Не признавая авторитетъ Шафарика тамъ, гдѣ онъ подмѣчаетъ взаимное влеченіе и отсутствіе борьбы между Гуннами и Славянами, и гдѣ онъ не знаетъ, что̀ дѣлать со свидѣтельствами, противорѣчащими искусственной теоріи, новѣйшій туранизмъ, напротивъ, съ увѣренностію повторяетъ тѣ именно его аргументы, которые не выдерживаютъ теперь никакой критики. Я говорю о разныхъ чертахъ древне-болгарскаго быта, каковы: принесеніе звѣрей и людей въ жертву, судебная пытка воровъ и разбойниковъ батогами и желѣзными крючьями, многоженство, покровеніе головы турбаномъ въ храмѣ и т. п. О несостоятельности подобныхъ аргументовъ я достаточно говорилъ въ своихъ „Разы-

сканіяхъ". Нѣкоторые изъ нихъ даже не вѣрно приведены. Напримѣръ, источникъ говоритъ собственно не о турбанѣ или чалмѣ, а о какой-то полотняной повязкѣ или колпакѣ, и мы едва ли ошибемся, если сблизимъ его съ головнымъ уборомъ Даковъ на рельефахъ Траяновой колонны. Современный туранизмъ не только повторяетъ эти, можно сказать, наивные аргументы, но еще присоединяетъ и новые, имъ подобные; примѣромъ тому могутъ служить приведенные В. Г. Васильевскимъ въ предыдущей его статьѣ вендская пѣхота и сарматская конница, вендскіе щиты, вино, которое Аттила пьетъ не сходя съ лошади, и т. п. (стр. 159).

Такимъ образомъ мы снова пришли къ пресловутой теоріи А. А. Куника о народахъ конныхъ и пѣшихъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ.

Напомню читателямъ, что В. Г. Васильевскій въ предыдущемъ своемъ возраженіи рѣзко выступилъ съ „картиной общеарійскаго періода", по его мнѣнію, уже осѣдлаго и земледѣльческаго въ ту эпоху, когда Славяне еще не выдѣлились изъ индо-европейской семьи. Когда же я указалъ, что и послѣ распаденія этой семьи на особыя, далеко разселившіяся племена, все-таки исторія знаетъ арійскіе народы, долго потомъ сохранявшіе кочевой бытъ, и что Славяне первыхъ вѣковъ по Р. Х., оставаясь арійцами, могли также если не всѣ, то отчасти находиться въ кочевомъ состояніи,—мой противникъ теперь нѣсколько умѣрилъ краски своей картины. Онъ уже согласенъ, что періодъ распаденія общей арійской семьи наступилъ ранѣе, чѣмъ эта семья сдѣлалась осѣдлою и земледѣльческою; онъ полагаетъ только что Скиѳы и Сарматы „отдѣлились отъ общей массы индо-европейскаго пранарода гораздо ранѣе, чѣмъ Индусы, Греко-Латины, Германо-Славяне и т. д." „За отдѣленіемъ ихъ остался болѣе тѣсный кругъ, изъ котораго потомъ выдѣлились вышеозначенные индоевропейскіе народы" (стр. 383). Тутъ получается явная несообразность: Германо-Славяне позднѣе отдѣлились отъ арійской семьи, Скиѳы и Сарматы гораздо ранѣе; однако первые географически оказались гораздо далѣе отъ общей родины, чѣмъ послѣдніе. Выходитъ, что первые прошли черезъ обширныя степи средней Азіи и восточной Европы до самой Адріатики, занимаясь земледѣліемъ, строя себѣ дома и ведя осѣдлую жизнь! (Журн.

Мин. Нар. Пр. 1882, іюль, стр. 149; 1883, апрѣль, стр. 385).

Мой противникъ, какъ видите, волею-неволею все-таки затрогиваетъ вопросъ о Скиѳахъ и Сарматахъ, хотя старается тщательно отдѣлить отъ нихъ славянство; считаетъ ихъ почему-то народами исчезнувшими, и въ виду ихъ неудобства для туранской теоріи начинаетъ уже сомнѣваться въ ихъ арійствѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ уже принужденъ признать разные періоды выдѣленія названныхъ народовъ изъ общей арійской семьи. Но что же въ такомъ случаѣ станется съ его картиной „общеарійскаго періода?“ Слѣдовательно, претензія на научность теоріи конныхъ и пѣшихъ народовъ начинаетъ путаться при первой же провѣркѣ по историческимъ фактамъ. При семъ указанные мною Персы и Парѳяне проходятся молчаніемъ: а по поводу Аланъ замѣчено, что, если ихъ языкъ сохранился у Осетинъ, то онъ „только теперь дѣлается предметомъ изслѣдованія“. „Когда арійство Скиѳовъ и Сарматъ будетъ доведено до полной очевидности и несомнѣнности, тогда, можетъ быть, понадобится какое-нибудь новое выраженіе для обозначенія болѣе широкой общности теперешнихъ индо-европейскихъ народовъ еще съ присоединеніемъ многихъ безъ вѣсти пропавшихъ“. Но далѣе говорится, что „съ точки зрѣнія культуры не представляется къ тому никакой надобности“, „потому что тотъ періодъ, когда всѣ индо-европейскіе народы, или другими словами, ихъ прародители, составлявшіе одинъ пранародъ, стояли на той же степени, какъ арійскіе кочевники Турана, навсегда останется для насъ неосязаемымъ и неуловимымъ, почти совсѣмъ несуществующимъ для науки“ (стр. 384). Полагаю, даже и некомпетентный читатель пойметъ, что тутъ въ этихъ размышленіяхъ что-то не ладно, что имъ еще далеко до научной простоты и ясности, что предлагаемыя теоріи не провѣрены строго по фактамъ и представляютъ еще много гаданій. Да и чѣмъ же Славяне виноваты, если арійскій пранародъ навсегда останется для насъ неосязаемымъ? Можно ли подъ такимъ предлогомъ умалять или отрицать Славянство? Какъ бы то ни было, повторяю, противникъ, послѣ моего отвѣта на первое его возраженіе, во второй своей статьѣ очевидно отказывается (хотя и не сознается въ томъ) отъ рѣзко

высказаннаго имъ положенія, будто общеарійское племя уже до его развѣтвленія было осѣдлое и земледѣльческое; при чемъ не совсѣмъ кстати сослался на Момзена).*

Но оставимъ пока въ сторонѣ гаданія объ арійскомъ пранародѣ. На первый разъ достаточно было довести туранизмъ до того, что онъ не можетъ болѣе отрицать арійство Гунновъ на основаніи ихъ кочеваго быта. Въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ В. Г. Васильевскій на этомъ основаніи продолжаетъ отрицать только ихъ славянство. Обратимся теперь къ сему послѣднему.

На какихъ данныхъ построено увѣреніе моего противника, что въ IV и V вв. по Р. Х. никакая часть Славянъ не могла сохранять кочевой бытъ? На этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ въ своей предыдущей статьѣ. „Несомнѣнно, что Славяне до своего раздѣленія на разныя вѣтви въ періодъ времени отъ I вѣка до VI по Р. Х. были земледѣльческимъ народомъ. Они знали давно рожь, коноплю, овесъ (слова до-славянскія); они воздѣлывали просо, пшеницу ячмень; они знали рало, плугъ и мотыку, а также ниву и лѣху. Иначе по какой же причинѣ названія этихъ предметовъ оказываются тожественными во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ?“ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1882 г. іюль). Читаешь и недоумѣваешь: что это такое? Неужели это говоритъ профессоръ исторіи, и притомъ не со вчерашняго дня извѣстный въ ученой литературѣ? Если на такихъ ничтожныхъ основаніяхъ строить такіе важные выводы, то куда же мы придемъ? Подобные пріемы и гаданія, выдаваемые за послѣднее слово науки, собственно и опроверженія не заслуживаютъ. Ихъ только слѣдуетъ предоставить самимъ себѣ, и они скоро придутъ къ абсурдамъ для всѣхъ очевиднымъ. Но если мой противникъ выступилъ въ данной полемикѣ съ такими претензіями на научность, то нечего дѣлать, скажемъ нѣсколько словъ относительно цитованныхъ выше фразъ.

Начать съ того, что Славяне до VI вѣка составляли одинъ земледѣльческій народъ, еще не раздѣлявшійся на вѣтви; такое

---

* Отсылаю своего противника къ недавно вышедшему въ свѣтъ V тому *Римской Исторіи* того же Момзена. Здѣсь онъ, напримѣръ, Сарматъ Языговъ, конниковъ и кочевниковъ, считаетъ народомъ мидо-персидскимъ, слѣдовательно *арійскимъ* (см. главу VI).

положеніе могъ бы сказать развѣ человѣкъ, совершенно незнакомый съ исторіей той эпохи. Достаточно напомнить V и XXIII главы Іордана, въ которыхъ онъ говоритъ о многочисленности Венетовъ, о ихъ раздѣленіи на разныя племена, главнымъ образомъ (principaliter, а не исключительно) на Антовъ и Склавиновъ, съ прибавленіемъ еще собственно Венетовъ, о ихъ разселеніи въ обширной странѣ между среднимъ Дунаемъ, Вислою и Днѣпромъ. А между тѣмъ Іорданъ не зналъ всѣхъ славянскихъ вѣтвей и не имѣлъ яснаго географическаго представленія объ ихъ предѣлахъ на востокѣ. Современникъ его Прокопій, лучше знакомый съ Антами, указываетъ „безчисленныя племена Антовъ“ къ сѣверу отъ Понта и Меотиды, слѣдовательно, между Днѣстромъ и Дономъ. А если Венды жили на сѣверной сторонѣ Кавказа и даже проникали въ Закавказье, о чемъ говоритъ писатель III вѣка, судя по приведеннымъ выше отрывкамъ Хоренскаго, то можно себѣ представить, каково было распространеніе и развѣтвленіе Славянскаго семейства уже въ ту эпоху. Если даже оставить въ сторонѣ Хоренскаго, вышеприведенное мнѣніе нашего противника не выдерживаетъ никакой критики при одномъ только сопоставленіи его съ Іорданомъ и Прокопіемъ. Но, вѣдь, мы ведемъ споръ именно о томъ объемѣ, который имѣло славянство въ данную эпоху, и я доказываю, что славянство тогда не ограничивалось именами Антовъ и Склавинъ, что славянскіе народы являются въ источникахъ и подъ другими именами. Открываетъ же наука кельтскіе народы тамъ, гдѣ источники совсѣмъ не называютъ ихъ Кельтами. Такая аналогія повторяется и въ другихъ случаяхъ (напримѣръ, относительно Готовъ и Мадьяръ).

Затѣмъ В. Г. Васильевскій говоритъ, что „Славяне знали р о ж ь, к о н о п л ю, о в е с ъ“. Онъ ссылается на книгу А. С. Будиловича „Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ“ (Кіевъ, 1879). Эта книга представляетъ много любопытнаго матеріала, который, конечно, приметъ къ свѣдѣнію будущими изслѣдователями славянства; но отъ собранія матеріала до окончательныхъ научныхъ выводовъ еще очень далеко. Только туранизмъ способенъ дѣлать выводы такимъ скороспѣлымъ способомъ. А. С. Будиловичъ относитъ приведенныя названія къ словамъ „дославянскимъ“; если они принадлежатъ,

такъ-сказать, къ словамъ общеарійскимъ, то выше мы видѣли, что туранизмъ теперь не утверждаетъ, чтобы до своего раздѣленія все арійство было уже осѣдлое и земледѣльческое. Это съ одной стороны; а съ другой—и самыя мнѣнія филологовъ объ этихъ словахъ различны; такъ, по мнѣнію Миклошича названіе рожь заимствовано изъ нѣмецкаго языка, а конопля изъ латинскаго (см. соч. Будиловича, 94—95). И дѣйствительно, вопросъ о заимствованіяхъ тутъ сильно затрудняетъ возможность точныхъ выводовъ. Напримѣръ, кукуруза—слово ужь вовсе не славянское и даже не особенно давно заимствованное, а между тѣмъ его можно теперь встрѣтить почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ (Будиловичъ, 98).

Славяне „знали рало, плугъ и мотыку, а также ниву и лѣху". Но когда и въ какомъ видѣ знали? Употребляли ли всѣ Славяне эти слова въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, и притомъ буквально въ одномъ и томъ же значеніи? На такіе вопросы нѣтъ отвѣта. Еслибы мой оппонентъ слѣдовалъ хотя сколько-нибудь научному и сравнительному методу, то ему надо бы было прежде, нежели сдѣлать свой главный выводъ, показать на примѣрѣ современныхъ намъ кочевниковъ, что у нихъ нѣтъ словъ для обозначенія орудія, которымъ дерутъ землю (рало и плугъ), для обозначенія кирки или лопаты (мотыка), хлѣбнаго поля (нива) и полосы, борозды или гряды (лѣха). Но система научныхъ аналогій, какъ извѣстно, не въ характерѣ норманистовъ и туранистовъ.

Славяне „воздѣлывали просо, пшеницу и ячмень" (мимоходомъ замѣчу, что пшено и пшеница по корню, то-есть, этимологически, конечно одно и то же. А пшено, какъ извѣстно, въ сущности есть то же, что просо). Когда, какъ и гдѣ Славяне начали воздѣлывать просо, пшеницу и ячмень, въ точности мы не знаемъ, хотя это, конечно, не мѣшаетъ намъ дѣлать разныя предположенія, соображенія и сближенія. Между прочимъ въ книгѣ г. Будиловича (стр. 318 — 319) указано на глубокую древность культуры ячменя и проса и ихъ великое распространеніе. Эти растенія были извѣстны не только въ древнемъ Египтѣ, Греціи, Иберіи, Ѳракіи, Галліи и пр. (просо еще въ Индіи и Китаѣ), но также у Скиѳовъ, по извѣстію Геродота (а просо

и у Сарматъ). Напитокъ вываривался изъ ячменя тоже въ глубокой древности. Это относительно чрезвычайной древности и распространенности названныхъ двухъ растеній. Если они были извѣстны уже древнимъ Скиѳамъ и Сарматамъ, то какъ же оставались бы неизвѣстны Славянамъ? А Скиѳы и Сарматы были пстые кочевники (однако, часть Скиѳовъ уже по извѣстію Геродота занималась хлѣбопашествомъ). Затѣмъ обратимся къ исторической аналогіи, то-есть, къ народамъ кочевымъ и совершенно особымъ отъ Славянъ. Венеціанскій путешественникъ XV вѣка Барбаро въ главѣ III говоритъ о татарскихъ развѣдчикахъ слѣдующее: „Каждый Татаринъ, отдѣляющійся отъ своей орды, имѣетъ при себѣ мѣшокъ изъ козлиной кожи, наполненный пшеничною мукою, замѣшанною на меду, на подобіе тѣста, и деревянную чашку“ (припомнимъ, какъ мой оппонентъ отказываетъ Гуннамъ и въ пшеницѣ и въ медѣ, потому что они были кочевники). А въ VIII главѣ тотъ же Барбаро описываетъ, какъ кочевая Татарская орда занималась хлѣбопашествомъ, и какъ придонская почва была плодородна: пшеница нерѣдко родилась у Татаръ самъ-пятьдесятъ, а просо—самъ-сто. Чтобы противникъ мой не подумалъ, будто Татары только по прибытіи въ восточную Европу познакомились съ земледѣліемъ, то-есть, заимствовали его, напримѣръ, у Русскихъ, я отсылаю его къ другому путешественнику, Нѣмцу Шильтбергеру, въ концѣ XIV вѣка. „Былъ я также въ великой Татаріи, гдѣ жители изъ хлѣбныхъ растеній сѣютъ одно только просо“, говоритъ Шильтбергеръ, а за тѣмъ описываетъ ихъ кочевой образъ жизни (53 стр. въ изданіи профессора Бруна). Ячмень и доселѣ воздѣлывается кочевниками средней Азіи съ Тибетомъ включительно, о чемъ мой противникъ можетъ узнать изъ любопытнаго путешествія Н. М. Пржевальскаго въ сію послѣднюю страну *. Конечно, В. Г. Васильевскому очень непріятны подобныя аналогіи, о чемъ онъ и заявляетъ въ своемъ Отвѣтѣ (стр. 386—388). По поводу этихъ аналогій онъ могъ только указать на реторическую фразу Клавдіана о Гуннахъ, что они народъ „убѣгающій отъ

* Гречиха появилась въ Европѣ послѣ Монгольскаго ига; слѣдовательно принесена татарскими кочевниками. (См. Протоколы Московск. Археол. Общ. Приложеніе В къ засѣданію 17 марта 1883 г.).

Цереры" (то-есть, земледѣлія). Но вѣдь я не доказываю, что Гунны были земледѣльческимъ народомъ, когда жили въ Волжско-Кубанскихъ степяхъ, а только доказываю невѣрность положенія туранистовъ, будто кочевой бытъ исключаетъ знакомство народа съ хлѣбными растеніями, слѣдовательно, исключаетъ названія этихъ растеній въ его языкѣ. Я утверждаю, что если другіе народы и при кочевомъ бытѣ способны заниматься земледѣліемъ, то къ тому же были способны и Славяне; слѣдовательно, нѣсколько общихъ названій, относящихся къ земледѣлію или хлѣбнымъ растеніямъ, нисколько не доказываютъ, что они явились на свѣтъ, то-есть, выдѣлились изъ общеарійской семьи, народомъ исключительно осѣдлымъ и земледѣльческимъ. Я говорю, что между совершенно кочевымъ состояніемъ и вполнѣ осѣдлымъ бытомъ есть цѣлый рядъ ступеней и проходитъ иногда много столѣтій, что въ исторически-послѣдовательной жизни какого либо племени трудно найдти рѣзкую границу между этими двумя бытами. Я утверждаю, что въ одно и то же время разныя вѣтви одного племени могли имѣть различное состояніе, то-есть, однѣ еще кочевать, а другія жить осѣдло. Повторяю, что въ то время, какъ часть Славянъ, особенно западная, была уже осѣдлымъ или почти осѣдлымъ народомъ, другая часть особенно восточная, сохраняла кочевое или полукочевое состояніе.

Надобно прибавить еще, что В. Г. Васильевскій, съ одной стороны, слишкомъ тенденціозно напираетъ на нѣкоторыя фразы источниковъ, о кочевомъ, вообще дикомъ, первобытномъ состояніи Гунновъ, а съ другой—пытается совершенно отрицать полукочевой бытъ Готовъ, которому отнюдь не противорѣчатъ нѣсколько словъ Вульфилова перевода Св. Писанія, относящихся къ земледѣлію (стр. 387). И что ни говорп туранская теорія, а вполнѣ осѣдлый и земледѣльческій народъ не могъ въ короткое время передвинуться съ своими семействами изъ Черноморья въ Италію и Испанію, какъ это сдѣлали Готы *.

---

* Мой противникъ, на основаніи предвзятой, искусственной теоріи конныхъ и пѣшихъ народовъ (или скотоводныхъ и земледѣльческихъ), до того увлекся готскимъ земледѣліемъ въ переводѣ Вульфилы, что совсѣмъ не замѣтилъ прямаго свидѣтельства источника о скотоводномъ или пастушескомъ бытѣ тѣхъ самыхъ Готовъ, у которыхъ Вульфила былъ епископомъ. У этихъ Готовъ

Главное несчастіе туранистовъ заключается въ томъ, что они крайне непослѣдовательны и произвольно то отрицаютъ прямыя, ясныя свидѣтельства источниковъ, въ родѣ указанія Прокопія на сходные съ Гуннами образъ жизни и нравы Склавинъ и Антовъ, или въ родѣ гунской стравы Іордана; то вдругъ для поддержанія своей искусственной теоріи, ухватятся за какія-нибудь риторическія фразы, какъ за какія-то математическія данныя. Напримѣръ, противникъ мой съ особымъ усердіемъ упираетъ на слѣдующее мѣсто у Амміана о Гуннахъ: „У нихъ нѣтъ никакихъ зданій, служащихъ кровомъ; они отвращаются ихъ какъ гробницъ, отдѣленныхъ для общаго пользованія. У нихъ нельзя встрѣтить даже шалаша, покрытаго тростникомъ“ (tugurium означаетъ не столько шалашъ, сколько вообще хижину, и тѣмъ болѣе, что здѣсь говорится о тростниковой кровлѣ). Вопервыхъ, Амміанъ не былъ на родинѣ Гунновъ и быта ихъ не видалъ собственными глазами; весьма возможно, что въ его описаніи смѣшаны черты постоянныя съ случайными, являющимися во время походовъ и переселеній. Вовторыхъ, мой оппонентъ, игнорирующій аналогіи, упустилъ изъ виду, что въ той же самой XXXI главѣ Амміанъ почти то же говоритъ объ Аланахъ: „У нихъ нѣтъ ни хижинъ (опять tuguria), ни земледѣлія; они питаются только мясомъ и особенно молокомъ; сидя на телѣгахъ, крытыхъ корою, они постоянно передвигаются въ своихъ безконечныхъ пустыняхъ“. Втретьихъ, онъ упускаетъ изъ виду и еще аналогичное мѣсто у того же Амміана: въ XVI главѣ, говоря о захватѣ германскими варварами нѣкоторыхъ городовъ Галліи, послѣдній замѣчаетъ, что они не поселились внутри ихъ, „ибо избѣгаютъ городовъ, считая ихъ гробницами для живыхъ людей“. Вчетвертыхъ, не принята въ разчетъ аналогія съ тѣмъ, что Іорданъ говоритъ о Склавинахъ: „болота и лѣса служатъ имъ вмѣсто городовъ“ (Hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Cap. V). Впятыхъ, описанная Прискомъ столица Аттилы и все, что онъ говоритъ о Гуннахъ, весьма мало подходятъ къ помянутой выше реторикѣ Амміана; точно также

(обитавшихъ въ Мизіи) „все достояніе состоитъ въ разнаго рода скотѣ, въ пастбищахъ и рощахъ; есть у нихъ немного пшеницы.... а питаются они молокомъ“ (nam lacte alunt. Jornandes, cap. I).

и самое существованіе этой знаменитой гуннской династіи совершенно противорѣчитъ извѣстію того же Амміана, будто царская или княжеская власть неизвѣстна Гуннамъ. Самъ Іорданъ, столь пристрастно и мрачно изображающій Гунновъ вообще, тамъ, гдѣ разсказываетъ о дѣяніяхъ, смерти и погребеніи Аттилы, невольно поддается еще живому обаянію его славы и могущества Гунновъ и говоритъ о нихъ инымъ тономъ *. Мой противникъ, очевидно, подыскиваетъ и собираетъ изъ источниковъ тѣ неточныя, сбивчивыя и риторическія фразы, которыя могутъ оказать какую-нибудь поддержку туранизму; тогда какъ историческое отношеніе къ дѣлу требуетъ возможно ближе ознакомиться съ эпохою, взять въ разчетъ самыя существенныя обстоятельства, сравнить всѣ важнѣйшія извѣстія, провѣрить ихъ по историческимъ аналогіямъ и несомнѣннымъ фактамъ, вдуматься въ вопросъ какъ можно глубже, а затѣмъ уже выступать за или противъ.

Возвращаясь къ просу, пшеницѣ и ячменю, обращу вниманіе на то, что противникъ мой, въ доказательство исключительно осѣдло-земледѣльческаго быта всѣхъ древнѣйшихъ Славянъ и неславянства Гунновъ, какъ нарочно привелъ именно тѣ хлѣбныя растенія, которыя воздѣлываются и кочевниками. Надѣюсь, компетентные читатели поймутъ, до какой степени скороспѣлы были его историческіе выводы изъ этихъ скудныхъ лингвистическихъ данныхъ. Истинно-сравнительный научный методъ требуетъ въ такомъ случаѣ всесторонняго изученія фактовъ и многихъ аналогій, прежде нежели выступать съ какими либо выводами. Нѣсколько представленныхъ намъ названій не только не говорятъ о томъ, что Славяне явились на свѣтъ народомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ; напротивъ: можно удивляться тому, какъ мало нашлось въ ихъ языкахъ общихъ словъ, относящихся къ земледѣлію и хлѣбнымъ растеніямъ. Чтобы дѣлать какіе-либо выводы объ ихъ первобытномъ состояніи, надо было зайдти и съ другой стороны, то-есть, сравнить всѣ слова, относящіяся къ звѣроловству, скотоводству и къ названіямъ животныхъ.

* Наконецъ, въ шестыхъ, есть прямое свидѣтельство источника, что Славяне Дунайскіе (не говоря уже о Восточныхъ), были прежде кочевымъ народомъ. О томъ см. въ слѣдующей статьѣ: „Кирилло-Меѳодьевское тысячелѣтіе“.

Тутъ, напримѣръ, мы находимъ чрезвычайное обиліе общеславянскихъ названій, каковы: скотъ, говядо, быкъ, волъ, корова, яловица, теля, ягня, баранъ, коза, серна, буйволъ, зубръ, олень, лань, конь, кобыла, жеребя, заяцъ, лисица, куна, медвѣдь, щеня, хортъ, выжлецъ, оселъ, верблюдъ, слонъ и пр. (я привожу только такъ-называемыя праславянскія названія по г. Будиловичу). Затѣмъ, выяснивъ названія общеславянскія, надобно было перейдти къ отличіямъ въ названіяхъ, относящихся къ быту, и тутъ выдѣлить данныя, могущія послужить въ дѣлѣ сравненія быта восточныхъ Славянъ съ западными (для примѣра укажу хотя на слово скотъ, которое именно у восточныхъ Славянъ долго сохранялось въ значеніи денегъ, скотница — казна), и тогда только приступать къ какимъ-либо выводамъ, да и то осторожно; для полной научности требуется еще прослѣдить тѣ же отношенія въ другихъ языкахъ, у другихъ племенъ. А помянутые поверхностные пріемы и скороспѣлые выводы ужь, конечно, менѣе всего могутъ быть выдаваемы за послѣднее слово науки. Вѣдь если употреблять такіе простодушные пріемы въ приложеніи къ исторіи, то можно приходить къ какимъ угодно выводамъ. Напримѣръ, почему бы намъ изъ даннаго перечня праславянскихъ названій не вывести заключенія, что въ періодъ отъ I до IV вѣка по Р. Х. Славяне, жившіе гдѣ-нибудь въ Карпатахъ, или на Вислѣ имѣли у себя не толькоословъ и верблюдовъ, но и воспитывали слоновъ? Ибо слово „слонъ“ встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Это продолженіе все тѣхъ же этимологическихъ увлеченій, какъ и пресловутая картина первобытной арійской семьи, основанная на данныхъ языка: отецъ—питатель, дочь—доительница, сестра — утѣшительница и т. д. Картина получилась идиллическая и даже умилительная, но только не историческая. А между тѣмъ еще недавно она выдавалась за вполнѣ научную! Точно также строить картину первоначальнаго славянскаго быта, подбирая немногія названія, относящіяся къ земледѣлію, и пропускать многія, относящіяся къ скотоводству и звѣроловству, да еще увѣрять, что это есть послѣднее слово науки,—пріемъ, пожалуй, очень оригинальный, но отнюдь не серьезный. Читатели Отвѣта, за исключеніемъ немногихъ спеціали-

стовъ, могутъ подумать, что такъ именно рѣшила европейская историческая наука въ лицѣ своихъ корифеевъ. Какъ въ предыдущей статьѣ мой противникъ неосторожно сослался на Момзена относительно общеарійскаго земледѣлія и осѣдлости, такъ и теперь онъ говоритъ отъ лица всей европейской исторической науки, основывая общеславянскій первоначальный бытъ на ржи, коноплѣ и пр. Тогда какъ сей домыселъ принадлежитъ ему лично и еще развѣ нѣкоторымъ домашнимъ туранистамъ. Ни Момзенъ, ни кто-либо другой изъ лучшихъ европейскихъ историковъ, сколько мнѣ извѣстно, еще не сказали о томъ своего слова.

Подобные пріемы, не основанные на аналогіяхъ, постоянно практикуются туранизмомъ по отношенію къ славянству. Онъ вновь и вновь повторяетъ, напримѣръ, что источники прямо не называютъ Гунновъ или Болгаръ Славянами. Я же указывалъ на Готовъ, которыхъ писатели той же эпохи не называютъ Германцами. Укажу еще на Мадьяръ. Кромѣ того, что они появляются на поприщѣ исторіи кочевымъ и коннымъ народомъ, совсѣмъ не похожимъ по своему быту на сѣверныхъ лѣсныхъ Финновъ, спрашиваю: гдѣ и какіе источники называютъ ихъ Финнами въ эпоху ихъ появленія? Эти обстоятельства, однако, не помѣшали намъ признать ихъ финское происхожденіе, и главнымъ образомъ, основаться на языкѣ (только не на собственныхъ именахъ). Но у Болгаръ исторія также не знаетъ другаго языка, кромѣ славянскаго. А имя „Славяне“ или собственно „Склавины“ первоначально встрѣчается въ связи съ одною вѣтвію, то-есть, съ частью Дунайскихъ Славянъ; на другіе же соплеменные народы оно распространилось постепенно и распространилось преимущественно путемъ книжнымъ. Этого моего положенія пока никто не опровергъ.

Противникъ мой, отрицая присутствіе Славянъ на Дунаѣ въ Дако-Паннонiи до VI вѣка, забываетъ не только объ этихъ Склавинахъ-Сарматахъ, но даже и о Тацитовыхъ Венедахъ, которыхъ самъ же пріурочиваетъ къ нижнему Дунаю [1]). Я замѣтилъ, что

[1]) Не надобно имѣть особой исторической проницательности, чтобы понять, что помянутые Тацитовы Венеды означаютъ только незначительную часть Славянства, извѣстнаго тогда преимущественно подъ именемъ Сарматовъ. По всѣмъ даннымъ, въ его время варварскій міръ у греко-латинскихъ писателей глав-

источники въ VI вѣкѣ нерѣдко говорятъ: „Склавины и Анты“, и что изъ этого не слѣдуетъ выводить, будто Анты не были Славяне. Отвѣтъ ссылается на то, что славянство Антовъ намъ извѣстно изъ другихъ указаній. Но гдѣ же тутъ возраженіе? Славянство Болгаръ также извѣстно намъ на основаніи многихъ историческихъ фактовъ и указаній, которые я болѣе или менѣе привожу. Мое замѣчаніе остается не опровергнутымъ въ томъ отношеніи, что тамъ, гдѣ источники упоминаютъ вмѣстѣ Склавинъ и Болгаръ, подъ именемъ первыхъ разумѣются отнюдь не всѣ Славяне, а спеціально одна вѣтвь сербо-хорвато-славонская. И въ этихъ случаяхъ источники непремѣнно должны были различать Болгаръ отъ Склавовъ или Склавинъ. А требовать отъ писателей той эпохи широкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ точныхъ этнографическихъ обобщеній и классификацій, значитъ—совсѣмъ игнорировать кругъ ихъ свѣдѣній и воззрѣній. Вѣдь, еслибъ историческіе источники представляли все ясныя, математическія данныя и даже предвидѣли будущія недоумѣнія, напримѣръ, говорили бы: „смотрите, не подумайте, что Болгары не были по языку родственны Склавинамъ“, тогда не было бы сложныхъ вопросовъ, не существовала бы и наука исторической критики. А разъ этихъ условій нѣтъ, то спрашивается: для чего же существуетъ такая наука и неразрывно связанная съ нею борьба разныхъ мнѣній? Въ данныхъ вопросахъ туранисты могутъ изъявлять голословныя претензіи на научную монополію; но дѣйствительно научнымъ образомъ они пока не отстояли ни одного изъ своихъ сколько-нибудь существенныхъ положеній. Удивителенъ для меня тотъ историкъ, который не изучаетъ историческихъ законовъ, не наблюдаетъ дѣйствительной жизни народовъ и не сравниваетъ историческихъ фактовъ, а пытается рѣшать сложные историческіе вопросы съ помощію: 1) произвольно толкуемыхъ текстовъ, 2) искусственныхъ теорій, въ родѣ конныхъ и пѣшихъ народовъ, и 3) скороспѣлыхъ выводовъ изъ немногихъ лингвистическихъ данныхъ.

Увлеченіе лингвистическими выводами заставляетъ В. Г. Ва-

нымъ образомъ распадается на Германію—въ средней Европѣ и Сарматію—въ восточной, то-есть, на міръ Нѣмецкій и Славянскій. Тацитъ только затрудняется, куда отнести Подкарпатскихъ Венедовъ, ибо онъ, конечно, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о варварскихъ языкахъ.

сильевскаго забывать, что сравнительная лингвистика еще наука очень молодая, и что только тѣ ея выводы о древнихъ вѣкахъ и народахъ могутъ поступить въ научный оборотъ, которые выдержатъ строгую критику по историческимъ фактамъ и аналогіямъ. Увлекаясь борьбою съ мнимыми суффиксами, онъ совершенно упустилъ изъ виду, что исторія народовъ есть наука старая, давно установившаяся и владѣющая огромнымъ, изученнымъ матеріаломъ, а исторія языковъ только нарождается, есть собственно наука будущаго, и онъ часто смѣшиваетъ науку сравнительной лингвистики современныхъ языковъ съ этою будущею наукой или съ лингвистикой сравнительно-историческою. Для наглядности приведу въ примѣръ взаимныя отношенія нарѣчій Малороссійскаго и Великорусскаго. Передъ нами полный современный матеріалъ обоихъ нарѣчій; имѣемъ и многочисленные письменные русскіе памятники, восходящіе къ XI вѣку. Однако, сравнительная лингвистика доселѣ ничего не объяснила намъ о первоначальныхъ взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народностей. Что это такое: двѣ вѣтви одного племени? Въ такомъ случаѣ какая народность болѣе коренная и какая отъ нея отдѣлившаяся? Когда она отдѣлилась, въ историческое или доисторическое время? Или по происхожденію своему это двѣ самостоятельныя славянскія народности? Не смотря на великое самомнѣніе нѣкоторыхъ филологовъ-славистовъ, они пока ничего тутъ не могутъ сдѣлать, хотя вопросы эти уже поставлены на очередь. Но дѣло въ томъ, что разрѣшеніе послѣднихъ невозможно безъ правильной разработки какъ начальной Русской исторіи въ частности, такъ и начальной Славянской исторіи вообще. И я едва ли ошибусь, если скажу что ключъ къ ихъ рѣшенію заключается именно въ правильной постановкѣ вопроса, съ одной стороны, о Роксоланахъ и Руси, съ другой—о Гуннахъ и Болгарахъ. Пока въ начальной русской исторіи господствовалъ норманнизмъ, а въ славянской туранизмъ, обѣ эти исторіи находились въ какомъ-то хаотическомъ состояніи; иначе сказать, онѣ почти не существовали. Норманнизмъ и туранизмъ не объясняли намъ самыхъ крупныхъ, самыхъ очевидныхъ фактовъ, а только путались въ измышленіяхъ и противорѣчіяхъ.

Напомню нѣсколько важнѣйшихъ нелѣпостей, которыя вытекаютъ изъ сихъ двухъ искусственныхъ теорій.

Великое переселеніе народовъ Нѣмцы, а вслѣдъ за ними и другіе писатели, до сихъ поръ объясняютъ столкновеніемъ Готовъ съ какимъ-то неизвѣстнымъ народомъ Гуннами; въ исторіи той эпохи у нихъ только и дѣйствуютъ, что Германскіе народы и эти никому непонятные Гунны. (В. Г. Васильевскій на столько проникся тою же тенденціей, что великое переселеніе у него является спеціально германскимъ переселеніемъ. См. стр. 149 іюльской книжки и стр. 387 апрѣльской). Когда же кончается эпоха великаго переселенія, то-есть, съ VIII вѣка, Гунновъ въ Европѣ болѣе будто бы не оказывается; на мѣстѣ ихъ является сплошной рядъ Славянскихъ народовъ, на пространствѣ отъ моря Балтійскаго до Адріатическаго и Чернаго и отъ Эльбы до Оки и Волги. Откуда взялись эти народы, и какъ они распространились по восточной и средней Европѣ, никто изъ туранистовъ доселѣ не объяснилъ. Ихъ объясненія, въ родѣ того, что Славяне втихомолку, незамѣтно для исторіи пришли въ среднюю Европу, какъ-то замѣшавшись въ составъ гуннскихъ ордъ, по истинѣ жалки и антинаучны. При этомъ они по обыкновенію, не замѣчаютъ, какъ путаются въ собственныхъ противорѣчіяхъ: съ одной стороны, у нихъ Тацитъ уже въ I вѣкѣ опредѣлилъ положеніе Славянъ (Венедовъ) на нижнемъ Дунаѣ (стр. 148 и 154 іюльской статьи) а съ другой—въ V—VII вв. Славяне являются откуда-то съ востока предполагаемыми спутниками Гунновъ и Болгаръ. Выше была указана ссылка на Мюлленгофа. „Очень можетъ быть, что и въ Аспаруховой ордѣ былъ элементъ славянскій“ (ст. 128 іюльской статьи). Эту фразу мой противникъ повторяетъ вслѣдъ за однимъ изъ своихъ учениковъ. А другой его ученикъ рѣзко высказалъ положеніе о „первомъ появленіи“ Славянъ на Дунаѣ въ V вѣкѣ въ составѣ Гуннской орды (см. мои „Разысканія“, стр. 503 и 550). Историческая наука находитъ возможнымъ возстановить не только начальную исторію Германцевъ въ Европѣ, но и начальную исторію Кельтовъ. И вдругъ будто бы она не можетъ дать намъ никакихъ свѣдѣній о начальной исторіи Славянства, которое разселилось по Европѣ послѣ Германцевъ и гораздо послѣ Кельтовъ? Будто бы она должна довольствоваться только нѣкоторыми домыслами,

основанными на можетъ быть? Между тѣмъ источники въ дѣйствительности ни сколько не молчатъ о древнемъ Славянствѣ и повѣствуютъ намъ, что значительная его часть въ періодъ отъ II до VII вѣка по Р. Х. разселялась и занимала свои настоящія земли не въ потьмахъ и втихомолку, а напротивъ, при полномъ дневномъ свѣтѣ, при громкихъ бранныхъ крикахъ, съ оружіемъ въ рукахъ и съ великимъ кровопролитіемъ. Туранисты все отыскиваютъ Славянъ въ исторіи только подъ этимъ ихъ именемъ, въ тѣ времена едва начавшимъ входить въ употребленіе, и конечно, не находятъ поэтому самыхъ крупныхъ славянскихъ народовъ, каковы Роксолане-Русь и Гунны-Болгаре. Тѣ историки, которые, безъ всякихъ историческихъ аналогій, считаютъ возможнымъ, чтобы цѣлая федерація народовъ (славянскихъ и чудскихъ) призвала къ себѣ для господства чуждый народъ, притомъ, вопреки всѣмъ историческимъ даннымъ, только на основаніи явно искаженнаго текста рукописи соединяютъ во едино два совершенно разные народа, одинъ жившій въ Скандинавіи (Варяги) и другой на Днѣпрѣ (Русь); равнымъ образомъ тѣ филологи, которые, опять-таки не представляя никакихъ аналогій, полагаютъ естественнымъ, чтобы многочисленное, энергичное племя завоевателей (Болгаръ) вдругъ отказалось отъ своего языка и безслѣдно утратило бы его, усвоивъ себѣ языкъ слабаго, покореннаго, нисколько не образованнаго и совершенно чуждаго ему племени,—такіе историки и филологи тѣмъ доказываютъ, что они имѣютъ очень смутное понятіе объ основныхъ законахъ, по которымъ организуются государства и націи или совершается взаимодѣйствіе совмѣстныхъ, но разноплеменныхъ языковъ.

Далѣе, ни съ чѣмъ несообразныя и непонятныя явленія выступаютъ на всякомъ шагу. Напримѣръ, на Балканскомъ полуостровѣ до утвержденія Гунно-Болгаръ, исторія знаетъ Славянъ только сербо-хорватской вѣтви, и вдругъ Болгаре, якобы превратившіеся въ Славянъ послѣ своего тамъ поселенія, заговорили не сербо-хорватскимъ нарѣчіемъ, а своимъ, совершенно особымъ. Откуда же оно взялось? На это, конечно, нѣтъ отвѣта. Или: славянскій элементъ на Балканскомъ полуостровѣ очевидно получилъ сильное подкрѣпленіе и обнаружилъ большую энер-

гію послѣ окончательнаго водворенія тамъ Болгаръ въ VII вѣкѣ, такъ что къ VIII вѣку Константинъ Багрянородный относитъ распространеніе славянства до самыхъ южныхъ частей полуострова: „Ославянилась и оварварилась вся страна!“ восклицаетъ онъ объ Элладѣ и Пелопонесѣ. Какъ же это могло случиться, еслибы Болгаре были не Славяне, а Монголо-Татары? И на это никакого сколько-нибудь историческаго отвѣта не даютъ туранисты. Разными измышленіями и вопіющими натяжками нельзя объяснять такихъ крупныхъ историческихъ фактовъ. При настоящемъ движеніи науки Шафариково предположеніе, что Гунны заимствовали у Славянъ языкъ, нравы и обычаи, такое предположеніе уже сдѣлалось невозможнымъ. Одни только туранисты способны его повторять. Надобно быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить такихъ бьющихъ въ глаза фактовъ и спрашивать: гдѣ источники называютъ Гунновъ или Болгаръ Славянами въ ту эпоху, когда это имя еще не было общимъ названіемъ для всѣхъ Славянскихъ народовъ, и когда оно существовало еще въ формѣ Склавины.

Итакъ, въ результатѣ двухъ большихъ полемическихъ статей В. Г. Васильевскаго о Гуннахъ получилась для моихъ „Разысканій“ пока только одна поправка, нисколько не измѣняющая новой постановки вопроса. Надѣюсь, это очень немного, если взять въ разчетъ, что я, при другихъ начатыхъ работахъ, почти одновременно поднялъ на себя тяжесть такихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, какъ Варяго-русскій и Гунно болгарскій. Сосредоточивая свое вниманіе на главныхъ, основныхъ пунктахъ, я предоставилъ времени и другимъ дѣятелямъ науки разработку и отдѣлку подробностей, въ которыхъ могъ кое-что недосмотрѣть или пропустить. Въ концѣ своего послѣдняго отвѣта В. Г. Васильевскій говоритъ, что его „выводы могутъ быть истолкованы въ болѣе благопріятномъ для Славянъ смыслѣ“, чѣмъ мои теоріи, „навязывающія имъ вовсе нелестное родство“ съ Гуннами. На это отвѣчу слѣдующее: исторической наукѣ подайте Славянъ такими, какими они были въ дѣйствительности, и въ томъ объемѣ, въ которомъ они выступили на историческое поприще. Историки должны прежде всего преслѣдовать историческую истину; а какіе практическіе результаты отъ нея получатся, объ этомъ

можно говорить послѣ. (Мимоходомъ замѣчу только: отчего же нѣмецкимъ ученымъ тоже непріятно родство Славянъ съ Гуннами, столь нелестное для первыхъ?). Для нашего національнаго самопознанія необходима правильная постановка данныхъ вопросовъ. Если норманнизмъ и туранизмъ, не смотря на всѣ усилія, пока не опрокинули мою постановку, стало быть, она не такъ плоха, какъ имъ это кажется. Посему постоянныя старанія достоуважаемаго противника обострить полемику разными вводными заключеніями и язвительными на мой счетъ фразами (см. въ особенности стр. 348 и 378), а также его постоянныя увѣренія въ своей научности, получаютъ наконецъ ужъ слишкомъ несерьезный характеръ. Пора бы понять, что личными препирательствами и голословными претензіями на научность тутъ ровно ничего не подѣлаешь. А что касается нѣкоторыхъ нѣмецкихъ сочиненій, на которыя онъ ссылается, то при всемъ моемъ уваженіи къ исторической наукѣ Нѣмцевъ вообще, я именно не могу руководствоваться ихъ сочиненіями объ исторіи Великаго переселенія народовъ, потому что они игнорируютъ огромную роль Славянства въ этой исторіи; тутъ я предпочитаю обращаться прямо къ источникамъ. Я предложилъ бы почтенному русскому профессору всеобщей исторіи заняться серьезно и самостоятельно хотя бы только Дако-Паннонскими Сарматами, вмѣсто того, чтобы съ чужаго голоса повторять разные домыслы, бродить по поверхности гунно-болгарскаго и роксолано-русскаго вопроса, вкривь и вкось разсуждать о собственныхъ именахъ, суффиксахъ и т. п. Я полагаю, что Дако-Паннонскіе Сарматы, упоминаемые со II по VI вѣкъ, суть то же самое, что и Склавины писателей VI вѣка. А названіе Склавины или Славины сохранилось въ названіяхъ Славонцевъ и Словаковъ. Весьма желалъ бы узнать, что серьезнаго могутъ сказать туранисты противъ такого положенія.

Всѣ возраженія В. Г. Васильевскаго, заключающіяся въ двухъ помянутыхъ его отвѣтныхъ статьяхъ по гуннскому вопросу, можно свести къ слѣдующимъ главнымъ его пріемамъ:

1) Голословное отрицаніе прямаго указанія источниковъ на то, что Гунны сами безобразили наружность своихъ дѣтей, и что пресловутое гуннское безобразіе было не природное, а искусственное.

2) Гадательное пріуроченіе приводимыхъ Прискомъ словъ к а м ъ и м е д ъ къ паннонскимъ Кельтамъ, которыхъ не только преобладаніе, но и сколько-нибудь замѣтное, самобытное (по языку) существованіе въ Паннонiи V вѣка по Р. Х. при этомъ ничѣмъ не подтверждено.

3) Голословное отрицаніе яснаго Іорданова свидѣтельства о принадлежности Гуннамъ слова с т р а в а и произвольное отнесеніе этого слова къ языку готскому.

4) Искусственно-построенная теорія конныхъ и пѣшихъ народовъ въ связи съ гадательнымъ опредѣленіемъ народности по кочевому или земледѣльческому состоянію, теорія, не провѣренная по историческимъ фактамъ и не приложимая къ общеарійской семьѣ.

5) Приложеніе этой искусственной теорія къ первобытному Славянскому племени, основанное на скороспѣлыхъ, односторонихъ выводахъ изъ нѣсколькихъ общеславянскихъ названій и не подкрѣпленное никакими историческими или сравнительно-филологическими аналогіями.

6) Отнесеніе къ славянской народности только именуемыхъ Склавинами—въ тѣ времена, когда это имя едва появилось въ исторіи и не было распространено даже на бо́льшую часть Славянъ. Равнымъ образомъ произвольныя толкованія источниковъ относительно названія В е н д ы.

7) Совершенное игнорированіе, какъ восточно-европейскихъ, такъ и Дако-Паннонскихъ Сарматъ и связанное съ нимъ игнорированіе вопроса, откуда взялась огромная масса Славянства, когда и какъ она разселилась по восточной и средней Европѣ, а также голословное мнѣніе о поселеніи Славянъ въ Паннонiи и вообще по Дунаю только въ VI вѣкѣ по Р. Х.,—о поселеніи, будто бы совершившемся неизвѣстно какимъ образомъ, втихомолку, украдкой отъ историковъ того времени.

В. Г. Васильевскій въ данномъ случаѣ является представителемъ извѣстной школы, къ которой принадлежитъ пока большинство нашихъ профессоровъ-историковъ и славистовъ. Отсюда понятно, почему разработка начальной русской и начальной славянской исторій до сихъ поръ совершенно не двигалась впередъ, не

смотря на появленіе въ послѣднее время нѣсколькихъ новыхъ и многообѣщавшихъ ученыхъ силъ на поприщѣ средневѣковой исторіографіи. Эти ученые иногда добросовѣстно роются въ европейскихъ архивахъ и книгохранилищахъ, извлекаютъ изъ нихъ новые матеріалы (для второй половины среднихъ вѣковъ), пишутъ прекрасныя изслѣдованія и даже раскрываютъ передъ вами разные, доселѣ остававшіеся неизвѣстными институты изъ славянской или византійской жизни, въ родѣ проніи, харистикаріи, морта. Но начальную исторію Славянъ и Руси эти ученые вамъ не возстановятъ. Напротивъ, какъ только они коснутся перваго періода славянской исторіи, то-есть, исторіи до IX или X вѣка по Р. Х., а русской—до XI вѣка, такъ и получаются вопіющія гаданія и умствованія, ровно ничего не объясняющія въ данной исторіи. Да при помянутыхъ выше пріемахъ, при ложныхъ исходныхъ пунктахъ и быть иначе не можетъ. Въ своей книгѣ („Разысканія“) пользуюсь случаями указать цѣлый рядъ трудовъ по начальной русской и начальной болгаро-славянской исторіи, которые увеличиваютъ только существовавшую до нихъ путаницу и вмѣсто положительныхъ отвѣтовъ даютъ новые и новые домыслы по вопросамъ, о которыхъ я веду борьбу съ данною школою. Въ предыдущей статьѣ я также привелъ въ примѣръ тому одинъ изъ послѣднихъ трудовъ по древней русской исторіи, въ другихъ отношеніяхъ весьма почтенный. Въ настоящей своей статьѣ укажу на недавнее и также вообще очень хорошее изслѣдованіе въ области древняго византійско-славянскаго быта. Говорю объ изслѣдованіи профессора Успенскаго „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи“ (Ж. М. Нар. Пр. 1883 г. январь и февраль).

Профессоръ Успенскій принадлежитъ къ той недавно образовавшейся у насъ небольшой группѣ византинистовъ, во главѣ которой сталъ мой достоуважаемый противникъ, то-есть, В. Г. Васильевскій. Я всегда считалъ самостоятельное развитіе у насъ византовѣдѣнія необходимымъ элементомъ для процвѣтанія русской и вообще славянской исторической науки и отъ души привѣтствовалъ первыя изслѣдованія профессора Васильевскаго въ этой области. Въ настоящее время, благодаря означенной группѣ и преимущественно ея главѣ, область визан-

тизма значительно расширилась и заняла видное мѣсто въ нашей ученой литературѣ Ѳ.И. Успенскій также представилъ уже цѣлый рядъ прекрасныхъ монографій по византійско-славянской исторіи. Я не буду распространяться о названномъ выше его изслѣдованіи, которое заключаетъ въ себѣ разныя любопытныя подробности. Я только коснусь отношеній автора къ вопросу о Болгарахъ. Между прочимъ, онъ приводитъ „докладную записку“ царю Алексѣю III Комнену Аѳинскаго митрополита Михаила Акомината. Записка относится къ 1198 году и говоритъ о печальномъ состояніи Аѳинскаго округа. Тамъ, по поводу захвата властелями или знатными помѣщиками крестьянскихъ селъ и участковъ, замѣчено: „это ведетъ къ распаденію и погибели общинъ; гибель же общинъ крестьянскихъ равняется пагубѣ всего нашего округа“ (Εἰς συντριβὴν γὰρ τοῦτο τῶν δρούγγων καὶ ὄλεθρον ἀφορᾷ. ἡ δὲ τῶν δρούγγων ἀπώλεια τοῦ καθ' ἡμᾶς ὁρίου Παντὸς ἔστιν ἀπώλεια). Въ данномъ случаѣ терминъ δροῦγγος, понимаемый доселѣ всегда въ смыслѣ извѣстнаго отдѣла войска или дружины и очевидно заимствованный Византійцами у Славянъ, авторъ переводитъ словомъ „община“, то-есть, крестьянская община, и старается подкрѣпить этотъ переводъ рядомъ соображеній и догадокъ. Намъ кажется, что онъ не совсѣмъ правъ; ибо тутъ подъ другомъ можетъ разумѣться все-таки отрядъ войска, только связанный съ его земельнымъ надѣломъ, родъ нашихъ бывшихъ военныхъ поселеній или нѣчто напоминающее бывшіе малороссійскіе полки и сотни, которые означали вмѣстѣ и военную, и территоріальную единицу. А что эти другни или поселенія, обязанныя военною службою, были по своей народности славянскія, въ томъ едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе.

Идя далѣе въ своихъ разсужденіяхъ о другнѣ, авторъ доходитъ до того, что дѣлаетъ его однимъ изъ доказательствъ неславянства Болгаръ. И вотъ какимъ способомъ: У Ѳеофана подъ 6031 годомъ говорится о томъ, что два болгарскіе князя выступили въ походъ „со множествомъ Болгаръ и съ другомъ“ (μετα πλῆθος Βουλγάρων καὶ δρούγγου). Г. Успенскій полагаетъ, что двинуться въ походъ съ войскомъ Болгаръ и съ отрядомъ Болгаръ въ одно и то же время—это была бы безсмыслица, а потому слѣ-

дуетъ понимать это мѣсто такъ: „двинулись Болгаре, взявъ съ собою другги славянскіе“. Свое толкованіе онъ пытается подкрѣпить ссылкою на нѣкоторые обороты въ русской лѣтописи: „поиде Олегъ, поя вои мнози Варяги, Словени, Кривичи“ и пр., или у византійскихъ лѣтописцевъ: „пошли Авары, собравъ множество подвластныхъ имъ Славянъ“. А выводъ получается слѣдующій: „Разбираемое извѣстіе, имѣя рѣшительное значеніе для вопроса о мнимомъ родствѣ Болгаръ и Славянъ, придаетъ особый смыслъ нашей другнѣ“ (январь, стр. 72). Читатель, конечно, видитъ, что авторъ даннаго изслѣдованія пользуется случаемъ выставить лишній аргументъ противъ моего мнѣнія о славянствѣ Болгаръ; но въ сущности онъ даетъ мнѣ лишній поводъ указать на вопіющіе домыслы туранистовъ, какъ только рѣчь коснется извѣстныхъ вопросовъ. Здѣсь аналогія съ русскими и византійскими лѣтописями совершенно невѣрная: Византійцы прямо указываютъ на разнообразный составъ войска, а въ русской лѣтописи взято мѣсто, такъ сказать, легендарное. Въ своихъ „Разысканіяхъ“ я указалъ эти легендарныя мѣста, не имѣющія историческаго значенія, и сравнилъ ихъ съ другими, заимствованными изъ хроники Георгія Амартола и его продолжателей, гдѣ говорится о походѣ только Руси или Руси и наемныхъ Варяговъ (см. „Разысканій“, стр. 372—374). Авторъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, еслибы привелъ для сравненія тѣ мѣста русской лѣтописи, гдѣ говорится о совмѣстномъ походѣ княжеской дружины и земской рати. Напримѣръ, возьмемъ извѣстный походъ Святополка II и Владиміра Мономаха на Половцевъ; въ предварительномъ совѣщаніи князей и ихъ дружинниковъ прямо указывается на сборъ земской рати. Слѣдовательно, буквальный переводъ помянутой фразы Ѳеофана не только не представляетъ никакой безсмыслицы, а есть единственный вѣрный переводъ. Тутъ просто говорится о томъ, что два болгарскіе князя выступили въ походъ съ своею дружиною и со множествомъ Болгаръ, то есть, съ земскимъ ополченіемъ [1]).

*) Кромѣ русской исторіи, авторъ изслѣдованія, если бы поискалъ, то могъ бы найдти аналогичныя свидѣтельства и въ исторіи другихъ народовъ. Укажу примѣръ приблизительно изъ той же эпохи. Когда Теодорику Остготскому было около 18 лѣтъ отъ рода, онъ набралъ почти шеститысячное войско

Такимъ образомъ данный текстъ не только не противорѣчитъ славянству Болгаръ, но рѣшительно его подтверждаетъ и въ историческомъ, и въ лингвистическомъ отношеніи. Оказывается, что у болгарскихъ князей были такія же дружины, какъ у русскихъ (и прочихъ Славянъ), и что онѣ также назывались дружинами. Только болгарское названіе тутъ является въ болѣе древней формѣ и съ сохраненіемъ носоваго или юсоваго церковно-славянскаго произношенія. Надѣюсь, безпристрастный читатель согласится, что въ этомъ случаѣ повторилось то же, что выше произошло съ извѣстіемъ географіи Хоренскаго объ области Ванандъ: поборники туранской теоріи, вмѣсто опроверженія, сами даютъ подкрѣпленіе для моихъ положеній. На дальнѣйшихъ страницахъ Θ. И. Успенскій, по поводу слова δρουγγος, предается еще большимъ гаданіямъ въ своихъ толкованіяхъ извѣстнаго выраженія Византійцевъ Русь-дромиты (которое онъ пытается перемѣнить въ Русь дронгиты, то-есть, Русь-дружинники), а также слѣдующаго мѣста изъ Θеофилакта Болгарскаго: „когда упомянутый дивный Борисъ принялъ власть, туча Франковъ (Φράγγων νέφος) покрыла всю Болгарію". „Борисъ позналъ божій бичь, и что насылаетъ его учитель Отецъ и Господь, желая обратить сыновъ и рабовъ къ истинѣ, сейчасъ же" и пр. Здѣсь „туча Франковъ" представляетъ какое-то недоразумѣніе, такъ какъ, по словамъ автора, нельзя ее толковать Франками. Но относительно „сыновъ и рабовъ" едва ли можетъ быть какое сомнѣніе, что это сыны и рабы Божіи, то-есть, князья и народъ Болгарскій, тѣмъ болѣе, что тутъ Господь въ то же время называется и Отецъ Бориса. Но авторъ, съ помощію разныхъ догадокъ и ничего не доказывающихъ сопоставленій, приходитъ къ заключенію, что здѣсь разумѣются дѣти и рабы Борисовы, и что подъ первыми надо понимать „вѣрныхъ Борису Болгаръ", подъ вторыми же невѣрныхъ Славянъ". Выраженіе Φράγγων νέφος онъ предлагаетъ замѣнить

изъ *дружины* своего отца и изъ *народа* и пошелъ противъ Сарматовъ (adscitis satellitibus patris, ex populo amatores sibi clientesque consociavit, pene six millia viros. Jornand. Cap. LV.). По системѣ туранизма выходило бы, что здѣсь и „отцовскіе сателлиты" и „охотники изъ народа" принадлежали къ двумъ разнымъ народностямъ.

чтеніемъ Δρουγγων νέφος. А такъ какъ подъ именемъ друнговъ тутъ разумѣются славянскія дружины или задруги, то и получится такой смыслъ: „туча Славянъ покрыла всю Болгарію“. Но далѣе выходитъ, что покрыла собственно не всю Болгарію, а что это туча языческо-славянскаго крестьянства возмутилась и окружила дворецъ княжескій (стр. 74—76). Однимъ словомъ, получается толкованіе чрезвычайно мудреное и хитро сплетенное, или точнѣе, просто невозможное. И это все придумывается для того, чтобы доказывать неславянство Болгаръ! Что же касается до „тучи Франковъ, покрывшей всю Болгарію“, если нельзя понимать эту фразу буквально и необходимо сдѣлать поправку въ текстѣ, то вмѣсто невѣроятнаго δρουγγων ужь не лучше ли было предположить что-либо другое, напримѣръ, βρουχων, родъ саранчи, прузи нашихъ лѣтописей? По смыслу разсказа скорѣе можно заключить, что рѣчь идетъ о какомъ-то физическомъ, а не политическомъ бѣдствіи, которое Богъ наслалъ на Болгарію ради обращенія ея къ истинной вѣрѣ.

Въ данномъ изслѣдованіи ярко бросается въ глаза все та же общая туранистамъ черта. Авторъ самъ, на основаніи источниковъ, раскрываетъ намъ, до какой степени Византійская имперія съ VII вѣка проникласъ славянскимъ элементомъ; изученіе не только историческихъ источниковъ, но и чисто-литературныхъ и юридическихъ памятниковъ доказываетъ присутствіе Славянъ почти во всѣхъ концахъ имперіи, и вполнѣ подтверждаетъ извѣстіе Константина Багрянороднаго о южныхъ частяхъ полуострова: „ославянилась и оварварилась вся страна“. Такъ какъ этотъ наплывъ славянства произошелъ именно послѣ окончательнаго водворенія Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ, то, кажется, выводъ отсюда о славянствѣ самихъ Болгаръ просто неизбѣженъ. Но по теоріи туранистовъ выходитъ слѣдующее: не особенно огромныя дотолѣ славянскія поселенія, и притомъ сосредоточенныя преимущественно въ сѣверо-западной части полуострова (Сербо-Хорваты), послѣ прибытія Болгаръ, вдругъ разлились по всему полуострову и ославянили не только византійскія провинціи Ѳракію, Македонію, Эпиръ, Ѳессалію, Элладу и такъ далѣе, но что особенно удивительно—въ то же время ославянили своихъ покорителей Болгаръ, и такъ радикально, что у послѣднихъ не оста-

лось никакихъ слѣдовъ ихъ собственнаго роднаго языка; притомъ они заговорили не сербо-хорватскимъ нарѣчіемъ, а своимъ особымъ и самостоятельнымъ нарѣчіемъ болгарскимъ. Любопытно, что именно въ провинціяхъ, занятыхъ Болгарами, появилось съ того времени много географическихъ названій, встрѣчающихся у восточныхъ Славянъ, каковы: Переяславъ, Островъ, Плесковъ, Дреговичи и такъ далѣе. Это мнимое превращеніе Болгаръ въ чужую народность доселѣ туранисты даже не пытались объяснить какими-либо историческими аналогіями, а просто обходили его молчаніемъ или нѣсколькими голословными фразами.

На сей разъ довольно о туранской теоріи. Въ заключеніе я все-таки долженъ поблагодарить В. Г. Васильевскаго. Вопросъ о Варяго-Руссахъ, поднятый мною въ 1871 году, въ настоящее время уже достаточно исчерпанъ, благодаря полемикѣ съ норманистами. Двѣ послѣднія статьи моего достоуважаемаго противника, въ соединеніи съ поднятымъ въ 1874 году споромъ о Болгарахъ, помогли до нѣкоторой степени исчерпать и вопросъ о Гуннахъ. А что въ его возраженіяхъ заключается собственно личнаго и не идущаго къ дѣлу, то я оставляю на его совѣсти. Говорю это по поводу его собственнаго сознанія въ рѣзкости его полемики противъ меня (стр. 392). Я охотно извинилъ бы эту рѣзкость, еслибъ она имѣла за себя серьезныя основанія, еслибъ оппонентъ стоялъ на строго-исторической почвѣ и не измѣнялъ бы своей спеціальности, не былъ бы врагомъ историческихъ аналогій и не строилъ бы начальную славянскую исторію на м о ж е т ъ б ы т ь и на этимологическихъ увлеченіяхъ. Ужь если онъ не церемонится съ такимъ яснымъ, положительнымъ историческимъ свидѣтельствомъ, какъ гуннская страва у Іордана, то что же могутъ значить для него мои „Разысканія“? Во всякомъ случаѣ, его возраженія нельзя сравнивать съ голословіемъ нѣкоторыхъ другихъ оппонентовъ, которыхъ устныя разглагольствія или безсодержательныя статейки не даютъ почти никакого матеріала для научной полемики, и которые притомъ не берутъ на себя даже труда сколько-нибудь добросовѣстно ознакомиться съ моими „Разысканіями“.

Остаюсь по прежнему къ услугамъ моихъ противниковъ, съ прежнею увѣренностію въ правильной постановкѣ вновь выдви-

нутыхъ мною вопросовъ и въ ихъ тѣсной исторической связи другъ съ другомъ. Надѣюсь, никакія усилія норманнистовъ и туранистовъ, вмѣстѣ взятыхъ, не сдвинутъ меня съ главныхъ моихъ основаній; ибо никогда они не докажутъ, что Русь жила не на Днѣпрѣ, а въ Скандинавіи; что Русь была не туземный великій народъ, а какая-то кучка Варяговъ, пришедшая въ Россію во второй половинѣ IX вѣка въ видѣ свиты трехъ легендарныхъ братьевъ, но страннымъ образомъ поклонявшаяся славянскимъ богамъ Перуну и Волосу. Никогда они не докажутъ, что Гунны пришли въ восточную Европу только во второй половинѣ IV вѣка, и никогда не отнимутъ у Гунновъ ихъ страву, а гуннскіе нравы у Склавинъ и Антовъ. Никогда научнымъ образомъ не объяснятъ быстраго, безслѣднаго превращенія сильнаго Болгарскаго племени въ яко бы чуждую ему, легко имъ покоренную славянскую народность, и т. п. Тутъ не помогутъ никакія ихъ умствованія о собственныхъ именахъ и суффиксахъ. Кромѣ этихъ основныхъ столповъ, напомню еще длинный рядъ другихъ, весьма существенныхъ недоумѣній, долженствующихъ остаться безъ разъясненій съ противной стороны. Норманнизмъ и туранизмъ, отрицая славянство Руси, Гунновъ и Болгаръ, то-есть, болѣе чѣмъ половины Славянскихъ народовъ, никогда не отвѣтятъ намъ на слѣдующіе вопросы: Откуда взялась въ Европѣ огромная масса Славянъ, особенно восточныхъ? Какъ и когда они заняли свои настоящія земли, и какая была ихъ роль въ эпоху великаго переселенія? Съ какими племенными чертами, съ какимъ типомъ, при какихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ они выступили на историческое поприще? Откуда взялось разнообразіе ихъ бытовыхъ и политическихъ формъ? Какъ образовались государства Великоморавское, Болгарское и въ особенности Русское? Какъ сложилась Русская нація, и откуда произошло ея дѣленіе на двѣ главныя вѣтви, Великорусскую и Малорусскую? Откуда получила свои начала русская гражданственность съ ея многими своеобразными чертами, или какова степень ея древности и самобытности? Откуда явилась церковно-славянская письменность, и почему она получила такое широкое распространеніе въ славянскомъ мірѣ? Если Болгаре была Угорская орда, то почему они не обнаружили никакихъ племенныхъ

связей съ сосѣдними Мадьярами; а если—Турецкая орда, то почему не проявили таковыхъ же связей съ Турко-Хазарами, Печенѣгами и Половцами, но слились только съ Славянами (даже не съ Румынами) и образовали свой особый самостоятельный славянскій языкъ? И т. д. И т. д.

Однимъ словомъ, при дальнѣйшемъ господствѣ норманнизма и туранизма въ русско-славянской исторіи продолжалось бы то же, что̀ было до сихъ поръ: пришлось бы постоянно вычеркивать весь ея первый періодъ, то-есть, до IX и отчасти до X вѣка включительно. Такое прискорбное обстоятельство̀ во многомъ вредно отзывается и на пониманіи всей нашей исторіи. Слѣдовательно, обѣ названныя теоріи доселѣ положительно препятствовали правильному, научному развитію нашего національнаго самопознанія. Въ наукѣ настала пора подвергнуть ихъ безпощадной исторической критикѣ и тѣмъ положить конецъ ихъ незаконному господству.

III.

КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКОЕ ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ *.

Смѣшеніе исторіи Славянъ съ исторіей ихъ названія. Передвиженіе Сармато-Славянъ изъ Восточной Европы въ Среднюю. Свидѣтельство о кочевомъ бытѣ Дунайскихъ Славянъ. Извѣстіе Паннонскаго житія о русскихъ письменахъ. Ихъ связь съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодія. Догадка проф. Миллера о связи съ письменами сассанидскими.

6-го апрѣля сего 1885 года по всей православной Россіи совершилось торжество церковно-историческое, посвященное тысячелѣтней памяти славянскихъ первоучителей и апостоловъ, свв. солунскихъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Русская церковь исполнила свой долгъ по отношенію къ нимъ. Но исполняетъ ли его русская историческая наука? Достаточно ли она уяснила то, что именно было сдѣлано этими знаменитыми братьями для славянскаго міра; а, главное, уяснила ли она сколько нибудь самое поприще ихъ дѣятельности, т. е. современный имъ славянскій міръ? Девятый вѣкъ былъ тою эпохою, когда на исторической сценѣ рѣзко обозначился цѣлый рядъ славянскихъ государствъ, каковы: Русское, Болгарское, Польское, Чешское и Великоморавское. Важнѣйшіе подвиги Кирилла и Меѳодія относятся къ сему послѣднему. Но что такое была Великоморавская держава, откуда она взялась, какія были ея отношенія къ другимъ Славянамъ, почему такъ наз. церковно-славянскій языкъ, на которомъ сдѣланы переводы св. Писанія, получилъ такое широкое распространеніе въ славянскомъ мірѣ, какой народности принадлежалъ этотъ языкъ, когда и кѣмъ сдѣланы эти переводы, гдѣ

* Изъ Русск. Старины. 1885. Май.

искать начало славянской азбуки и т. п. Эти вопросы доселѣ остаются или не вполнѣ рѣшеннымп, или совсѣмъ неизслѣдованными. Такъ, вопросъ о происхожденіи Великоморавской державы, гдѣ подвизались Солунскіе братья, не только не выясненъ, но, можно сказать, не затронутъ въ нашей исторической литературѣ. Записные слависты доселѣ теряются въ догадкахъ— откуда и когда взялись Славяне на Дунаѣ. Одни возводятъ ихъ появленіе тамъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.; а другіе низводятъ нѣсколько вѣковъ по Р. Х. Да не одни дунайскіе Славяне,—оказывается, что еще бо́льшая половина славянскаго міра, восточная или Русская, также неизвѣстно откуда взялась. Самые огромные славянскіе народы, каковы Гунны, Болгаре и Русь, по мнѣнію извѣстнѣйшихъ славистовъ, суть народы чуждые, не славянскіе.

Откуда же произошла такая путаница и такое антиисторическое, отрицательное направленіе?

Изъ простого и, можно сказать, наивнаго смѣшенія исторіи славянскихъ народовъ съ исторіей самого ихъ названія С л а в я н а м и.

Названіе это, какъ извѣстно, является въ источникахъ довольно поздно, именно, начиная съ нѣкоторыхъ византійско-латинскихъ писателей VI вѣка по Р. Х. (Іорданъ и Прокопій), при томъ въ формѣ С к л а в и н ы, и обозначаетъ у нихъ только часть придунайскихъ Славянъ, а отнюдь не всѣ славянскіе народы. Слѣдовательно, въ началѣ оно было видовое, а не родовое названіе. Ранѣе его встрѣчается названіе В е н е д ы; именно, у Тацита, т. е. въ I в. по Р. Х., оно обозначаетъ небольшое племя, жившее между Германцами на западѣ, Сарматами на востокѣ, Финнами на сѣверѣ и Певкинами на югѣ, слѣдовательно, гдѣ-то около Карпатъ и можетъ быть въ самихъ Карпатахъ. Очевидно и тутъ это названіе только видовое, а отнюдь не родовое. Тацитъ затрудняется, куда ихъ отнести: къ Германцамъ или Сарматамъ? Такъ какъ Сарматы ведутъ кочевой образъ жизни, а Венеды хотя имѣютъ подобные имъ разбойничьи нравы, но строятъ дома, носятъ щиты и сражаются болѣе пѣшіе, чѣмъ конные, то онъ скорѣе готовъ ихъ отнести къ Германцамъ. И вотъ на такомъ-то шаткомъ основаніи Слависты, съ знаменп-

тымъ Шафарикомъ во главѣ, объявили Сарматъ и Венедовъ совершенно различными племенами; произвели весь огромный славянскій міръ отъ помянутаго небольшаго народца Венедовъ и начали увѣрять всѣхъ, что Славяне никогда не проходили кочевой ступени, а явились на свѣтъ прямо не только осѣдлыми, но и по преимуществу земледѣльцами или пахарями. Между тѣмъ во времена Тацита, когда Германское племя занимало среднюю Европу, Славянское по всѣмъ даннымъ занимало восточную, подъ именемъ Сарматъ. А его Венеды являются только самымъ западнымъ славянскимъ народцемъ, который, перейдя изъ степной природы въ гористую среднеевропейскую мѣстность, естественно началъ усвоивать себѣ болѣе осѣдлый бытъ, и не могъ уже содержать такія огромныя стада коней и рогатаго скота, которыя продолжали имѣть его родичи, Сарматы. И Тацитъ, гадательно отнеся его къ Германцамъ, показываетъ, что подобное распредѣленіе онъ дѣлалъ не на основаніи языка, а по признакамъ несущественнымъ, преходящимъ, и что языкъ Венедовъ и Сарматъ былъ ему неизвѣстенъ. Очевидно Тацитъ, собравшій значительныя свѣдѣнія о ближнихъ къ Римскому міру Германцахъ, весьма мало зналъ о болѣе отдаленныхъ славяно-сарматскихъ народахъ.

А межву тѣмъ эти народы не заставили себя ждать. Вслѣдъ за своими родичами, Венедами, нѣкоторыя сарматскія вѣтви также передвинулись въ среднюю Европу. Именно, Сарматы-Языги въ первомъ вѣкѣ изъ Черноморскихъ степей передвигаются къ нижнему Дунаю, т. е. въ южную Дакію; а отсюда вскорѣ они заняли часть Паннонской равнины по обѣимъ сторонамъ рѣки Тиссы и прилегающую къ ней часть сѣверозападной Дакіи. Тутъ указываютъ ихъ писатели: втораго вѣка Птоломей и третьяго Діонъ Кассій; здѣсь, преимущественно въ союзѣ съ сосѣднимъ нѣмецкимъ народомъ Квадами, они ведутъ цѣлый рядъ войнъ противъ Римской имперіи. Объ этихъ дако-паннонскихъ Сарматахъ говорятъ потомъ писатели IV вѣка Аміанъ Марцелинъ и Евсевій, V вѣка Іеронимъ и Прискъ, VI-го Іорнандъ. Но въ VI вѣкѣ названіе Сарматы начало замѣняться на Дунаѣ названіемъ Склавинъ; въ то же время эти Склавины у Іорнанда вмѣстѣ съ Антами, Болгарами и привислянскими Славянами

причисляются къ великому племени Венедовъ. Тутъ названіе Венеды выступаетъ уже въ качествѣ болѣе родового, чѣмъ видового; названіе Склавины остается пока чисто видовымъ; а болѣе древнее ихъ родовое названіе, т. е. Сарматы, мало по малу выходитъ изъ употребленія.

Слѣдовательно, движеніе славянскихъ (собств. сарматскихъ) народовъ изъ восточной Европы въ среднюю началось задолго до эпохи такъ назыв. Великаго переселенія народовъ. А въ эту эпоху оно усилилось. Славяно-Гунны во время Аттилы потому могли легко овладѣть Дако-паннонской равниной, что они нашли здѣсь своихъ соплеменниковъ Славяно-Сарматъ. Послѣ разрушенія его державы часть Гунновъ отхлынула къ нижнему Дунаю; потомъ, соединясь съ своими родичами Болгарами, они постепенно перешли на южную сторону Дуная и основали тамъ Болгарское царство въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова. Въ то же время (т. е. V—VII вв.) часть дунайскихъ Сарматъ или Склавинъ соединилась съ своими родичами, перешедшими въ средн. Европу по сѣверной сторонѣ Карпатъ, переселилась также въ нѣсколько пріемовъ на южную сторону Дуная и основалась въ западной части того же полуострова, подъ именемъ Сербовъ и Хорватъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія разселенія Славянъ въ странахъ придунайскихъ. Славяне западные и южные были ничто иное какъ колоніи или вѣтви, отдѣлившіяся отъ главной массы Сарматъ или Славянъ восточныхъ. Извѣстное мѣсто русской начальной лѣтописи о разселеніи всѣхъ Славянъ съ Дуная (вслѣдствіе нашествія Волоховъ) есть не болѣе какъ наивный домыселъ. Этотъ домыселъ повторяется и доселѣ въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ; хотя всѣ сколько нибудь значительныя народныя движенія, начиная съ эпохи, еще предшествующей Р. Х-ву, происходили на глазахъ исторіи, т. е. всѣ они внесены въ ея лѣтописи. Только нашему начальному лѣтописцу они остались неизвѣстны, да и странно было бы требовать отъ него предварительнаго изученія всей европейской исторической литературы.

Названіе Гунны является въ извѣстные вѣка (IV—VII) также видовымъ названіемъ части восточныхъ Славянъ; но такъ какъ оно обнимало нѣсколько народовъ (Сѣверяне, Волыняне, Бол-

гаре, Угличи), то по отношенію къ нимъ, пожалуй, можетъ считаться родовымъ. Наконецъ, названіе Русь или Русь (съ его сложнымъ книжнымъ Роксолане) долгое время стоитъ въ источникахъ рядомъ съ вышеприведенными названіями какъ видовое и подчиненное вмѣстѣ съ ними общему или родовому названію Сарматы. (Подъ это родовое названіе подходили и Венеды какъ видовое, о чемъ свидѣтельствуетъ venadi sarmatae Певтингеровыхъ таблицъ). Впослѣдствіи, охвативъ собою значительную часть восточныхъ Славянъ, и названіе Русь становится отчасти родовымъ. Едва-ли не позднѣе всѣхъ распространилось на народъ Русь утвердившееся (книжнымъ путемъ) общее родовое названіе Славяне, образовавшееся изъ видового Склавины. Но тамъ же на Дунаѣ являются нѣкоторыя племена, сохранившія за собою это прежнее видовое названіе, въ нѣсколько измѣненной формѣ, а именно Словинцы и Словаки. Великоморавская держава, гдѣ подвизался архіепископъ Меѳодій, по всей вѣроятности, была собственно держава словакская *.

Все, что говорю теперь въ короткихъ словахъ о начальной славянской исторіи (собственно изъ эпохи в. переселенія народовъ), было уже мною высказано и развито въ длинномъ рядѣ изслѣдованій и полемическихъ статей. (См. «Разск. о нач. Руси» и статьи предыдущія). Относительно несомнѣннаго, по моему мнѣнію, тожества дунайскихъ Сарматъ II—V вв. съ дунайскими Склавинами VI и слѣдующихъ вѣковъ я встрѣчалъ только возраженія, основанныя на общемъ соображеніи, что Сарматы были кочевымъ народомъ, а Славяне осѣдлымъ. Много уже было мною сказано противъ такого страннаго, отнюдь ненаучнаго мнѣнія, по которому

---

* Названіе Словаки, пожалуй, напоминаетъ названіе Языги, если послѣднее объяснять славянскимъ языкъ, которое означаетъ и органъ слова, и народную рѣчь, и вообще народъ. Указываемъ мимоходомъ на это совпаденіе и, конечно, не беремъ на себя рѣшать, случайно оно или не случайно.

Въ Венгріи доселѣ одинъ округъ носитъ названіе, напоминающее Языговъ (jászság). И вотъ недавно привелось мнѣ прочесть въ замѣткахъ одного досужаго русскаго туриста, будто въ этомъ округѣ населеніе сохранило какія-то особыя татарскія или монгольскія черты древнихъ Языговъ; хотя нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы это населеніе происходило прямо отъ Языговъ, а не отъ какого либо позднѣйшаго наслоенія въ родѣ Мадьяръ, Кумановъ, Татаръ и т. п. Благодаря господству нѣмецко-мадьярскихъ теорій въ исторіи Славянъ, эта исторія постоянно затемняется новыми и новыми домыслами.

Славяне будто бы никогда не проходили кочевой ступени. Въ настоящее время противникамъ своимъ укажу еще на одно упущенное ими изъ виду историческое свидѣтельство, прямо относящееся къ дунайскимъ Славянамъ и положительно опровергающее помянутое мнѣніе.

Вотъ что говоритъ византійскій императоръ Левъ VI въ XVIII главѣ своего сочиненія о военной тактикѣ, написаннаго въ концѣ IX или началѣ X вѣка: „Славяне (Σκλάβοι) прежде жили за Истромъ, который мы называемъ Дунаемъ. Они вели жизнь номадовъ (νομαδικῶς) и прежде, нежели перешли Истръ Римляне уже воевали ихъ и подчиняли ихъ своему игу"; а ниже сказано, „что они употребляютъ въ пищу просо и очень умѣренны въ ѣдѣ, потому что не любятъ заниматься воздѣлываніемъ другихъ произведеній земледѣлія, предпочитая вести болѣе свободное и менѣе трудное существованіе, нежели съ помощію тяжкой работы добывать себѣ обильные съѣстные припасы и прочее имущество". Въ той же главѣ говорится объ ихъ набѣгахъ и грабежахъ. Гдѣ же тутъ (какъ и во многихъ другихъ источникахъ) пресловутый осѣдлый, земледѣльческій бытъ древнихъ Славянъ и ихъ яко бы исконно мирный (т. е. пассивный) характеръ, о которомъ постоянно толкуютъ поборники норманнизма и туранизма въ славянской исторіи?

Указавъ, до какой степени не выяснена исторически и этнографически Мораво-Паннонская держава или та почва, на которой подвизались Солунскіе братья, перейдемъ къ вопросу о томъ, что именно они сдѣлали въ области славянской письменности и переводовъ св. Писанія. И съ этой стороны славистика все еще блуждаетъ въ сферѣ гаданій и разныхъ домысловъ, главнымъ образомъ благодаря опять-таки господству анти-славянскихъ теорій.

Въ такъ называемомъ Паннонскомъ житіи Константина Философа (т. е. брата Меѳодіева, въ монашествѣ Кирилла) разсказывается о его хожденіи въ Хазарію. Во время сего путешествія онъ нѣкоторое время пребывалъ въ Корсуни или Херсонесѣ Таврическомъ, и тутъ между прочимъ „обрѣлъ евангеліе и псалтырь, написанныя р у с с к и м и письменами, и человѣка обрѣлъ, говорящаго тою же рѣчью, бесѣдовалъ съ нимъ и, при-

слушиваясь къ разнымъ перемѣнамъ гласныхъ и согласныхъ, вскорѣ, къ удивленію многихъ, началъ читать и говорить“ (т. е. выучился этой грамотѣ и рѣчи). Продолжаю утверждать, какъ и прежде (въ „Разыск. о нач. Руси“), что это извѣстіе первостепенной важности, что оно составляетъ ключъ къ разрѣшенію вопроса о началѣ славянской письменности и что эта письменность и переводы Св. Писанія на славянскій языкъ уже существовали до Кирилло-Меѳодіевскаго времени, т. е. до второй половины IX вѣка. По сосѣдству съ Корсунемъ въ восточной половинѣ Таврiды и на Таманѣ со времени Великаго переселенія народовъ обитали Гунно-Болгаре; а въ томъ же IX вѣкѣ водворились тамъ Руссы, которые постепенно отвоевали этихъ соплеменныхъ себѣ Болгаръ изъ хазарскаго владычества и основали особое русское княжество, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Тмутараканскаго. Часть таврическихъ Гунно-Болгаръ приняла христіанство изъ Византіи еще въ VI—VII вв., и очень естественно, что къ IX вѣку она уже имѣла у себя переводы Св. Писанія; ибо Византія постоянно покровительствовала распространенію его на языкѣ народномъ (тогда какъ Римъ дѣйствовалъ наоборотъ). Вышепомянутыя русскія письмена, конечно, означаютъ все то же церковнославянское или древнеболгарское письмо. Впослѣдствіи, когда Русь приняла христіанство (и приняла его тамъ же, въ Тавридѣ), названіе „русскій обрядъ“ и „русское письмо“ употреблялись въ смыслѣ церковнославянскомъ, чему не разъ видимъ примѣры въ источникахъ (начиная съ одной грамоты папы Іоанна XIII въ X вѣкѣ). Если бы у Руси въ началѣ былъ свой собственный переводъ и свое особое письмо, то, она, конечно, пользовалась бы ими и впослѣдствіи, и ей не было бы никакой нужды мѣнять ихъ на болгарскіе; по крайней мѣрѣ такая перемѣна не могла бы обойтись безъ борьбы. Но мы не находимъ никакихъ намековъ на подобную борьбу *.

Сомнѣваться въ подлинности приведеннаго извѣстія о славянскомъ евангеліи и псалтыри, найденныхъ Кирилломъ въ Корсуни,

---

* Подобно тому какъ въ Паннонскомъ житіи названо болгарское письмо русскимъ, а папа Іоаннъ XIII выражается secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, въ XIV вѣкѣ хроника Далимила называетъ архіепископа Меѳодія „Русиномъ“: Ten arcibiskup Rusin bieše, Msu svu slovansku služieše.

нѣтъ никакого серьезнаго основанія: во всѣхъ спискахъ житія оно повторяется постоянно въ томъ же видѣ, и по всѣмъ признакамъ принадлежитъ ранней его редакціи. А источникомъ для сказанія о хожденіи Кирилла въ Хазарію служила записка самого участника этого хожденія Кириллова брата Меѳодія, на что есть прямой намекъ въ томъ же сказаніи. Тѣмъ не менѣе слависты старались и стараются разными способами устранить это свидѣтельство Паннонскаго житія. Одни (напр. Шафарикъ) объясняли „русскія“ письмена готскими, на основаніи норманской теоріи происхожденія Руси; хотя смѣшеніе Руси съ Готами въ данномъ случаѣ является совершеннымъ произволомъ. Если Кириллъ скоро выучился читать данныя письмена, то именно потому, что они были славянскія; а братья несомнѣнно уже на своей родинѣ были знакомы съ славянскимъ языкомъ. Притомъ вся послѣдующая ихъ дѣятельность связана съ этимъ языкомъ и письмомъ; тогда какъ на знакомство ихъ съ готскимъ языкомъ и готскою письменностію ни въ ихъ житіи, ни въ другихъ источникахъ нѣтъ никакихъ намековъ. Наконецъ, то же Паннонское житіе особо упоминаетъ Готовъ въ числѣ народовъ, имѣющихъ свою грамоту. Другіе изслѣдователи (напримѣръ Бодянскій) видѣли въ этомъ извѣстіи о русскихъ письменахъ позднѣйшую вставку и ссылаются при семъ на одну рукопись житія, гдѣ встрѣчается сказаніе о томъ, что русская грамота самимъ Богомъ явлена въ Корсуни нѣкоему благочестивому Русину, отъ котораго и научился ей Константинъ Философъ. Но такое сказаніе имѣетъ всѣ признаки позднѣйшаго домысла, и безъ сомнѣнія сложилось на основаніи означеннаго извѣстія Константинова житія, а не обратно; самая же рукопись принадлежитъ довольно позднему времени. Третьи, наконецъ (наприм. Григоровичъ), предполагали, что русскія письмена, найденныя Константиномъ въ Корсуни, относятся къ такъ называем. Глагольской письменности. Это предположеніе, если-бы и не оправдалось, во всякомъ случаѣ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ два предыдущія. Глаголица есть также письмо славянское; а для насъ прежде всего важенъ тотъ фактъ, что славянское письмо и славянскіе переводы Св. Писанія существовали уже до Кирилла и Меѳодія и что братья воспользовались ими при своей миссіи въ Моравію.

Но что же собственно заставляетъ большинство славистовъ всѣми силами отрицать или извращать извѣстія о славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни? Все тѣ же двѣ ложныя теоріи о народности Руси и Болгаръ, т. е. теоріи норманская и туранская. Историческія свидѣтельства ясно говорятъ о давнемъ существованіи къ Крыму гунскаго племени Черныхъ Болгаръ и появленіи тамъ Руси въ IX вѣкѣ. Но какія же могли быть у нихъ славянскія письмена, если Русь почитается Варягами, а Гунны и Болгаре Финнами или Татарами? Понятно, что тѣ, кто еще держится подобныхъ теорій, не могутъ принять даннаго свидѣтельства, не рискуя запутаться въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ *. Я много писалъ о несостоятельности сихъ двухъ теорій. По отношенію къ норманизму сущность моихъ изслѣдованій заключается въ томъ, что смѣшеніе Руси съ Варягами даже не принадлежитъ самой лѣтописной легендѣ о призваніи варяжскихъ князей, а относится къ позднѣйшему испорченному тексту нашей начальной лѣтописи или Повѣсти временныхъ лѣтъ. По отношенію къ Гуннамъ я указывалъ, что туранская теорія ихъ происхожденія основана, главнымъ образомъ, на извѣстіяхъ объ ихъ безобразной наружности; но при ближайшемъ разсмотрѣніи таковыхъ извѣстій оказывается, что это безобразіе было не природное, а искусственное, имѣвшее по преимуществу цѣли военныя, и далеко не раздѣлявшееся всѣми Гуннами; между прочимъ оно не относится къ болгарской вѣтви Гунновъ. Существовавшее доселѣ мнѣніе о неславянствѣ Болгаръ основано было на разныхъ лжетолкованіяхъ и произвольныхъ соображеніяхъ.

Главнѣйшій источникъ для біографіи Кирилла и Меѳодія—ихъ Паннонскія житія выражаются объ ихъ дѣятельности относительно славянскихъ письменъ и переводовъ весьма кратко и довольно

---

* Главный поборникъ сихъ теорій А. А. Куникъ хорошо понялъ опасность грозящую имъ со стороны даннаго извѣстія; поэтому онъ усиленно настаивалъ на его яко-бы позднѣйшей вставкѣ (см. „Готскій топархъ“, 140, и „Каспій“, 633) и доказывалъ сіе тѣмъ, что, по солунской легендѣ, Кириллъ еще ранѣе изобрѣлъ славянское письмо, проповѣдуя македонскимъ Славянамъ на Брѣгальницѣ. Эти подвиги на Брѣгальницѣ по всѣмъ признакамъ есть позднѣйшій миѳъ; но достопочтенному академику, повидимому, суждено отрицать историческіе факты и на мѣсто ихъ ставить миѳологію, коль скоро рѣчь заходитъ о начальной славянской или русской исторіи.

неопредѣленно, напримѣръ: „и тогда сложи письмена и нача бесѣду писати евангельскую“, или: „да ту яви Богъ философу словенскія книги, и абіе устроивъ письмена и бесѣду ставль“. Но въ позднѣйшихъ источникахъ говорится уже объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и переводѣ ими едва не всего св. Писанія. И этотъ взглядъ доселѣ преобладаетъ въ наукѣ, хотя и не выдерживаетъ строгой критики. Правда, западныя латинскія свидѣтельства второй половины IX вѣка говорятъ или о „письменахъ славянскихъ, открытыхъ нѣкимъ философомъ Константиномъ“, или вообще о „вновь изобрѣтенныхъ славянскихъ письменахъ“; но подобныя выраженія или представляютъ полемическій пріемъ, или показываютъ, что письмо, принесенное Солунскими братьями въ Моравію, дѣйствительно, было тамъ новостію.

До какой степени, исходя изъ невѣрныхъ положеній, слависты блуждаютъ въ вопросахъ, связанныхъ съ дѣятельностію Кирилла и Меѳодія, указываетъ примѣръ знаменитаго Шафарика Послѣдніе годы своей жизни онъ началъ утверждать, что Кириллъ и Меѳодій изобрѣли собственно глаголицу, а что кириллица произошла изъ глаголицы и введена въ употребленіе однимъ изъ учениковъ Меѳодія, Климентомъ, епископомъ болгарскимъ. Любопытно, что это мнѣніе, хотя вызвало въ свое время горячія и дѣльныя возраженія, теперь уже принято нѣкоторыми учеными (напр. Миклошичъ, Рачкій, покойный Котляревскій, Кочубинскій, Небосклоновъ, отчасти архим. Амфилохій и др.).

По моему крайнему разумѣнію, Кириллу и Меѳодію принадлежитъ подвигъ не изобрѣтенія, собственно, а лучшаго устроенія и распространенія славянскихъ письменъ вмѣстѣ съ исправленіемъ и продолженіемъ найденныхъ ими переводовъ. Такое устроеніе даже не было ими закончено, а продолжалось послѣ нихъ трудами учениковъ, въ особенности св. Климента. Относительно кириллицы едва ли можетъ быть рѣчь объ изобрѣтеніи уже потому, что въ основѣ своей эта азбука чисто греческая, слѣдовательно заимствованная. Такихъ заимствованныхъ буквъ насчитывается 24. Вопросъ заключается собственно въ 12 или 14 знакахъ, выражающихъ звуки носовые, шипящіе, свистящіе и полугласные.

И эти добавочныя буквы, по всей вѣроятности, уже существовали прежде. Откуда же они попали въ славянскую азбуку?

По сему поводу обращу вниманіе компетентныхъ читателей на любопытную статью московскаго профессора В. Ѳ. Миллера „къ вопросу о славянской азбукѣ“ („Ж. М. Н. Пр. 1884, мартъ). Тутъ онъ сближаетъ помянутыя добавочныя буквы съ письменами сассанидскими, по скольку они сохранились на монетахъ и надписяхъ. Эти письмена развились изъ болѣе древнихъ иранскихъ или авестійскихъ (которыми написана Авеста), происшедшихъ, въ свою очередь, отъ арамейскаго письма. Вотъ почему нѣкоторыя изъ нашихъ добавочныхъ буквъ похожи на еврейскія. Мысль, по моему мнѣнію, удачная, одна изъ тѣхъ мыслей, которыя имѣютъ право на будущность въ наукѣ. Но какими историческими путями объяснить заимствованіе этой части славянскаго алфавита изъ Персіи? На сей счетъ авторъ строитъ рядъ гипотезъ: „посредниками при передачѣ этихъ письменъ Славянамъ служили Хазары, которымъ Славяне платили дань. Составляя значительный элементъ въ хазарскихъ городахъ, Славяне должны были подчиниться нѣкоторому вліянію хазарской культуры“ (стр. 33). У Хазаръ „несомнѣнно была письменность, хотя до насъ не дошло ни одной строчки“ (ibid.). А эти „предполагаемыя хазарскія письмена (выводимыя нами изъ добавленныхъ къ кириллицѣ буквъ) являются сколкомъ съ авестійскихъ“ (стр. 34). Дѣло въ томъ, что авторъ этихъ гипотезъ по отношенію къ Руси держится норманской теоріи, а по отношенію къ Гуннамъ и Болгарамъ туранской. Такимъ образомъ удачную мысль сблизить часть славянской азбуки съ персидскою поневолѣ пришлось затемнить искусственно придуманнымъ посредствующимъ звеномъ, т. е. хазарскимъ; пришлось сочинять хазарскую культуру, будто бы повліявшую на Славянъ, и предположить существованіе особыхъ хазарскихъ письменъ, на которыя въ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Извѣстно только, что хазарскій дворъ и высшее сословіе исповѣдывали еврейскую религію, слѣдовательно имѣли еврейскую письменность; а часть народа, принявшая исламъ, имѣла, конечно, письменность арабскую. Не забудемъ, что еще не рѣшенъ и самый вопросъ о томъ, какой, собственно, народъ разумѣется подъ именемъ Хазаръ въ VIII—IX вв. и куда именно путеше-

ствовалъ Кириллъ во время своей хазарской миссіи. Авторъ считаетъ вѣроятнымъ извѣстіе Константинова житія о русскихъ или славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни (стр. 32). Но, говоря вообще о русскихъ Славянахъ, онъ проходитъ молчаніемъ вопросъ, какому именно славянскому языку принадлежали эти переводы Евангелія и Псалтыри. Если бы онъ коснулся этого вопроса, то немпнуемо долженъ въ немъ запутаться; такъ какъ никакихъ другихъ переводовъ кромѣ церковнославянскаго или древнеболгарскаго наша древнѣйшая церковная письменность не знаетъ; а Гунно-Болгаръ онъ считаетъ не Славянами, и упускаетъ изъ виду византійскія извѣстія о принятіи ими христіанства въ VI—VII вв. Слѣдовательно, и съ этой стороны двѣ помянутыя теоріи ставятъ достоуважаемаго профессора-филолога въ явныя противорѣчія съ самимъ собою и съ историческими фактами.

А между тѣмъ для объясненія нашихъ заимствованій изъ персидской культуры эпохи Сассанидовъ нѣтъ никакой нужды предполагать хазарское посредничество и вліятельную хазарскую культуру. Славянскій міръ издревле и долго былъ сосѣдомъ иранскихъ народовъ и со стороны средней Азіи, и со стороны Кавказа. Онъ является въ исторіи, можно сказать, пропитаннымъ иранскими элементами; но, конечно, въ тѣхъ странахъ онъ является въ древнемъ періодѣ не подъ своимъ позднѣйшимъ именемъ Славянъ, а подъ именами Массагетовъ, Сарматъ, Гунновъ, Болгаръ, отчасти Аланъ и т. д. Если возьмемъ, собственно, эпоху Сассанидовъ, т. е. III—VII вв. по Р. Х., то увидимъ, что въ теченіе почти всей этой эпохи восточнославянскіе народы находились въ сношеніяхъ съ Новоперсидской имперіей, которой владѣнія иногда не только простирались до Кавказскаго хребта, но и переходили на его сѣверную сторону. Извѣстно, что полководцы Аттиллы воевали Персовъ и самъ онъ собирался идти на завоеваніе Персіи (Прискъ). По византійскимъ писателямъ, Древняя или Великая Болгарія лежала между Азовскимъ моремъ и Кавказомъ. По Моисею Хоренскому, Болгаре вторгались въ земли Закавказья и колоніи ихъ встрѣчались въ Арменіи. А во время хазарскаго господства приазовскіе и прикавказскіе Гунно-Болгары, по извѣстіямъ армянскихъ и византійскихъ историковъ, ве-

ли войны или участвовали въ войнахъ Византійцевъ и Хазаръ съ Персами. Разумѣется, лѣтописцы повѣствуютъ преимущественно о войнахъ и набѣгахъ; но кромѣ враждебныхъ столкновеній несомнѣнно были мирныя и торговыя сношенія. Вліяніе персидской культуры на культуру восточныхъ Славянъ ясно засвидѣтельствовано многими предметами, по преимуществу найденными въ южнорусскихъ могильникахъ. Какъ отразилось это вліяніе на обитателяхъ Боспорскаго царства и сосѣднихъ степей, о томъ вѣскія соображенія можно встрѣтить, напримѣръ, въ изслѣдованіи В. В. Стасова объ извѣстныхъ Керченскихъ фрескахъ, которыя относятся къ III или IV вв. по Р. Х. Найденные проф. Самоквасовымъ въ Черниговскомъ курганѣ, оправленные въ серебро турьи рога, по работѣ и чеканнымъ изображеніямъ, также сближаются съ искусствомъ Сассанидской эпохи. Въ курганахъ южной и восточной Россіи немало открыто и разныхъ другихъ вещей той же эпохи. Вообще многое въ бытѣ и художествахъ восточныхъ Славянъ или древней Руси, особенно въ области орнаментики, объясняется именно персидскимъ вліяніемъ. Отрицать непосредственное вліяніе этой культуры на нашу собственную невозможно. (Если и предполагать иногда какое либо посредничество со стороны Кавказа, то скорѣе болѣе культурныхъ Армянъ и Грузинъ, чѣмъ Хазаръ). А потому, повторяю, и заимствованіе части славянскаго алфавита непосредственно изъ персидскаго весьма и весьма возможно. Только для рѣшенія такихъ вопросовъ необходимо стать прямо на историческую почву, т. е. признать исконное славянство Руси и Болгаръ.

Итакъ въ своемъ главномъ выводѣ относительно славянской азбуки В. Ѳ. Миллеръ склоняется къ тому же положенію, которое я высказалъ десять лѣтъ назадъ (Ж. М. Н. П. 1875 г., февраль), а именно: такъ называемая кириллица и нѣкоторые славянскіе переводы существовали у восточныхъ Славянъ еще до Кирилла. Затѣмъ я говорилъ, что и глаголица, по всей вѣроятности, также существовала прежде. Онъ же принимаетъ мнѣніе тѣхъ славистовъ, которые приписываютъ ея изобрѣтеніе Кириллу, съ тою однако разницею, что по его словамъ, не кириллица произошла изъ глаголицы, а наоборотъ, т. е. Кириллъ не захотѣлъ взять просто найденныя въ Корсуни письмена, а

нѣсколько ихъ передѣлалъ, ибо пожелалъ быть изобрѣтателемъ особаго письма. Послѣдній выводъ намъ кажется основаннымъ на разныхъ натяжкахъ *. Въ концѣ своей статьи онъ указываетъ недавно появившееся изслѣдованіе загребскаго профессора Гейтлера, который сближаетъ глаголицу съ албанскими письменами и родиной ея считаетъ Македонію. И вотъ споръ о глаголицѣ готовъ вступить въ новую фазу.

Каково бы ни было дальнѣйшее развитіе вопросовъ о происхожденіи славянской письменности и о дѣятельности свв. Солунскихъ братьевъ, я стою на томъ, что правильное рѣшеніе этихъ вопросовъ невозможно безъ предварительно и правильно установленной исторіи самихъ славянскихъ народовъ. Тѣ слависты, которые будутъ держаться теорій норманизма и туранизма, никогда не встанутъ на историческую почву, и никогда не выпутаются изъ лабиринта противорѣчій и недоумѣній въ данныхъ вопросахъ.

---

* Почти тотъ же выводъ еще ранѣе встрѣчается у г. Небосклонова: „Начало борьбы Славянъ съ Нѣмцами за независимость въ средніе вѣка“. Казань, 1874.

IV.

ПО ПОВОДУ МЕѲОДІЕВСКАГО СБОРНИКА. *)

Разсужденіе Н. А. Лавровскаго. Монографія А. С. Будиловича. Народность Солунскихъ братьевъ. Вопросъ о письменахъ, найденныхъ въ Корсуни. Смѣшеніе Русскаго элемента съ Болгарскимъ. О пересмотрѣ Туранской теоріи.

Послѣ своей замѣтки о „Кирилло-Меѳодіевскомъ тысячелѣтіи“ пришлось мнѣ познакомиться съ цѣлою новою литературою изслѣдованій, замѣтокъ и юбилейныхъ рѣчей, вызванныхъ симъ тысячелѣтіемъ и посвященныхъ памяти Славянскихъ первоучителей. Литература эта возникла преимущественно въ разсадникахъ нашего высшаго просвѣщенія; причемъ нѣкоторые университеты заявили себя богатствомъ своихъ научныхъ силъ на данномъ поприщѣ. Прискорбно было только то, что наша Московская alma mater, въ данномъ случаѣ, не обнаружила процвѣтанія въ ней исторической науки и славяновѣдѣнія. Пальму первенства въ ученыхъ поминкахъ Кирилло-Меѳодіевскаго тысячелѣтія стяжалъ одинъ изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ, именно Варшавскій, гдѣ по счастливому стеченію обстоятельствъ, оказалось въ настоящее время нѣсколько прекрасныхъ славистовъ. Изданный ими „Меѳодіевскій юбилейный сборникъ“ (подъ редакціей проф. Будиловича) представляетъ рядъ любопытныхъ изслѣдованій и статей, принадлежащихъ: Н. А. Лавровскому, А. С. Будиловичу, О. О. Первольфу, П. А. Кулаковскому, К. Я. Гроту и Ѳ. Ѳ. Зигелю.

---

*) Изъ Русской Старины. 1885 Ноябрь.

Во главѣ сборника помѣщается разсужденіе достоуважаемаго ректора Варшавскаго университета, Н. А. Лавровскаго: „Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи“. Эта небольшая по объему статья отличается ясностью историческаго представленія и строго логическою связью ея частей. Чтобы объяснить замѣчательное развитіе христіанскаго просвѣщенія и славянской письменности у Болгаръ временъ царя Симеона, а также на Руси временъ Ярослава I и митрополита Иларіона, авторъ не прибѣгаетъ къ тѣмъ натяжкамъ, которыми пробавляются въ подобныхъ вопросахъ норманисты и туранисты, а прямо указываетъ на естественное и единственно возможное основаніе, т. е. на продолжительную историческую подготовку обоихъ этихъ народовъ, всегда бывшихъ коренными Славянами и искони черпавшихъ начала гражданственности и христіанства изъ сосѣднихъ греческихъ источниковъ. Очевидно, почтенный авторъ менѣе всего заботится о томъ, что скажутъ на это петербургско-нѣмецкіе академики, и болѣе всего дорожитъ историческою правдою. Мы не будемъ разсматривать все содержаніе даннаго сборника, а сосредоточимъ свое вниманіе только на слѣдующей, наиболѣе капитальной, монографіи его, принадлежащей профессору Будиловичу и озаглавленной: „Нѣсколько мыслей о грекославянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія“. Разсмотримъ эту монографію именно съ той стороны, которая была предметомъ нашихъ собственныхъ изысканій, т. е. со стороны вопроса о народностяхъ, такъ какъ, по нашему убѣжденію, безъ предварительной правильной установки этого вопроса и другія важныя стороны дѣятельности Кирилло-Меѳодіевской никогда не получатъ надлежащаго освѣщенія.

Во первыхъ, авторъ настаиваетъ на какой-то греко-славянской народности Кирилла и Меѳодія, которые будто бы „по происхожденію не были ни Греками, ни Славянами въ тѣсномъ смыслѣ“ (стр. 3). По нашему крайнему разумѣнію они вышли изъ греческой семьи; это положеніе вытекаетъ изъ совокупности всѣхъ извѣстій. Если въ населеніе Солуня IX вѣка входилъ значительный элементъ славянскій, то естественно было тамъ знакомство съ этимъ языкомъ и въ греческихъ семьяхъ. Извѣстныя слова Михаила „селуняне вси чисто словеньски бе-

сѣдуютъ“ можно понимать именно въ этомъ смыслѣ. А иначе Михаилъ III сказалъ бы братьямъ: „вы сами Славяне“. Самое умолчаніе Паннонскихъ житій о народности братьевъ можно понимать въ томъ же смыслѣ; если бы они не были чисто греческаго происхожденія, то едва ли славянскіе авторы житій упустили бы случай указать на участіе славянской стихіи. Сомнительно, чтобъ къ VIII—IX вѣку въ Византійской имперіи уже произошло такое сліяніе Славянъ съ Греками, что можно прямо предположить въ высшей солунской администраціи господство греко-славянскаго этнологическаго типа и безъ дальнихъ околичностей отнести къ нему семью друнгарія Льва. Отдѣльные, хотя-бы и не рѣдкіе случаи, гдѣ Славяне дослуживались до высшихъ должностей, еще недостаточны для того, чтобы давать такое широкое распространеніе означенному типу въ высшихъ сферахъ имперіи уже въ то время. И люди другихъ народностей, напримѣръ Армяне, тоже часто являются византійскими сановниками и даже достигаютъ императорскаго престола. Затѣмъ, авторъ сильно преувеличиваетъ значеніе славянскаго элемента въ населеніи Опсикійской темы, расположенной вокругъ Малоазійскаго Олимпа. Мы согласны съ тѣмъ, что Олимпъ, въ монастыряхъ котораго нѣкоторое время пребывали братья, былъ Малоазійскій, а не Θессалійскій; но предполагать, что они тамъ были окружены „славянами-инока-ми, славянами-пастухами и славянскими селами“ и такимъ образомъ не только не забыли, но еще болѣе усовершенствовались въ славянскомъ языкѣ и тѣснѣе пріобщились славянской народности—это несомнѣнная натяжка (8—16). Самая же главная натяжка заключается въ такомъ сопоставленіи отчасти фактовъ, а болѣе предположеній и вѣроятностей, изъ котораго вытекаетъ заключеніе, будто братья за-долго до своей Моравско-паннонской миссіи уже готовились къ ней усердно и систематически, почти сознательно; чего въ дѣйствительности, конечно, не было. Мало того, первыя миссіи Константина, Арабская и Хазарская, по данной монографіи, какъ бы имѣли своею главною цѣлью также славянскіе народы. Хотя относительно второй, т. е. Хазарской, и можно это сказать отчасти; но вообще не слѣдуетъ преувеличивать славянскій ея характеръ и от-

клоняться отъ исторической точности, которая въ наукѣ должна быть прежде всего.

Г. Будиловичъ, какъ и многіе ученые въ послѣднее время, не сомнѣвается въ извѣстіи паннонскаго житія о томъ, что во время путешествія въ Хазарію Константинъ Философъ въ Корсуни нашелъ евангеліе и псалтырь, написанныя русскими письменами, и обрѣлъ Русина, у котораго выучился этимъ письменамъ и самой рѣчи. Онъ откровенно и рѣшительно отрицаетъ „старую гипотезу о тождествѣ Руси съ Варягами“, и въ данномъ извѣстіи видитъ убѣдительное свидѣтельство объ „очень раннемъ существованіи сильнаго русско-славянскаго государства между Днѣпромъ и Кубанью“. Мало того, онъ думаетъ, что помянутый „переводъ евангелія и псалтыря былъ русско-славянскій“ (27—29). Слѣдовательно, по отношенію къ исконному туземству и славянству Руси онъ, пожалуй, идетъ далѣе меня и тутъ же полемизуетъ съ моимъ мнѣніемъ, по которому это былъ переводъ собственно болгарскій; „ибо—говоритъ онъ—составитель житія назвалъ бы его болгарскимъ, а не русскимъ“. Итакъ, съ этимъ положеніемъ связано наше наиболѣе крупное разногласіе. На немъ мы и остановимся.

Дѣло въ томъ, что почтенный профессоръ, отказываясь отъ норманской теоріи по вопросу о Варягахъ и Руси, остается туранистомъ по вопросу о Гуннахъ и Болгарахъ, А эта туранская теорія замѣтно спутываетъ нѣкоторыя его историческія представленія и заставляетъ прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ. Мои соображенія о тѣсной связи начальнаго русскаго христіанства съ раннимъ гунно-болгарскимъ, происходившей въ Крыму, основаны на рядѣ историческихъ фактовъ, т. е. на достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Напомню эти факты и вытекающія изъ нихъ положенія.

1. Прокопій, византійскій писатель VI столѣтія, въ своемъ сочиненіи о Готской войнѣ говоритъ, что восточная часть Тавриды была занята варварами, преимущественно Гуннами (lib. IV, cap. 18). Въ другомъ мѣстѣ (о Персидской войнѣ) онъ опять упоминаетъ о Гуннахъ, обитавшихъ между Херсономъ и Боспоромъ (lib. I, cap. 12).

2. По извѣстію Ѳеофана и Анастасія, писателей VIII и IX

вв., въ 528 году крестился въ Константинополѣ Гордасъ, князь Гунновъ, сосѣднихъ съ Боспоромъ, но по возвращеніи былъ убитъ возмутившимся народомъ. Спустя девяносто лѣтъ, по извѣстію патріарха Никифора, какой-то гуннскій князь изъ тѣхъ же странъ крестился въ Константинополѣ съ своими родственниками, боярами и ихъ женами. На сей разъ о возмущеніи противъ него нѣтъ рѣчи; слѣдовательно христіанство водворилось между Гуннами.

3. Сличеніе извѣстій о Гуннахъ Прокопія и Агаѳія съ извѣстіями Ѳеофана, Никифора и Анастасія убѣждаетъ въ томъ, что Таврическо-Таманскіе Гунны были вѣтви Болгарской.

4. Свидѣтельство паннонскаго житія св. Кирилла о Фульскомъ народцѣ уже крещенномъ, но сохранявшемъ языческіе обряды, изъ сопоставленія всѣхъ обстоятельствъ лучше всего можетъ быть отнесено, если не къ Таврическимъ Готамъ, то именно къ Таврическимъ Болгарамъ.

5. Извѣстія X вѣка, именно Константинъ Б. и Игоревъ договоръ, Таврическо-Таманскихъ Болгаръ называютъ Черными.

6. Извѣстія византійскихъ писателей о первомъ морскомъ походѣ Руси на Константинополь, въ 865 г., указываютъ на водвореніе ея около того времени на берегахъ Киммерійскаго Боспора, откуда она стала тѣснить Хазаръ, освобождая отъ ихъ владычества Черныхъ Болгаръ.

7. Свидѣтельство патріарха Фотія въ его окружномъ посланіи 866 года о крещеніи Руссовъ несомнѣнно относится къ Руси Азовско-Черноморской или Таврическо-Таманской, т. е. утвердившейся въ странѣ Черныхъ Болгаръ и подвергшихся вмѣстѣ съ ними вліянію сосѣдняго Корсуня. Съ одной стороны, въ уставѣ императора Льва Философа (886—911 гг.) упоминается Русская церковь рядомъ съ Аланскою, а съ другой, въ Олеговомъ договорѣ 911 года еще не упоминается о крещеніи Руси Кіевской.

8. Извѣстіе Льва Діакона о морскомъ походѣ Игоря на Константинополь прямо указываетъ на то, что эти военные походы предпринимались Руссами изъ Боспора Киммерійскаго. А Игоревъ договоръ съ Греками подтверждаетъ существованіе русскихъ владѣній на берегахъ этого Боспора и зависимость сосѣднихъ Черныхъ Болгаръ отъ русскихъ князей. Изъ того же

договора видно, что христіанство уже утвердилось и въ Кіевской Руси (слѣдовательно послѣ Таврической).

9. Владиміръ Кіевскій крестился именно въ Корсуни, въ сосѣдствѣ своихъ таврическихъ или руссо-болгарскихъ владѣній. Онъ же за одно съ Греками окончательно уничтожилъ остатки хазарскаго владычества въ Тавридѣ.

10. Богослуженіе и переводъ св. Писанія крещеная Русь получила не на собственномъ нарѣчіи, а на такъ наз. церковно-славянскомъ, т. е. древне-болгарскомъ. Никакихъ собственно русскихъ раннихъ переводовъ мы не имѣемъ.

Оставляемъ въ сторонѣ другія свидѣтельства (напр. Амастрійской и Сурожской легенды, Таврическаго анонима и пр.) и разныя сопоставленія, которыми подтверждаются означенные факты. (Интересующихся отсылаемъ къ моимъ Разысканіямъ о началѣ Руси) На данныхъ основаніяхъ полагаю, что я имѣлъ достаточно права связать начало русскаго христіанства съ христіанствомъ и переводами св. Писанія у Болгаръ, и при томъ не Дунайскихъ, а Таврическихъ. Извѣстія о крещеніи сихъ послѣднихъ относятся къ VI и VII вв., а первыя свидѣтельства о крещеніи Руси имѣемъ не ранѣе IX вѣка, и притомъ эти свидѣтельства относятся къ Руси не Кіевской, а также Азовско-Черноморской. Если Болгаре начали креститься гораздо ранѣе Руси, то естественно, что у нихъ и ранѣе появились начатки переводовъ и что Русь, когда дошла до нея очередь, воспользовалась этими переводами. Если-бы у нея уже были собственные переводы, то съ какой стати ей потомъ брать чужіе? Во всякомъ случаѣ собственные переводы не безъ борьбы уступили бы свое мѣсто чужимъ; а никакихъ намековъ на подобную борьбу мы не имѣемъ. Если потомъ въ переводахъ встрѣчаемъ руссизмы, также какъ сербизмы и словенизмы, то это уже слѣдствіе воздѣйствія народнаго языка; основа же все-таки оставалась церковно-славянская, т. е. болгарская. Вотъ почему русскія евангеліе и псалтирь, найденныя Константиномъ въ Корсуни, мы отнесли къ начаткамъ переводовъ собственно болгарскихъ. Почему же авторъ житія назвалъ ихъ не болгарскими, а русскими, опять таки мы указывали на то, что Русь въ IX вѣкѣ полагаетъ начало особому русскому княженію (Тмутракан-

скому) на почвѣ собственно болгарской, и гдѣ она легко сливалась съ своими соплеменниками Гунно-Болгарами. Притомъ первое документальное извѣстіе о крещеніи таврической Руси относится именно къ той же эпохѣ миссіи Константина и патріаршества Фотія. Паннонское житіе написано послѣ того, никакъ не ранѣе конца IX вѣка, а можетъ быть и въ X-мъ, когда названіе Русь отчасти перешло и на Черныхъ Болгаръ, какъ это явствуетъ особенно изъ арабскихъ писателей того времени, и когда православный славянскій обрядъ называется болгарскимъ или русскимъ (въ посланіи папы Іоанна XIII). Это сліяніе элементовъ, болгарскаго и русскаго, не ограничивалось Таврическо-Таманскою областью. Оно происходило и въ Приднѣпровьѣ, и на Волыни, гдѣ также жили гуннскія племена, вошедшія въ составъ русскихъ княженій (Тиверцы, Угличи, Сѣверяне, Волыняне). Болгарскіе переводы распространялись здѣсь тѣмъ легче, что языкъ ихъ былъ едва-ли не роднымъ языкомъ для мѣстнаго населенія. А такъ какъ эти княженія были уже русскими (по господствующему Кіевскокняжему дому и основной народности его дружинъ), то и здѣсь не легко было найти границы между языками славяно-русскимъ и славянско-болгарскимъ. (О томъ же наглядно свидѣтельствуетъ совмѣстное существованіе русскихъ и славянскихъ названій Днѣпровскихъ пороговъ).

Пока всѣ вышеуказанные мною свидѣтельства и факты существуютъ въ полной силѣ, разумѣется, и мои выводы изъ нихъ остаются никѣмъ не опровергнуты. Г. Будиловичъ, держась туранской теоріи по отношенію къ Гунно-Болгарамъ, неизбѣжно долженъ былъ прибѣгать къ разнымъ натяжкамъ и гаданіямъ, чтобы выпутываться изъ лабиринта противорѣчій. Поэтому онъ совсѣмъ игнорируетъ существованіе таврическихъ Гунно-Болгаръ и раннее ихъ крещеніе; а первоначальное процвѣтаніе у Славянъ письменности и христіанской культуры совершенно гадательно относитъ къ малоазійскимъ Славянамъ; причемъ умалчиваетъ о томъ, кто такое были эти Славяне, т. е. какой вѣтви и какимъ нарѣчіемъ они говорили. По историческимъ же свидѣтельствамъ это были колонисты, вышедшіе все изъ того-же Болгарскаго племени. Отсюда у него славянскія письмена, най-

денныя въ Корсуни, по видимому не играютъ роли въ дальнѣйшей дѣятельности Константина и Меѳодія, т. е. въ устроенной ими азбукѣ и въ ихъ славянскихъ переводахъ. Языкъ этихъ переводовъ также гадательно, безъ всякихъ фактическихъ основаній, выводится изъ какого-то вымершаго языка пропонтидскихъ Славянъ въ соединеніи съ разговорною рѣчью славянскаго образованнаго общества въ Царьградѣ, съ тою рѣчью, которою Кириллъ и Меѳодій и ихъ соспѣшники будто-бы „бесѣдовали между собою въ Цареградѣ, Полихронѣ, подъ Олимпомъ“ (77). Авторъ примыкаетъ къ старой догадкѣ Раковецкаго объ искуственномъ образованіи и смѣшанномъ діалектическомъ составѣ ц.-слав. языка (71). По моему крайнему разумѣнію, подобная догадка вполнѣ несостоятельна и не имѣетъ за себя никакой исторической аналогіи: книжный церковно-славянскій языкъ представляетъ такой живой и цѣльный организмъ, который искусственно и съ помощью разной смѣси никто сочинить не могъ. А какое именно болгаро-гуннское нарѣчіе выступило въ немъ на поприще церковной письменности, о томъ должны быть еще произведены болѣе тщательныя и разностороннія изслѣдованія.

Вотъ въ короткихъ словахъ главные пункты нашего разногласія съ почтеннымъ профессоромъ. Напрасно онъ сторонится отъ критическаго пересмотра туранской теоріи относительно народности Гунновъ и Болгаръ. Основаніямъ, на которыхъ она существовала, нѣтъ болѣе мѣста. Названіе Славяне есть позднѣйшее, до VI вѣка не встрѣчающееся и долгое время видовое, а не родовое. Такъ называемое безобразіе Гунновъ оказалось искусственной деформаціей дѣтскихъ череповъ. Несовмѣстимость кочеваго быта съ прежнимъ понятіемъ о Славянахъ есть плодъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ и предвзятыхъ представленій этого быта, явно противорѣчащихъ историческимъ свидѣтельствамъ. Личныя имена, пока не поддающіяся объясненіямъ изъ славянскаго языка, суть общее явленіе: точно также многія древнія имена Германцевъ, Литовцевъ, Мадьяръ, Турокъ и т. д. пока необъяснимы изъ ихъ родныхъ языковъ. Славянскую же страву никто у Гунновъ не отниметъ, не смотря на всѣ попытки. Точно также мистическое превращеніе мнимотурецкой

орды Болгаръ-завоевателей въ народность какого-то неизвѣстнаго и притомъ покореннаго славянскаго племени всегда останется историческимъ абсурдомъ. А такія фразы о Гуннахъ, какъ напримѣръ, Іордана: „гнусная, жалкая, почти нелюдская порода, съ языкомъ, едва похожимъ на человѣческій говоръ“—суть реторическая брань въ устахъ враговъ; эта брань при случаѣ въ томъ же родѣ повторяется о Славянахъ и въ болѣе позднюю эпоху; такъ въ VIII вѣкѣ ихъ называютъ отвратительнѣйшимъ и гнуснѣйшимъ родомъ людей. (См. Эрбена Regesta Diplomatica. I, № 6). Но развѣ подобныя фразы могутъ смущать историческихъ изслѣдователей? Что же касается до ссылки на нѣкоторыя черты дикости и жестокости Гунновъ, яко-бы несогласныя съ характеромъ и нравами Славянъ, то здѣсь со стороны этнографовъ, кромѣ не совсѣмъ научныхъ пріемовъ, часто обнаруживается весьма поверхностное знаніе славянскаго міра и недостатокъ тщательнаго разносторонняго его изученія; вслѣдствіе чего нерѣдко открываются факты, совершенно противные существующимъ представленіямъ. Для примѣра укажу на замѣтку „Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ“ („Кіев. Стар.“ 1885 г., іюль), т. е. какъ немощныхъ стариковъ родные дѣти или внуки спускали въ какой нибудь глухой ровъ на голодную смерть. Но этотъ обычай, нѣсколько смягченный христіанствомъ, былъ только отголоскомъ глубокой древности, когда стариковъ просто убивали. Подобное тому встрѣчаемъ у древнихъ Массагетовъ и Скиѳовъ. Точно также существовавшій при Московскомъ дворѣ обычай выдачи головою являлся только напоминаніемъ скиѳскихъ временъ, когда побѣжденный въ тяжбѣ выдавался головою своему противнику, а тотъ дѣйствительно отрубалъ ему голову и дѣлалъ изъ нея застольную чашу.

Русская историческая наука прежде всего должна бросить тенденціозныя мнѣнія о Славянахъ, изучать ихъ безъ предвзятыхъ теорій и брать такими, какими они являются въ дѣйствительности.

Затѣмъ, вполнѣ отдаю справедливость тѣмъ сторонамъ данной монографіи, которыя представляютъ дальнѣйшее движеніе науки въ обработкѣ нѣкоторыхъ доселѣ темныхъ и спорныхъ

вопросовъ. Таковы въ особенности приведеніе въ болѣе очевидную связь миссіонерской дѣятельности Солунскихъ братьевъ съ дѣятельностію патріарха Фотія (гл. V) и дѣльныя разсужденія о латинскомъ элементѣ въ образованіи глаголицы; причемъ авторъ развиваетъ нѣкоторыя положенія Гейтлера и удачно полемизуетъ съ г. Ягичемъ и другими глаголиташами, приписавшими Кириллу и Меѳодію изобрѣтеніе глаголицы (стр. 50—70). Далѣе, у него въ бо̀льшей степени, чѣмъ прежде, разъяснены политика папъ по отношенію къ славянскому богослуженію, съ виду противорѣчивая и непослѣдовательная, а въ сущности постоянно ему враждебная (84—90), а также неизмѣнная вѣрность архіепископа Меѳодія ученію и преданіямъ Грековосточной церкви (гл. IX).

V.

ПОСЛѢДНІЯ ЗАМѢТКИ.

Der Ursprung der Magyaren. Von Hermann Vambery. Leipzig. 1882.
Еще о мопхъ оппонентахъ на диспутѣ 30 декабря по Гуннскому вопросу.

Въ „Разысканіяхъ о началѣ Руси“ (стр. 221—222) я указалъ на примѣръ Рёслера: какъ въ своей книгѣ о Румунахъ онъ особую статью посвящаетъ происхожденію Болгаръ и невозможными филологическими натяжками доказываетъ ихъ родство съ Остяками и Самоѣдами. Теперь могу привести подобный же примѣръ извѣстнаго мадьярскаго путешественника и проповѣдника руссофобіи Вамберп. Въ своей книгѣ „О происхожденіи Мадьяръ“ онъ около 50 страницъ (21—68) наполнилъ разсужденіями и доказательствами о туркской народности Гунновъ и Болгаръ, съ присоединеніемъ еще Аваръ.

Не будемъ останавливаться надъ его пустой болтовней относительно гуннскихъ этнографическихъ чертъ, будто бы вполнѣ свойственныхъ только турецкимъ племенамъ; тогда какъ кочевое состояніе необходимо обусловливаетъ общія черты быта у самыхъ разноплеменныхъ народовъ. По обыкновенію туранистовъ широкое мѣсто дается при семъ всякимъ произвольнымъ сближеніямъ. Напримѣръ, онъ увѣряетъ о присутствіи у Гунновъ тѣхъ обычаевъ шаманства и огнепоклоненія, которыя встрѣчаются у Турокъ въ описаніи къ нимъ византійскаго посольства VI вѣка, но которыя совсѣмъ не упоминаются у Гунновъ (29). Приведенные имъ способы гаданія на палочкахъ и костяхъ животныхъ такъ общи разнымъ языческимъ народамъ, что на нихъ ровно ничего нельзя построить. Обратимся къ его филологиче-

скимъ доказательствамъ, которыя онъ также считаетъ своимъ главнымъ аргументомъ (unser Hauptargument). Тутъ у него гуннское камосъ вновь является татарскимъ кумысомъ, хотя невозможность ихъ отожествленія давно утверждена. Въ объясненіи же собственныхъ гуннскихъ и болгарскихъ именъ его натяжки и произвольныя сближенія доходятъ до Геркулесовыхъ столбовъ. Напримѣръ Атакамъ онъ производитъ отъ ata—отецъ и kam—жрецъ, слѣдовательно выходитъ: отецъ-жрецъ; хотя ата или тата и по славянски тоже отецъ. А Эскамъ у него другъ-жрецъ. Блѣда онъ обращаетъ въ bülid или bülüt—облако, Эдикона въ edik-kün, т. е. счастливый день, Эллака въ jillak—блестящій, Скотта въ sukat—милостыня, Октара производитъ отъ ok—стрѣла. Разумѣется, съ такими пріемами можно собственныя имена производить изъ какого угодно языка. При семъ Вамбери, также какъ и другіе туранисты, совсѣмъ забываетъ, что тѣ же почти имена встрѣчаются и у Нѣмцевъ; такъ Эска былъ сынъ англосаксонскаго вождя Генгиста, Элла одинъ изъ англосаксонскихъ королей, (имя Эллакъ конечно тожественно съ Элла, какъ Ирнакъ съ Ирна), Эдика король у Скировъ по Іордану, и кромѣ того имя Эдикона носилъ отецъ Одоакра, изъ племени Руговъ; Октаръ, при весьма вѣроятной другой формѣ Откаръ, есть тоже что Отокаръ, который въ свою очередь, судя по варіантамъ, есть тоже что Одоакръ. А съ именемъ Блѣда или по другому чтенію Влида встрѣчается у Приска одинъ епископъ, отправленный посломъ отъ императора Маркіана къ Гензерику Вандальскому, повидимому негреческаго происхожденія.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ филологическихъ измышленіяхъ иноземныхъ писателей о Гунно-Болгарахъ и Руси, каковы Рёслеръ, Томсенъ и Вамбери. Но нельзя не обращать собаго вниманія на ихъ русскихъ послѣдователей. По сему поводу возвращаюсь къ тѣмъ возраженіямъ, которыя были представлены, по поводу моего пересмотра Гуннскаго вопроса, на диспутѣ 30 декабря 1881 года. Въ своемъ отчетѣ объ этомъ диспутѣ (см. 537—549 стр. моихъ Разыск. о нач. Руси), говоря на память, я не могъ буквально цитовать аргументы моихъ

противниковъ. Теперь ихъ возраженія напечатаны въ протоколахъ Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи (см. „Тридцать седьмое засѣданіе“ этнографическаго отдѣла). Возраженія эти являются не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а уже въ болѣе обработанномъ. Особенно это можно сказать о возраженіяхъ Н. А. Попова. Но исходный его пунктъ остается также невѣренъ какъ и прежде. По его мнѣнію я долженъ былъ прежде всего заняться разборомъ трудовъ нѣкоторыхъ мадьярскихъ писателей о Гуннскомъ вопросѣ, т. е. заняться толченіемъ воды въ ступѣ. Изъ его же словъ выходитъ, что сами эти писатели разногласятъ между собою и въ концѣ концовъ не пришли ни къ какому положительному мнѣнію о народности Гунновъ. Да образчикъ ихъ несостоятельности мы сейчасъ видѣли въ лицѣ г. Вамбери. Разумѣется, я былъ вполнѣ правъ, обратившись прямо къ критическому разсмотрѣнію важнѣйшихъ источниковъ, на основаніи которыхъ и слагались мнѣнія объ этой народности. Далѣе, г. Поповъ что-то коротко, но неясно говоритъ о первомъ появленіи Славянъ въ Европѣ, т. е. указываетъ на разныя гадательныя мнѣнія объ этомъ появленіи; но умалчиваетъ о моемъ существенномъ положеніи, что Славяне давно жили въ Европѣ не только подъ именемъ Венедовъ, но главнымъ образомъ подъ именемъ Сарматъ. Наконецъ приведенная имъ цитата изъ Фредегарія, гдѣ „Гунны и Славяне рѣзко отличаются другъ отъ друга“ — эта цитата совсѣмъ не относится къ дѣлу; такъ какъ извѣстно, что именемъ Гунновъ здѣсь обозначаются Авары. А почему Авары у нѣкоторыхъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ именовались Гуннами, о томъ было мною говорено довольно (Раз. о нач. Руси стр. 244—245 и 556).

Второй возражатель, В. Ѳ. Миллеръ, разсуждаетъ о м е д ѣ и к а м ѣ; послѣдній конечно долженъ быть оставленъ въ сторонѣ; медъ онъ приписываетъ не Гуннамъ, а мѣстному земледѣльческому населенію (какое отношеніе медъ имѣетъ къ земледѣлію?). А с т р а в у, подобно другимъ, считаетъ заимствованнымъ у туземныхъ Славянъ: „немудрено, что къ (похороннымъ) обрядамъ гуннскимъ могла присоединиться и славянская страва“. Напротивъ, очень мудрено, чтобы пришлые на Дунай Гунны въ какіе либо 50 лѣтъ заимствовали у другаго, по мнѣнію туранистовъ

совсѣмъ чуждаго имъ, народа, такой важный погребальный обрядъ. Относительно родины Гунновъ и Славянъ почтенный профессоръ пытается доказать, что во II вѣкѣ, когда писалъ Птоломей, Славянъ не было не только по ту сторону Дона, т. е. въ Азіатской Сарматіи, но и по сю сторону, т. е. въ Европейской; слѣдовательно Гунны пришли въ Европу въ IV вѣкѣ. Вопервыхъ, выше авторъ говоритъ о Славянахъ и Антахъ, давно обитавшихъ въ Европѣ; вовторыхъ, изъ его словъ не понятно, что значитъ „Гунны въ IV в. пришли въ Европу съ востока“: изъ Азіи въ Европу? (что невѣрно) или изъ Азіатской Сарматіи въ Европейскую? Втретьихъ, можно ли перечислять народы, упоминаемые въ Восточной Европѣ, въ томъ числѣ Роксоланъ и Языговъ, и утверждать, что тогда не было тамъ Славянъ, когда извѣстно, что имя Славянъ появляется только въ VI вѣкѣ, и притомъ еще въ значеніи болѣе видовомъ, нежели родовомъ? А что нѣкоторые, болѣе поздніе, источники уже называютъ Гунновъ Славянами это обстоятельство будто бы „находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что Гунны временъ Аттилы жили среди Славянъ, покоривъ ихъ и в ѣ р о я т н о подвергнувшись культурному вліянію своихъ подданныхъ и ославяненію“. Это заключеніе не только невѣроятно, но и просто съ исторической точки зрѣнія немыслимо. Огромное Гуннское племя, пришедши на Дунай, гдѣ до него существовало гораздо менѣе его сильное славянское населеніе (несомнѣнно называемое въ источникахъ Сарматами), никакою особою культурою себя не заявившее, въ какія нибудь 50 лѣтъ вдругъ подчинилось ославяненію! Если у него являются какія славянскія черты, то просто потому, что оно само было племя Славянское, хотя и другаго нарѣчія сравнительно съ туземнымъ. Это все тѣже натяжки, съ помощью которыхъ пытаются объяснить превращеніе будто бы туранскихъ Болгаръ въ Славянъ.

Самую любопытную часть возраженія представляютъ конечно разсужденія о собственныхъ именахъ какъ В. Ѳ. Мплера, такъ и третьяго возражателя, Ѳ. Е. Корша. Такъ, по мнѣнію перваго окончанія на gan и kan будто означаютъ ничто иное, какъ ханъ въ именахъ З а б е р г а н ъ, А й г а н ъ и т. п.; хотя никакого татарскаго смысла этихъ словъ никто не представилъ и хотя я уже

указывалъ на ихъ варіанты Заберга и Айга, на перса VI вѣка Нахорагана и византійца X в. Теодорокана (Дараганъ и великанъ на этомъ основаніи тоже выходятъ слова татарскія). Вамбери однако не затруднился, и объяснилъ Забергана съ помощью персидскаго шахъ; у него получился такимъ способомъ шахъ-бергенъ, что значитъ „царю данный"! А хана онъ отвергаетъ, относя появленіе этого слова только къ XIII вѣку. Денгизиха объясняетъ В. Ѳ. Миллеръ съ помощью турецкаго dengiz—море, но забываетъ варіантъ этого имени Dinzio по Іордану. А Вамбери толкуетъ Денгизихъ не моремъ, а ting-kizik—очень огненный! Ничѣмъ не объясняя имена Илигеръ и Моагеръ, В. Ѳ. просто сравниваетъ ихъ по окончанію съ Едигеръ, царь Казанскій. Но вѣдь я указывалъ на литовское имя Маргеръ, прибавляю нѣмецкое Ридигеръ, скандинавское Биргеръ и т. д. Туранству данныхъ именъ я противополагаю прежде всего ихъ арійство; а разъ Гунны были арійское племя, славянство ихъ вытекаетъ само собою. Ойбарса сравниваютъ съ половцемъ Багубарсомъ; но его болѣе близкое чтеніе есть Оиварсій. Мама отождествляется съ золотоордынскимъ Мамаемъ; хотя ближе кажется было бы вспомнить о матери; подобно тому какъ отецъ въ формѣ ата или тата, по всей вѣроятности, является въ именахъ Аталь, Ата-камъ, Ата-ульфъ, Аттила, Татила. Въ древнерусскихъ договорахъ съ Греками упоминается константинопольское предмѣстье Св. Мамы (или Маманта); неужели и этотъ Мама тоже что татарскій Мамай? Былъ еще въ XV вѣкѣ кіевскій митрополитъ Григорій Мамма, надѣюсь, тоже ничего общаго неимѣвшій съ Мамаемъ.

Далѣе, Ѳ. Е. Коршъ старается читать Берихъ и Басихъ, чтобы подогнать ихъ къ татарскимъ словамъ берикъ—крѣпкій и басыхъ—скромный: тогда какъ можно читать Верихъ и Васихъ (какъ читаетъ г. Дестунисъ въ своемъ переводѣ отрывокъ Приска) и сближать, напр. съ готскимъ Верн-мундъ или славянскимъ Вермудъ (Велмудъ). Горда онъ не признаетъ славянскимъ потому, что „у Славянъ имена бываютъ неприлагательныя, а производныя отъ нихъ или сложныя". Не понимаю, въ чемъ же тутъ состоитъ возраженіе противъ факта; фактъ же состоитъ въ томъ, что это слово славянское, и я поста-

вилъ на видъ цѣлый рядъ подобныхъ именъ у Славянъ: Всегордъ, Храбръ (черноризецъ, авторъ сочиненія о Письменахъ Славянскихъ), Малъ (древлянскій князь), Любъ (или Любко) и пр., съ прибавленіемъ еще Гордята, производнаго отъ Горда *. Онегесія онъ почему-то считаетъ греческимъ именемъ; хотя этого въ источникѣ не говорится и никакого такого имени у Грековъ невстрѣчается; Доната латинскимъ, а Ислуи Креку неизвѣстной народности. Но если бы г. профессоръ обратился къ своему мадьярскому единомышленнику, весьма храброму въ семъ дѣлѣ Вамбери, то онъ нашелъ бы тамъ почти всѣ подобныя имена великолѣпно объясненными изъ турецкаго языка. Такъ Онегезъ или Онигизъ означаетъ „громкогласный“; Донатъ отъ tonat—украшать, Крека—старшая жена и т. д. Хорсоманъ или Хорсомантъ, очевидно, затрудняетъ Ѳ. Е. Корша; онъ говоритъ, будто я его объясняю: славянское Хорсъ+нѣмѣцкое mann. Ничего подобнаго я не говорю; а указываю аналогію съ окончаніями манъ, мантъ и мунтъ или мундъ, которыя встрѣчаются у Нѣмцевъ, Литовцевъ и Славянъ. (Съ такимъ пріемомъ пожалуй въ словѣ дурманъ окажется нѣмецкое окончаніе). По моему мнѣнію мундъ, также какъ и ман, просто значитъ мужъ, которое въ древнеславянскомъ языкѣ произносилось съ носовымъ звукомъ (мѫжъ). Въ простомъ своемъ видѣ оно является въ имени внука Аттилы Мундо. Тоже слово конечно заключается и въ имени отца Аттилы Мундюкъ, въ латинской передачѣ Мундзукъ (что указываетъ на дзекающій говоръ). Толкованіе его у Вамбери какимъ то военнымъ знаменемъ съ конскимъ хвостомъ можетъ служить только образцомъ ненаучнаго отношенія къ дѣлу. Аналогичное имя этому Мунзуку представляетъ извѣстный славянскій вождь кон-

---

* В. Ѳ. Миллеръ замѣчаетъ, что славянство этого имени „затрудняется“ окончаніемъ на as (Gordas), также какъ въ имени Блѣдъ (Bledas). Не понимаю и сего затрудненія. Аттила у греческихъ писателей тоже является съ as, т. е. Attilas; слѣдовательно s принадлежитъ греческой передачѣ. А славянскимъ именамъ равно обычно окончаніе и на ъ и на а; могло произноситься и Гордъ и Горда, какъ Горядята. У насъ, какъ извѣстно, даже заимствованныя греческія имена въ народномъ произношеніи усвоили на концѣ а: Никола, Кирила, Михайла, лѣтописный Алекса. и пр.

ца VI вѣка Музокій, а ужъ никакъ не турецкое названіе знамени. Ссылка г. Корша на то, что Прокопій называетъ Хорсомана Массагетомъ также ничего недоказываетъ: въ данномъ случаѣ Прокопій Массагетами называетъ Гунновъ.

Все сейчасъ сказанное только подтверждаетъ мое прежнее положеніе, о томъ, какъ много произвола и гаданія во всѣхъ данныхъ объясненіяхъ собственныхъ именъ, и какъ еще далека наука отъ опредѣленнаго критерія для точнаго раскрытія ихъ смысла, а слѣдовательно и для опредѣленія ихъ народности. Еще никто не нашелъ такого критерія для древнихъ славянскихъ именъ; слѣдовательно, всякія разсужденія о нихъ и въ положительномъ, и въ отрицательномъ смыслѣ пока гадательны. Вотъ почему, доказывая славянскую народность Гунновъ и Болгаръ преимущественно основаніями историческими, относительно именъ держусь пока просто сравнительной системы или аналогій. На диспутѣ я приводилъ цѣлый рядъ примѣровъ, какъ филологія не объяснила значенія собственныхъ именъ Печенѣговъ. Половцевъ, Аланъ, Литвы, Угровъ и пр., народность которыхъ опредѣлилась иными данными, а не ихъ именами. Многія имена готскія у Іордана также доселѣ не поддаются объясненію изъ нѣмецкаго языка. Приведу еще примѣръ изъ извѣстій писателя IV вѣка Амміана Марцелина о Квадахъ и Дунайскихъ Сарматахъ. Онъ, напримѣръ, приводитъ имена сарматскихъ вождей Зизаиса и Узафра. Эти имена намъ пока ничего не даютъ для опредѣленія сарматской народности, и ея славянство я вывожу изъ другихъ данныхъ. Но приводимыя имъ имена королей Квадовъ, Арагарій, Витродоръ, Габиній (заимствованное у Римлянъ) и пр. также ничего не даютъ для ихъ нѣмецкой народности; эта народность объясняется другими данными. Точно также ничего не даютъ для опредѣленія народости Руговъ и Геруловъ имена: Флакцитей, Фелетей или Фава, Эдеконъ, Туфа, Теланъ, Навлобатъ, Охонъ, Аордъ и пр. Если и встрѣчются у Квадовъ Агильмундъ, у Руговъ Фредерикъ, у Геруловъ Родульфъ, то и въ числѣ именъ болгаро-гуннскихъ имѣемъ такія какъ помянутый Гордъ, Хорсомантъ, Телецъ, Валаміръ, т. е. Велеміръ, которое г. Коршъ пытается отвергнуть только

на основаніи невѣроятнаго чтенія Balamber; хотя тожественное имя встрѣчается и у Готовъ: король Валамиръ, извѣстный вассалъ Аттилы. (Если же читать Баламиръ, то славянскій его характеръ оттого не пострадаетъ, потому что имѣемъ слова бала-гуръ, бала-мутъ и т. п.). Встрѣчаются между Гуннами имена и съ германскимъ оттѣнкомъ, какъ Рагнарь, Катульфъ, Ольдогандъ, и съ русскимъ, какъ Синьо (напоминающее бирича Синько) и Вулгуду, и съ такимъ чисто иранскимъ какъ Гормидакъ (у Сид. Апол.), напоминающее сассанидскаго царя Гормизда и древнеперсидскаго бога Ормузда, и т. д.

Ѳ. Е. Коршъ говоритъ, будто я придаю большое значеніе тому, что имена могли заимствоваться, и указываетъ на невозможность „послѣдовательной замѣны родныхъ именъ чужими“. Заимствованія несомнѣнно встрѣчаются между разными народами, но никакой послѣдовательной замѣны въ именахъ Гунно-Болгаръ и Руси я не вижу; а вижу только послѣдовательность въ попыткахъ туранистовъ и норманистовъ почти каждое данное имя толковать въ извѣстномъ, излюбленномъ направленіи. Вообще я не согласенъ съ такимъ пріемомъ: взять собственное имя и на основаніи созвучія прямо объяснять его значеніе или родство въ туранскомъ (или норманскомъ) смыслѣ. Подобный пріемъ очевидно не наученъ, и приводитъ къ самымъ невѣроятнымъ заключеніямъ. Вотъ почему выводы подобной филологіи такъ сильно расходятся съ выводами исторіи въ данномъ вопросѣ; хотя съ помощью вопіющихъ натяжекъ туранисты пытаются ихъ согласовать. Напр., проф. Коршъ на мое замѣчаніе, что Гунны не могли внезапно исчезнуть, ссылается на Амеде-Тьери, который „показываетъ, какъ Гунны мало по малу исчезли въ толпахъ родственныхъ имъ народовъ, постоянно прибывавшихъ съ Востока“. Выходитъ, будто споръ идетъ только между словами: внезапно и мало по малу. Это невѣрно. Во-первыхъ, Тьери и постепеннаго ихъ исчезанія не доказалъ. А во-вторыхъ, я вообще недопускаю исчезновенія изъ исторіи такого громаднаго племени, какъ Гуннское, которое потрясло всю Европу отъ Каспія до Атлантики. Не могло оно затеряться въ толпахъ воображаемыхъ родственныхъ народовъ. Какихъ это народовъ? Держава Аттилы

рушилась въ V вѣкѣ; Угры пришли въ югозападную Россію и на Дунай только въ IX вѣкѣ, т. е. спустя 4 столѣтія. Гдѣ же все это время были Гунны и что они дѣлали, если ихъ не разумѣть (какъ я указывалъ) подъ именами Болгаръ, Угличей, Сѣверянъ и Волынянъ? Да по численности Мадьяре были ничтожны сравнительно съ Гуннами, и послѣдніе не могли исчезнуть въ ихъ толпахъ. А настоящіе Турки въ лицѣ Печенѣговъ пришли только въ X вѣкѣ въ южную Русь; конечно Гунны тоже не растаяли между ними, да они уже успѣли основать великое Болгарское царство. Авары ближе были къ Гуннамъ по времени; но это, по всѣмъ признакамъ, Лезгинское, малочисленное племя, сильное своимъ смѣшеніемъ съ Гуннами (почему и называется иногда Вархонитами), само въ значительной степени огуннилось, т. е. распустилось среди Славяно-Гунновъ, которые несомнѣнно пережили Аваръ и отнюдь не исчезли. Слѣдовательно, исторія рѣшительно противится всѣмъ домысламъ туранистовъ.

И какихъ сомнительныхъ правилъ они ни выставляютъ! Напримѣръ: индоевропейскому, а въ частности славянскому происхожденію, по мнѣнію г. Корша, противорѣчатъ гласныя въ концѣ именъ: Денгизихъ, Еллакъ, Атакамъ и т. п. Не понимаю, о какихъ гласныхъ тутъ говорится: имена и слова на и х ъ или и к ъ и а к ъ очень обычны въ арійскихъ языкахъ вообще и въ славянскомъ въ частности (и к ъ выражаетъ у насъ уменьшительную форму; а окончаніе а к ъ очень употребительно, напр. большакъ, меньшакъ, дуракъ, гусакъ и пр.). Наоборотъ, выше мы видѣли, что Денгизихъ, по Вамбери, не можетъ быть объясняемъ татарскимъ д е н г и з ъ — море; ибо въ такомъ случаѣ съ окончаніемъ на и х ъ ничего не выходитъ и потому онъ прибѣгаетъ къ другому измышленію. А что касается А т а́ к а м ъ, то (кромѣ его первой половины сходной съ Аттила и Ата-ульфъ) не надо забывать, что при обсужденіи гуннскихъ именъ мы имѣемъ дѣло не съ точнымъ гуннскимъ ихъ произношеніемъ, а съ греческою или латинскою ихъ передачею. Какъ это имя произносилось Гуннами, мы не знаемъ; особенно нужно имѣть въ виду древнеславянское носовое и притомъ невнятное для иноземца произношеніе, которое даже и не могло въ точности быть передано Греками и Римлянами. Атакамъ принадлежитъ къ тѣмъ именамъ,

которыя встрѣчаются одинъ разъ и не имѣютъ варіантовъ. Тѣ же гуннскія и болгарскія имена, которыя повторяются, имѣютъ обиліе варіантовъ. Напр.: Октаръ и Уптаръ; Руасъ, Роасъ и Ругасъ; Ирнасъ, Ирнахъ, а въ славянской передачѣ (въ Росписи болгар. князей) Ирникъ; Аспарухъ въ славян. передачѣ Есперихъ; Кормезій—Кормисошъ; Куврать, Коуртъ и Куратъ (напомин. Каратъ, хорутанскій князь. См. Шафар. II. 2. 65); Крумъ, Кремнъ, Кремъ и даже КрЖгъ. Крека, супруга Аттилы, у того же Приска въ другомъ мѣстѣ является въ формѣ Реканъ. (Отсюда, на основаніи аналогіи, имя Одоакрова сына Теланъ м. б. принято варіантомъ имени Аттила) и т. д. Или откуда г. Коршъ выводитъ, что „сочетаніе ур+согласная“ (въ Курсихъ) противорѣчитъ арійскому происхожденію, а славянскому въ особенности? Стало-быть курной, курносый, курчавый, курченокъ и пр.—все это слова не славянскія? Хотя бы такое сочетаніе было неособенно часто, все же оно встрѣчается. Курсихъ также упомнается одинъ разъ и не имѣетъ варіантовъ; а если бы имѣлъ, то пожалуй могла оказаться, напр., форма Корсихъ или Хорсихъ, т. е. съ участіемъ Хорса какъ и въ словѣ Хорсоманъ, и т. п.

Далѣе, по замѣчанію Ѳ. Е. Корша, гуннскій языкъ былъ языкъ тюркскій, „но особый, теперь можетъ быть совершенно вымершій“. Конечно, симъ предположеніемъ легко объяснять всякое встрѣчающееся затрудненіе; но въ такомъ случаѣ можно еще съ большею вѣроятностію предположить, что гуннское нарѣчіе славянскаго языка тоже не сохранилось до нашего времени въ разговорной рѣчи. Въ такомъ именно положеніи находится церковнославянское или древнеболгарское нарѣчіе. Притомъ Гунны, конечно, могли имѣть въ своихъ личныхъ именахъ собственный элементъ, отличный отъ другихъ славянскихъ племенъ. Сравнивая личныя имена разныхъ племенъ, мы находимъ много такихъ, которыя встрѣчаются только въ одномъ извѣстномъ племени. Слѣдовательно, намъ нѣтъ никакой нужды для каждаго гуннскаго имени непремѣнно отыскивать подобное ему у другихъ Славянъ. А для этимологическаго ихъ разъясненія, повторяю, филологическая наука еще не нашла критерія. Если и такое несомнѣнно славян-

ское имя какъ Богорисъ, г. Коршъ толкуетъ тюркскимъ, потому что при сокращеніи его получилось Борисъ; стало-быть и Богуславъ—такъ какъ Богуслаевичъ получается въ сокращеніи Буслаевичъ (въ баснѣ о Васькѣ Буслаевѣ)—тоже выходитъ имя татарское. Любопытно это стараніе во что бы ни стало съ одной стороны оскандинавить, съ другой отатарить большую часть древнихъ Славянъ!

Этимологическимъ натяжкамъ туранистовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ и этнографическія. Напримѣръ, чего проще и убѣдительнѣе извѣстіе Прокопія, что „Славяне имѣютъ гуннскіе нравы". Θ. Е. Коршъ возражаетъ, что если бы Гунны были Славянами, то эта черта имѣла бы столько же смысла, „какъ если бы кто Славянамъ вздумалъ приписать чешскіе нравы". Подобное возраженіе только подтверждаетъ, какъ трудно бываетъ поставить моихъ оппонентовъ на строго историческую почву при обсужденіи данныхъ вопросовъ. Мною уже не разъ было указано, что Прокопій говоритъ о Придунайскихъ Склавинахъ, а отнюдь не о Славянахъ вообще; да въ то время еще и не было у Грековъ обобщенія всѣхъ Славянъ подъ этимъ именемъ. Слѣдовательно онъ сравниваетъ между собою не родъ и видъ, а два самостоятельные вида и находитъ у нихъ много общаго. Но несомнѣнно были и различныя черты въ ихъ бытѣ; такъ какъ Склавины (подъ именемъ Сарматъ) нѣсколькими столѣтіями ранѣе Гунновъ пришли на Дунай и успѣли перейти къ быту болѣе осѣдлому; причемъ не слѣдуетъ изображать ихъ какимъ то уже вполнѣ земледѣльческимъ народомъ, совершенно оставившимъ кочевыя и хищныя привычки. Исторія не подтверждаетъ такого мнѣнія; никакія свидѣтельства не говорятъ о преимущественно земледѣльческомъ бытѣ Склавиновъ; а выше мы видѣли, какъ Левъ VI прямо говоритъ о прежнемъ номадномъ образѣ жизни Славянъ, объ ихъ нерасположеніи къ земледѣлію и хищныхъ набѣгахъ даже въ его время. Слѣдовательно, пора бы оставить всѣ измышленія о ихъ земледѣліи и пѣшемъ хожденіи. Конечно, въ наше время Сербо-Хорваты совсѣмъ не конный народъ. Но вотъ что говоритъ Константинъ Б.: „Крещеная Хорватія выставляетъ 60.000 конницы и 100.000 пѣхоты". Слѣдовательно, еще въ X вѣкѣ болѣе чѣмъ на треть Хорваты были конники; а понятно, что въ IV и V вѣкахъ пропорція конниковъ была у нихъ еще бо́льшая.

По преимуществу этнографическое содержаніе представляютъ возраженія четвертаго моего оппонента, Д. Н. Анучина. Онъ главнымъ образомъ усиливается доказать, что въ извѣстіяхъ о наружности Гунновъ дѣйствительно указываются монгольскія черты. Отсутствіе же указаній на узкій подбородокъ и косые глаза онъ старается смягчить разными способами, напримѣръ тѣмъ, что нѣкоторые путешественники, описывающіе Татаръ, не упоминаютъ объ этихъ признакахъ. Онъ упираетъ на какую то особую коротконогость Гунновъ, свойственную Монголамъ; ибо Сидоній говоритъ, что на конѣ или сидя Гунны кажутся высокими, тогда какъ пѣшіе они являются средняго роста. Но я уже указывалъ на это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что Гунны такъ сказать выростали на коняхъ; слѣдовательно, ноги ихъ неизбѣжно должны были развиваться именно такъ, какъ и у другихъ кочевыхъ, конныхъ народовъ. И всѣ тѣ привычки и черты образа жизни, которыя можно найти у нихъ общими съ монголо-татарскими народами, вытекаютъ изъ того же главнаго обстоятельства, т. е. коннаго, кочеваго или полукочеваго быта. Одинаковая природа и одинаковыя условія, въ которыхъ живутъ полудикіе народы, и сходство въ пищѣ непремѣнно произведутъ у нихъ общія черты быта и даже тѣлеснаго развитія, несмотря на расовое различіе. Это такая научная истина, противъ которой спорить невозможно. Въ связи съ этой истиной находится и другая истина: что арійскіе народы были когда то кочевыми и конными. Въ настоящее время мы знаемъ таковыми только азіатскихъ кочевниковъ Урало-Алтайской семьи. Но если Арійцы не кочуютъ болѣе въ степяхъ Средней Азіи и Восточной Европы, то потому что всѣ они перешли къ другимъ, высшимъ степенямъ гражданственности. А что значительная часть восточныхъ Славянъ еще въ IV и V вѣкахъ жила въ кочевомъ или полукочевомъ состояніи, о томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Да не только восточные, но и западные или дунайскіе Славяне не были чужды этого состоянія; имѣемъ на то ясное свидѣтельство Льва VI, приведенное выше

Игнорируя эти двѣ основныя истины, профессоръ Анучинъ постоянно упускаетъ изъ виду и третью несомнѣнную истину: что въ VI вѣкѣ названіе Славяне еще не получило характеръ

названія родоваго, примѣняемаго ко всѣмъ славянскимъ народамъ; что подъ именемъ Склавинъ писатели этого вѣка разумѣютъ только часть дунайскихъ Славянъ, а отнюдь не восточно-европейскихъ. Указывая на нѣкоторыя различія въ извѣстіяхъ о Гуннахъ и Склавинахъ, онъ однако игнорируетъ важное свидѣтельство Прокопія, что „Склавины и Анты имѣютъ гуннскіе нравы“.

Относительно пресловутаго безобразія Гунновъ, я уже говорилъ, что оно было искусственное и что тѣ черты, какими описывается ихъ наружность, не подходятъ ни къ какому племени. Напрасно Д. Н. Анучинъ усиливается отрицать это искусственное безобразіе; натяжки Амедея Тьери и Бера, подгонявшихъ факты къ извѣстной теоріи, тутъ ровно ничего не даютъ: свидѣтельства источниковъ о деформаціи дѣтскихъ череповъ и носа, а также о глубокихъ нарѣзахъ на щекахъ—какъ ихъ ни толкуйте—остаются непререкаемыми. Между прочимъ слова Іордана объ ужасающей чернотѣ гуннскаго лица совсѣмъ не относятся къ Монголамъ, какъ къ желтой расѣ, и самъ же г. Анучинъ пытается объяснить эту черноту татуировкой. Только напрасно онъ считаетъ ее отличительною чертою Урало-Алтайскаго племени. Мы знаемъ, напримѣръ, что древніе Бритты окрашивали свою кожу въ синій цвѣтъ; имѣемъ указанія на татуировку нѣкоторыхъ другихъ древнихъ народовъ Арійскаго племени; тогда какъ именно о татуированіи Монголовъ и Татаръ пока не имѣемъ прямыхъ извѣстій; да хотя бы и имѣли, то этимъ только подтверждалась бы распространенность сего обычая вообще у дикихъ и полудикихъ народовъ. Наконецъ, слова Іордана тутъ могутъ просто означать слой грязи, которымъ были покрыты лица крайне нечистоплотныхъ Гунновъ. (Склавины тоже чистоплотностію не отличались). Равнымъ образомъ неосновательно ссылаться на гаданье по костямъ жертвенныхъ животныхъ, какъ на какой-то спеціально монгольскій обычай, или въ гуннскихъ коняхъ, „очень выносливыхъ, но некрасивыхъ,“ видѣть спеціально монгольскихъ; или неуклюжую обувь Гунновъ, мѣшавшую имъ ходить, объяснять обувью Киргизъ-Кайсаковъ, которые (по словамъ Левшина) „носятъ большіе сапоги съ острыми загнутыми носками и высокими каблуками, сдѣланные такимъ образомъ, что непривыкшій

къ онымъ не можетъ на нихъ ходить". Выходитъ, будто такою обувью отличались татаро-монгольскіе кочевники. А между тѣмъ вотъ что читаемъ у путешественника XV вѣка, Барбаро, о Грузинахъ: „Сапоги ихъ сдѣланы такимъ образомъ, что когда они стоятъ на ногахъ, то носокъ и каблукъ касаются пола, а средина подошвы отдѣляется отъ него на такое разстояніе, что можно свободно просунуть кулакъ, не причинивъ ногѣ ни малѣйшей боли. Эта обувь дѣлаетъ ихъ походку нѣсколько вялою; впрочемъ не одни они, но и Персіяне также носятъ этого рода сапоги". Отсюда можно заключить, что такая мода распространилась вѣроятно изъ Персіи и у Грузинъ, и у среднеазіатскихъ кочевниковъ. Слѣдовательно, сравнительный методъ въ дѣлѣ исторической этнографіи долженъ быть основанъ на тщательномъ изученіи многихъ и разнообразныхъ источниковъ и на широкихъ наблюденіяхъ для того, чтобы дѣлать какіе либо научные выводы.

Д. Н. Анучинъ, какъ и другіе туранисты въ данномъ вопросѣ, болѣе держится реторическихъ извѣстій о Гуннахъ Амміана, Іордана и другихъ латинскихъ писателей, чѣмъ простыхъ, ясныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ Приска и вообще византійцевъ, свидѣтельствъ, очевидно, неблагопріятныхъ для туранской теоріи. Мы приводили разныя черты изъ Приска, указывающія на славянство и вообще арійство Гунновъ. Приведемъ еще нѣсколько: Когда Прискъ посѣтилъ Креку, супругу Аттилы, онъ видѣлъ у нея рабынь, сидѣвшихъ на полу, устланномъ коврами: онѣ „испещряли разными красками полотняныя покрывала, носимыя варварами поверхъ одежды, для красы". Что это за покрывала или собственно плащи? Едва ли я ошибусь, если укажу на тѣ же Керченскія фрески, гдѣ у сарматскихъ всадниковъ развѣваются на плечахъ именно разноцвѣтные плащи, а также на рельефныя картины Траяновой колонны, гдѣ подобные плащи видны у дунайскихъ варваровъ, потомъ на верхніе плащи древнихъ Руссовъ и т. п. Но не помню какихъ либо указаній на подобные же плащи у Татаро-Монголовъ, одѣтыхъ обыкновенно въ длинные кафтаны. Или, по поводу встрѣчи съ плѣннымъ Грекомъ, Прискъ говоритъ, что этотъ огуннившійся Грекъ былъ остриженъ въ кружокъ — опять черта не монгольская, а сармато-сла-

вянская. Подобную стрижку видимъ на помянутыхъ выше Керченскихъ фрескахъ (также и бритую бороду). Или обратите вниманіе на аналогію между Аттилой и нашимъ Святославомъ: оба они отличаются отъ своихъ дружинниковъ простотою въ одеждѣ и пищѣ; передъ Каталаунской битвой Аттила произноситъ ободряющую рѣчь, по тону и отчасти по содержанію замѣчательно схожую съ рѣчью Святослава подъ Доростоломъ по Льву Діакону. (Любопытно, что по извѣстію того же писателя, у Святослава былъ также носъ плоскій, шея толстая, плечи широкія — черты, на которыя упираетъ г. Анучинъ въ изображеніи Гунновъ). Наконецъ, Аттила начинаетъ Каталаунское сраженіе, лично бросивъ копье; опять, по лѣтописному разсказу о Святославѣ, русскіе князья точно такъ же давали знакъ къ битвѣ. А г. Анучинъ утверждаетъ, будто у Гунновъ „о копьѣ не упоминается“.

„Что славяне входили въ число подданныхъ Аттилы, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться,—говоритъ Д. Н. Анучинъ,—равно какъ вообще и въ томъ, что славянскій элементъ, особенно ко времени Аттилы, сталъ все болѣе и болѣе вытѣснять Гуннскій?“ Слѣдовательно достоуважаемый профессоръ, чтобы выпутаться изъ вопроса, куда исчезли Гунны, повторяетъ тотъ абсурдъ, противъ котораго я главнымъ образомъ и борюсь во имя исторической науки. Вопервыхъ, о какихъ славянахъ онъ тутъ говоритъ? Склавины, т. е. Дунайскіе Славяне, только отчасти имѣли сожительство съ Гуннами. А главная масса сихъ послѣднихъ осталась въ Черноморскихъ степяхъ, откуда подъ именемъ Болгаръ потомъ заняла восточную половину Балканскаго полуострова. Въ восточной Европѣ извѣстны тогда Анты, о славянствѣ которыхъ никто не споритъ; но они не могли вытѣснить или ославянить огромное Гуннское племя, долгое время побѣдоносное и господствующее. Напротивъ, по законамъ исторіи, если бы Гунны были Монголо-Татары, въ такомъ случаѣ отъ самихъ Антовъ могли уцѣлѣть развѣ только какіе ничтожные остатки, или они бы исчезли изъ Восточной Европы, какъ исчезли тѣ Болгаре, на которыхъ ссылается г. Анучинъ въ концѣ своей статьи, говоря, что, по словамъ арабскаго писателя, они „были народъ смѣшанный изъ Тюрковъ и Славянъ“. Это извѣстіе от-

носится не къ Болгарамъ вообще, а только къ Камскимъ, въ основѣ которыхъ находилась небольшая часть Славяноболгарскаго племени; окруженная народами Урало-алтайскими и принявшая исламъ, эта часть затерялась на дальнемъ сѣверо-востокѣ Европы и окончательно утратила свою народность послѣ татарскаго погрома подъ игомъ Золотой Орды.

*

Въ заключеніе я снова приношу благодарность своимъ оппонентамъ, и въ особенности В. Г. Василевскому. Благодаря ихъ возраженіямъ, вопросъ о народности Гунновъ теперь настолько исчерпанъ, что я могу съ спокойною совѣстью и полнымъ убѣжденіемъ остаться при своихъ главныхъ выводахъ. Что конечно въ свою очередь не помѣшаетъ туранистамъ преспокойно и голословно повторять прежніе домыслы о Болгарахъ и Гуннахъ—какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ достоуважаемый О. О. Первольфъ въ только что вышедшемъ первомъ томѣ его труда: Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Поборники норманизма и туранизна.

В. Г. Васильевскаго: „О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ“ (Жур. Мин. Нар. Пр. 1882, іюль). Н. И. Веселовскаго: „Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о происхожденіи Гунновъ“ (ibid. сент.) В. О. Ключевскаго „Боярская Дума древней Руси“ М. 1882 г. Е. А. Бѣловъ „Объ историческомъ значеніи Рус. скаго боярства до конца XVII вѣка (Жур. М.Н. Пр. 1886. январь)..... 1

II. Еще о туранизмѣ въ славянской исторіи.

Отвѣтъ В. Г. Васильевскаго.—Одно справедливое его замѣчаніе.—Новыя разсужденія о стравѣ, камѣ, медѣ и другія текстуальныя пренія.—Болгаре-Венды въ Географіи Хоренскаго и отсутствіе аналогій у туранизма.—Его отношеніе къ Шафарику.—Теорія конныхъ и пѣшихъ народовъ въ приложеніи къ Арійцамъ вообще, къ Славянамъ въ частности.—Выводы туранизма, основанные на этимологическихъ увлеченіяхъ.—Смѣшеніе эпохъ относительно названій Склавины и Славяне.—Сводъ главнымъ пріемамъ туранизма.—Ѳ. И. Успенскій о болгарскомъ другнѣ.—Отношеніе норманизма и туранизма къ національному самопознанію. 50

III. Кирилло-Меѳодіевское тысячелѣтіе.

Смѣшеніе исторіи Славянъ съ исторіей ихъ названія. Передвиженіе Сармато-Славянъ изъ Восточной Европы въ Среднюю. Свидѣтельство о кочевомъ бытѣ Дунайскихъ Славянъ. Извѣстіе Паннонскаго житія о русскихъ письменахъ. Ихъ связь съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодія. Догадка проф. Миллера о связи съ письменами сассанидскими..... ... 99

IV. По поводу Меѳодіевскаго Сборника.

Стр.

Разсужденіе Н. А. Лавровскаго. Монографія А. С. Будиловича. Народность Солунскихъ братьевъ. Вопросъ о письменахъ, найденыхъ въ Корсуни. Смѣшеніе русскаго элемента съ Болгарскимъ. О пересмотрѣ Туранской теоріи... 113

V. Послѣднія замѣтки.

Der Ursprung der Magyaren. Von Hermann Vambery. Leipzig. 1882. Еще о монхъ оппонентахъ на диспутѣ 30 декабря по Гуннскому вопросу..... 123